BV
150

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПЛАТОНА

Митрополита Московскаго.

Книга 4.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ за 1913 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

опредѣлить получить, и къ полученію подать способы есть опредѣлить каждому свое.

И сіе есть славное и никогда неизмѣняемое свойство правосудія. Слѣдовательно, кто былъ облеченъ властію сего правосудія, а не воздавалъ бы каждому свое, тотъ не только былъ бы нарушитель правосудія, но и почтенъ былъ бы, по силѣ вѣчной правды, похищающимъ у каждаго свое, хотя бы самымъ дѣломъ онъ и ничего ни у кого не похищалъ. Ибо не удовольствовать обиженнаго, не подать способа къ полученію справедливаго требованія, или не воспрепятствовать усилію, нарушающему покой другихъ, есть причинять другому или и обществу несчастіе: слѣдовательно, подвергать себя правосудію Того, ока Котораго, не дремля, зритъ на всѣ дѣла и мысли человѣческія.

И потому-то совершаемый на земли судъ почитается судомъ Божіимъ. Ибо какъ верховный свѣта Правитель вся содержитъ числомъ, вѣсомъ и мѣрою, то посему и хощетъ и повелѣваетъ, дабы, именемъ Его на землѣ отправляющіе судъ, подражали правосудной Его святости. Слѣдовательно, кто нарушилъ бы сіе обязательство, тотъ не только долженъ отвѣтствовать въ причиненномъ другому несчастіи, но и въ оскорбленіи величества Бога, почетшаго сего симъ преимуществомъ.

По сей причинѣ святый Давидъ, и пророкъ и царь, Духомъ Святымъ нарицая правителей и судей богами, между коими присутствуетъ Самъ Богъ: „Богъ ста въ сонмѣ боговъ“,—не оставилъ, притомъ, приложить, что въ своихъ дѣлахъ сіи боги должны дать отчетъ верховному Судіи: „Богъ ста въ сонмѣ боговъ, посредѣ же боги разсудитъ“,—судить будетъ: „Доколѣ судите неправду, и лица грѣшниковъ пріемлете“ (Пс., 81, 1—2)?

Изъ сего одного понятія о правосудіи уже довольно видно, сколь великое и важное обязательство возлагается на правителей и судей. О, блаженъ, кто возможетъ по достоинству соотвѣтствовать таковому званію! Блаженъ, кто столько будетъ счастливъ, чтобы быть виновникомъ счастія многихъ; а черезъ то образъ Божій въ себѣ сохранитъ въ полномъ его собраніи!

Но, чѣмъ важнѣе таковое званіе, тѣмъ болѣе требуетъ благоразумія, вниманія, осторожности, ревности, человѣколюбія, безпристрастія.

Потребно: 1-е. Благоразуміе, вниманіе и осторожность. Благоразуміе въ знаніи закона, вниманіе ко всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, осторожность къ случаямъ и слѣдствіямъ, впередъ произойти могущимъ изъ всякаго дѣла.

Благоразуміе въ знаніи закона. Ибо хотя собственное разсужденіе дѣла при всякомъ обстоятельствѣ есть не токмо полезно, но и нужно: понеже судія долженъ быть истолкователь закона, да и ника-

кой законъ на всѣ случаи предписанія сдѣлать не можетъ, но, со всѣмъ тѣмъ, законъ долженъ предшествовать всѣмъ собственнымъ разсужденіямъ, и онъ да будетъ всегда непзмѣняемымъ правиломъ мыслей, словъ и опредѣленій судіи. Разныя суть человѣческія понятія, притомъ же не чувствительно вмѣшиваются слабости, а не рѣдко и страсти; потому нѣтъ ничего безопаснѣе, какъ прямо слѣдовать Божественному руководству закона. Почему и долженъ судія всегда съ прилежаніемъ упражняться въ совершенномъ выразумѣніи закона и углубить его въ памяти, да углубить не слова токмо, но и самый его разумъ, самую силу, намѣреніе и весь его союзъ: ибо и наилучшій законъ можетъ взять иной видъ, если его или намѣреніе не будетъ понимаемо, или изъ него будутъ вырываемы только части, чрезъ что ослабѣетъ оживляющая его душа, и весь составъ нечувствительно разрушится.

Вниманіе ко всѣмъ обстоятельствамъ дѣла. Всякое дѣло окружаютъ безчисленныя околичности: кто, что, гдѣ, какимъ пособіемъ, для чего, какъ, когда? И сіи окрестности дѣлаютъ иногда собою лабиринтъ, и надобно Аріадновой нити, чтобы, не заблудивъ, пройти симъ искривленнымъ путемъ. Не рѣдко случается, что опустишь малѣйшее обстоятельство дѣла, и все существо дѣла перемѣняется. Надобно при семъ терпѣніе, великодушіе, бережливость отъ поспѣшности. Терпѣніе, чтобы не пощадить ни времени, ни труда, ни покоя, ни здравія. Великодушіе, чтобы задержать стремленіе жара и гнѣва въ задаваемыхъ иногда отъ страсти затрудненіяхъ. Бережливость отъ поспѣшности, дабы почитать важнымъ все то, пренебреженіемъ чего можетъ быть причинена другому или обида, или нарушеніе порядка: ибо отъ малѣйшихъ разрушеній происходитъ большое разстройство, а иногда оно большимъ становится не вдругъ.

Осторожность къ случаямъ и слѣдствіямъ, изъ всякаго дѣла впредь могущимъ произойти, въ чемъ состоитъ свойство проницанія. Ибо всѣ вещи—въ союзѣ: одно вяжется съ другимъ, и настоящія дѣла обыкновенно бываютъ основаніемъ будущихъ. Мы получили отъ Бога сей даръ, чтобы изъ теченія вещей настоящихъ предусматривать будущее. И въ семъ-то состоитъ богоподобный даръ благоразумія, чтобы не ограничивать дѣла свои настоящимъ временемъ, но умѣть связывать ихъ и съ будущими и съ могущими быть слѣдствіями, и изъ всего того дѣлать единъ составъ.

2-е. Свойство правосуднаго судіи есть человѣколюбіе. Мы должны разсуждать о людяхъ яко о людяхъ, а не яко объ ангелахъ. Всѣ мы немощны, всѣ бываемъ великимъ или малымъ игралищемъ страстей; и человѣкъ, при всей своей осторожности, по примѣчанію Писанія Святаго, „седмижды на день падаетъ“ (Притч., 24, 16). И потому

человѣколюбный судія не можетъ оставлять немощей человѣческихъ безъ уваженія. Безъ разсмотрѣнія всѣхъ окрестностей одинъ слухъ есть слабое обвиненіе. Мы видимъ великій примѣръ тому въ словѣ Божіемъ. О Содомлянахъ развратнѣйшихъ Самъ Богъ говоритъ: „Сошедъ узрю, аще по воплю“ грѣховъ „ихъ грядущему ко Мнѣ совершаются: аще же ни, да разумѣю“ (Быт., 18, 21). Сердцевѣдецъ слуху не внемлетъ, но хощетъ и Своими очами созерцать; а сіе есть правило для насъ, да разсматриваемъ все обстоятельно и очезрительно, да входимъ въ намѣреніе согрѣшившаго, въ слабости его, въ раскаяніе, въ надежду исправленія. Всуе употребляется наказаніе за прегрѣшеніе, гдѣ черезъ то не предвидится польза ни согрѣшившаго, ни общества. А только извинительно тогда, когда оное или можетъ подать случай преступнику къ исправленію, или когда отмѣною наказанія можетъ быть причиненъ вредъ, или соблазнъ обществу. Наказаніе не должно заключать въ себѣ отмщенія: ибо оно относится не столько къ преступленіямъ, уже прешедшимъ и потому невозвратимымъ, сколько — къ предосторожности будущихъ. И для того надлежитъ обратить вниманіе паче къ исправленію духа: ибо черезъ то не токмо заглаждается преступленіе, но истребляется и самая вина его.

3-е. Ревность. А она состоитъ во всегдашней заботливости, чтобы все привести къ лучшему и не сдѣлать опущенія въ чемъ либо; состоитъ во всегдашнемъ жарѣ, который не допущаетъ впасть въ какое-либо разслабленіе или уныніе. Таковому хотѣлось бы все сдѣлать вдругъ, все увидѣть въ наилучшемъ состояніи въ скорѣйшемъ времени; но благоразуміе должно умѣрять сей жаръ и содержать въ своихъ предѣлахъ. И потому не довольно, чтобы сдѣлать какъ нибудь. Нѣтъ! Надлежитъ оттрясти отъ очесъ сонъ и дреманіе, оставить нѣгу, оставить излишнія увеселенія, оросить лице свое священнымъ потомъ, и почитать своимъ увеселеніемъ наичистѣйшее удовольствіе, какое въ сердцѣ раждается отъ исполненія должности своей.

4-е. Безпристрастіе. А оно требуетъ, чтобы не смотрѣть на лица: ибо не лицепріятенъ Богъ, образъ Котораго носитъ судія; не смотрѣть на ходатайства: ибо въ такомъ случаѣ есть видимая опасность, чтобы богатство безстудное не утѣснило бѣдности добродѣтельной; гнушаться лихоимства: ибо злато ослѣпляетъ и превращаетъ столъ судейскій. Да и нѣтъ безчестнѣе, какъ такимъ низкимъ образомъ продавать правду, дщерь Святѣйшаго Вышняго, и мѣшать небо съ землею. Честь или честность есть основаніе всѣхъ выгодъ человѣческихъ. Да и можетъ ли быть воображенъ большій прибытокъ, какъ почитаться виновникомъ пользы общей и утѣхою другихъ? И потому безпристрастіе не допуститъ поблажать пріятелямъ, заставитъ позабыть неудовольствія не-

доброжелателей, а держаться древняго образца присяги, другу не дружить и недругу не мстить.

Сіи свойства суть и обязательства прямаго судіи. Кто соблюдаетъ ихъ, есть истинный служитель праведнаго Бога, есть вѣрный подданный Помазанницы Его, есть прямый сынъ отечества. Но если бы кто почиталъ должность только за случай къ надменнымъ мечтаніямъ о себѣ, или къ пріобрѣтенію неправедныхъ прибытковъ, тотъ при высотѣ своей низокъ, при надменіи презрѣнъ, при ласкательствѣ жалокъ, при наружномъ изобиліи всего несчастливъ.

Все сіе слово мое обращается къ вамъ, почтеннѣйшіе сыны отечества; но обращается съ тѣмъ, дабы открыть внутреннее удовольствіе, видя васъ, украшенныхъ дражайшими свойствами правосудія. Углубите ихъ въ мысли и сердцѣ своемъ. Храните сіе сокровище. Проходите счастливо столь славный подвигъ. Украшайте мѣсто Божіе правосудіемъ. Споспѣшите великимъ намѣреніямъ Великой Монархіи. Будьте утѣшеніемъ матернему сердцу ея, содѣйствуйте ея трудамъ, облегчите столь великодушно носимое ею бремя. Сего единственно ожидаетъ отъ васъ великая ея душа, сего надѣется отечество, о семъ молитъ Церковь Божія; азъ же, недостойный пастырь ея, призываю на васъ и дѣла ваши помощь небесную и всесильное Божіе благословеніе. Аминь.

Слово въ недѣлю 31 по Пятидесятницѣ *).

Когда открывается пріятнѣйшая весна, пастырь изгоняетъ стада на поля тучнѣйшія и испещренныя различною красотою травъ и цвѣтовъ, увеселяется играніемъ, оживотворяемаго сочнымъ питаніемъ и благорастворенным воздухомъ, стада своего, и открываетъ внутреннее свое удовольствіе пѣніемъ пастушеской свирѣли, и тѣмъ оглашаетъ горы и лѣса. Но когда наступаетъ зима, все сіе перемѣняется въ скучное уныніе, и играющая свирѣль умолкаетъ.

На тучнѣйшей же нивѣ Церкви Божіей всегдашняя процвѣтаетъ весна, и, при воздушныхъ перемѣнахъ временъ, душевная добродѣтель остается всегда неувядаемою: понеже вѣяніе Духа Святаго, дѣйствіемъ Котораго добродѣтель возрастаетъ и цвѣтетъ, не подлежитъ никакимъ перемѣнамъ, и духовное питаніе слова Божія никогда оскудѣть не можетъ, только бы была душа, по Евангелію, алчущая правды. При настоящемъ зимнемъ времени созерцаю я благочестивую паству града сего, наслаждающуюся красотами духовной весны и покоющуюся

*) Сказано въ городѣ Калугѣ, въ Казанской церкви, 1777 г., января 22 дня.

подъ благодатнымъ вѣяніемъ Святаго Духа. Созерцаю и чувствую несказанное удовольствіе въ душѣ моей. Ибо увѣренъ о васъ, возлюбленные, коликою любовію возжено сердце ваше къ благочестію, коликою ревностію наполнены вы къ слышанію слова Божія, сколь радостною ногою поспѣшаете въ домъ Господень, съ коликимъ желаніемъ стремитесь на источники Давидовы, при которыхъ „насажденое древо даетъ плодъ во время свое, и листъ его не отпадетъ“, и все, еже „аще творитъ, успѣетъ“ (Псал., 1, 3). Почему и поставляю пріятнѣйшимъ долгомъ своимъ, при семъ благословенномъ случаѣ, предложить вамъ духовную бесѣду, и къ утвержденію добродѣтели вашей, и къ умноженію удовольствія моего.

А случай къ тому и подастъ намъ нынѣ чтенное Евангеліе, гдѣ, лишенный зрѣнія тѣлеснаго, съ умиленіемъ просилъ Спасителя міра: „Господи! да прозрю“ (Лук., 18, 41). Мы обратимъ сіе на очи наши душевныя и, дабы всегда осіявалъ ихъ лучъ небесный, испросимъ себѣ наставленія отъ Того, Иже есть Отецъ свѣтовъ.

Лишиться зрѣнія тѣлеснаго есть горестнѣйшее приключеніе, но лишиться зрѣнія душевнаго есть несравненно горестнѣе. Ибо, кто лишенъ зрѣнія тѣлеснаго, сіе можетъ причитаться случаю, или болѣзни, или судьбѣ Божіей неиспытанной; слѣдовательно, таковый человѣкъ, какъ прямо не можетъ почесться виновнымъ въ томъ, такъ и отъ всякаго заслуживаетъ сердечнаго сожалѣнія о себѣ. Но, кто лишенъ зрѣнія душевнаго, сіе ни случаю, ни болѣзни, тѣмъ меньше судьбѣ Божіей причесться можетъ, а единственно зависитъ отъ произволенія того самаго человѣка, который всегда и воленъ и силенъ даровать себѣ сіе зрѣніе, или лишить себя онаго; слѣдовательно, таковой и сожалѣнія о себѣ не заслуживаетъ, а паче достоинъ всякаго отвращенія: поелику самъ себя добровольно содержитъ въ такомъ несчастномъ состояніи, и какъ будто еще и любуется имъ.

Но, къ лучшему уразумѣнію сего, мы разсмотримъ, *отъ чего въ душѣ нашей возсіеваетъ зрѣніе, и отъ чего приключается противная тому слѣпота?*

Душевное зрѣніе, во-первыхъ, возсіеваетъ отъ благодати Божіей, которая „просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ“ (Іоанн., 1, 9). Богъ есть источникъ всякаго просвѣщенія, и потому называется Онъ Отецъ свѣтовъ и Солнце правды. Сія искра понятія, въ главѣ нашей обитающая, есть возженна лучемъ небеснымъ, когда, то есть, оный всесильный гласъ, открывшись во вселеннѣй, возгремѣлъ: „Да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ“ (Быт., 1, 3). Составъ нашъ былъ бы не иное что, какъ бреніе, какъ глина, если бы не оживотворился огненною теплотою Духа Божія. И потому, чѣмъ кто осторожнѣе хранитъ сію искру по-

пятія, возженную въ насъ свѣтомъ небеснымъ, тѣмъ она приходитъ въ большее сіяніе, тѣмъ душевное зрѣніе становится свѣтлѣе.

Но, кто о семъ нерадитъ, тотъ помрачаетъ внутреннее зрѣніе и ослѣпляетъ око души своей. А нерадитъ тотъ, кто такъ себя понимаетъ, будто бы онъ составленъ былъ только изъ одного тѣла, изъ одной плоти и крови, будто бы онъ созданъ съ тѣмъ, чтобы служить одному тѣлу, угождать однимъ чувствамъ, думать объ одной наружности. Такой, какъ ничѣмъ себя не отличаетъ отъ животныхъ безсловесныхъ, то не токмо не просвѣщаетъ душевное свое зрѣніе, но едва ли не погашаетъ въ себѣ и самый естественный, при его рожденіи возженный отъ Бога, свѣтъ. Нѣтъ! сей свѣтъ понятія, съ коимъ ты рожденъ, есть въ тебѣ не иначе, какъ сѣмя, которое ежели полагается въ тучной землѣ и трудомъ удобряется, то возрастаетъ и приноситъ плодъ; но если брошено будетъ въ каменистую землю, и никакого о немъ раченія не будетъ приложено, то остается безплодно и согниваетъ.

Но если бы и погасъ свѣтъ, коимъ освѣщаются тѣла и всѣ вещи чувственныя, то мы, изсѣкая изъ камня искру, паки умѣемъ возжигать оный. Промыслъ Божій милостивый, въ случаѣ, когда бы и въ насъ погасъ внутренній свѣтъ души, не оставилъ, чтобы не открыть намъ способа къ возженію паки въ насъ свѣта онаго. Сей способъ, сіе спасительное средство есть святой Его законъ: онъ есть тотъ дражайшій камень, изъ котораго мы вѣрою и раченіемъ можемъ изсѣчь Божественную искру, и тѣмъ паки возжечь въ себѣ пламень благодатный. Ибо законъ Божій есть свѣтильникъ ногамъ нашимъ и свѣтъ нашимъ стезямъ; въ немъ, яко въ зерцалѣ, мы видимъ волю Божію, благую и совершенную,—видимъ, по какимъ правиламъ жизнь свою препровождать должно, какимъ путемъ проходить и до безсмертія блаженнаго,—видимъ, какія суть преимущества и выгоды добродѣтели, и какія суть безобразія и печальныя слѣдствія страсти и порока. Чѣмъ кто охотнѣе слѣдуетъ сему руководству закона Божія, тѣмъ больше удаленъ отъ заблужденія, тѣмъ безопаснѣе ходитъ по пути истины и правды, такъ какъ, чѣмъ чаще кто смотритъ въ зерцало, тѣмъ скорѣе усматриваетъ черноту лица своего, а чрезъ то тѣмъ больше содержитъ оное въ надлежащей чистотѣ.

А хранилище закона Господня есть что?—Церковь Его святая. Она не токмо есть богодухновенный ковчегъ истины, но и вѣрнѣйшая истолковательница воли Божіей. Подъ священною ея сѣнію хранится таинственная книга Господнихъ уставовъ, и мы можемъ узрѣть ихъ сіяніе тогда, когда она отверзаетъ двери во внутреннее святилище. И потому спасеніе наше требуетъ имѣть неразлучное соединеніе съ Церковію и увѣрить себя, что мы узнаемъ волю небеснаго Отца

тогда, когда сія любезнѣйшая матерь матернимъ гласомъ изъяснитъ оную намъ и наставитъ.

Но кто столько несчастливъ, что закона Божія не понимаетъ, или еще и о знаніи его нерадитъ, тотъ внутренняго зрѣнія самъ себя лишаетъ и помрачаетъ себя душевною слѣпотою. А о знаніи его нерадитъ тотъ, который столь низко держитъ мысли, что ни о чемъ болѣе не думаетъ, какъ о томъ, что потребно для его нуждъ житейскихъ, какъ будто бы въ немъ или души не было, или какъ бы жизнь его должна окончиться сею жизнію. О знаніи закона Божія нерадитъ тотъ, который вѣритъ однимъ своимъ разсужденіямъ, какъ будто бы или законъ Божій ничего въ себѣ не содержитъ превосходнѣе его умствованій, или какъ бы вся Церковь Божія, утвержденная толикими вѣками, была погрѣшительнѣе, нежели сплетенія его одного собственнаго разсудка. О, слабость человѣческаго естества! О, неограниченная вольность мыслей! Человѣкъ, потерявшій руководство закона Божія, вездѣ находитъ претыканія: уклоняясь въ крайности, заблуждаетъ отъ средняго и безопаснаго пути; погрѣшаетъ, или унижая себя въ невѣжество, или подымаясь выше предѣловъ, предписанныхъ Богомъ.

Но хотя бы кто и былъ въ семъ несчастливомъ положеніи, однако, со всѣмъ тѣмъ, не отлучаясь отъ материнхъ объятій Церкви, имѣетъ всегдашнюю надежду воспользоваться ея наставленіями и стать на пути истины. Ибо сынъ сколько бы развратенъ ни былъ, но доколѣ остается при нѣдрахъ отеческихъ и не отвращенъ отъ его наставленія, не теряетъ надежды исправленія своего. Но что мы можемъ сказать о тѣхъ, которые отторгаются отъ Церкви и къ святилищу ея приступить или не хотятъ, или страшатся? Что можемъ мы сказать о нихъ? или паче, какими слезами оплачемъ несчастное состояніе таковыхъ? Будемъ ли усерднѣйшими всей Церкви молитвами призывать благоутробіе Божіе, да обратитъ ихъ? Но они противъ сего благодатнаго призванія ожесточаютъ сердце свое; Богъ же, съ Своей стороны, „хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прiити“ (1 Тим., 2, 4). Будемъ ли на нихъ воздвизать гнѣвъ Господень и предавать ихъ праведному суду ярости Его? но они суть немощные братія наши. Болѣе невѣдѣніе, нежели что другое содержитъ ихъ въ семъ заблужденіи, и мы можемъ о нихъ сказать то же, что святый Павелъ сказалъ о необращающихся іудеяхъ: „Ревность Божію имутъ, но не по разуму“ (Римл., 10, 2). И потому, утѣшая себя надеждою ихъ вразумленія, да скажемъ о нихъ съ тѣмъ же Апостоломъ: „Своему Господеви“ стоятъ или падаютъ: „силенъ же есть Богъ поставити“ ихъ (Римл., 14, 4).

Но сіе печальное отступленіе рѣчи моей растворю уже радостнымъ обращеніемъ слова къ вамъ, благословенныя чада Церкви

Божіей. Вы—ея утѣшеніе и красота. Оное душевное зрѣніе, о которомъ говорили мы, блистаетъ въ васъ въ полномъ сіяніи. Ваши благочестивыя собранія во храмахъ сихъ составляютъ увеселительнѣйшія зрѣлища. Добродѣтельная душа не можетъ найти большаго удовольствія, какъ въ сихъ соборахъ священныхъ, гдѣ чистѣйшимъ духомъ прославляется общій Отецъ, и единодушными пѣніями проповѣдуются Его благодѣянія, гдѣ отверсто училище Господа Іисуса, и усерднѣйшіе Его ученики напояваются струями истины отъ источниковъ Израилевыхъ. О! каковое услаждительное чувствіе долженъ я, недостойный пастырь вашъ, находить въ душѣ моей, видя васъ, благочестивую паству, преисполненную таковыми дарами Духа Божія, и пріемля во всемъ томъ радостнѣйшее участіе.

Преклоняя убо колѣна сердца моего предъ Господомъ, толико благодѣтельствующимъ, всесмиренно молю благость Его, да пребудетъ она всегда неотступна отъ града сего и благочестивыхъ его жителей; и, какъ симъ благодатнымъ Его утѣшеніемъ удостоенъ я въ настоящемъ моемъ присутствіи здѣсь, того же да сподобитъ мя всегда и во отсутствіи моемъ. Аминь.

Слово въ день Срѣтенія Господня *).

Сей день Господень, сколько для Церкви Христовой составляетъ торжество, столько подаетъ намъ наставленія къ нравоученію полезнѣйшему. Старостію дней созрѣвшіе—находятъ себѣ образецъ святой жизни въ праведномъ Симеонѣ, а младенцы и отроки—спасительный примѣръ въ Отрокѣ Іисусѣ. До маститой и почтенной сѣдины достигшій и съ спокойствіемъ духа оканчивающій дни свои, праведный старецъ, есть наилучшій примѣръ, какимъ образомъ конецъ жизни сей примѣнять на вѣчность; а Отрокъ Іисусъ, скоро по рожденіи Своемъ перенесенный во святилище и поставленный предъ Господомъ, научаетъ, какъ жизнь сію надлежитъ начинать и продолжать. Родители же блаженнаго сего Отрока, исправнѣйшіе наблюдатели закона, рожденный отъ нихъ Плодъ тотчасъ посвятившіе Богу въ жертву, подаютъ наставленіе родителямъ и приставникамъ, какое должно прилагать попеченіе о воспитаніи дѣтей. Родители „вознесоста“, — говоритъ священное Евангеліе,—„Отроча Іисуса во Іерусалимъ, поставити Его предъ Господемъ“ (Лук., 2, 22). О, пріятнѣйшее и плѣняющее мысль зрѣлище! Святѣйшій воздвиженъ видимъ мы храмъ, и въ немъ—святая святыхъ, обиталище

*) Сказано въ Москвѣ, въ церкви Воспитательнаго Дома, 1775 года.

Бога Вездѣсущаго, покрываемое херувимскими крилами и таинственными завѣсами. Въ сіе священное мѣсто, благовонными куреніями жертвъ исполненное, вносится сорокадневное дитя, чистѣйшая жертва, дражайшій плодъ родителей, да представленъ будетъ лицу Того, Который даетъ дыханіе и жизнь; да сподобится, чтобы почилъ на немъ Духъ благоволенія Его. Ничто не можетъ быть святѣе сего учрежденія: ибо родители, принявъ таковый неоцѣненный даръ, къ кому первѣе имѣютъ прибѣгнуть, если не къ Тому, Который и бытіе даруетъ, и все управленіе онаго содержитъ въ Своей всемогущей десницѣ?

Не законъ токмо, но и самая естественная любовь къ дѣтямъ должна заставить насъ хранить таковое установленіе прилежнѣйшимъ попеченіемъ о добромъ воспитаніи дѣтей.

Сіе мѣсто для того и учреждено рукою Помазанницы Божіей. Она, подражая блаженной Іисусовой Матери, сіе воздвигла, аки новое Іерусалимское святилище, да младенцевъ, впрочемъ, безъ призрѣнія и воспитанія остаться могущихъ, поставитъ предъ Господемъ, то-есть, да даруетъ имъ способъ къ благочестивому и добродѣтельному житію. И потому за пристойнѣйшее въ сей день и на мѣстѣ семъ почитаемъ мы представить нѣкоторое разсужденіе *о воспитаніи*, да и о воспитаніи, поелику имѣетъ своимъ основаніемъ оно обученіе закона и благочестіе.

Въ сѣмени всякаго растенія хотя еще почти нечувствительнымъ образомъ, но уже заключаются и вѣтви, и листы, и жилы, и сердце, и корень, которые, прохожденіемъ времени, чрезъ питаніе и растеніе помалу открываются и приходятъ въ настоящій свой видъ. Въ человѣкѣ, хотя еще въ младенчествѣ его не примѣчается ни прямаго понятія, ни разсужденія, но уже, аки сѣмена, сокровенныя въ немъ находятся способности къ познанію, къ различенію истины отъ лжи, къ предпочтительному избиранію добра предъ худымъ. Къ благопоспѣшному ихъ открытію, къ порядочному ихъ созрѣванію, тотчасъ должна поспѣшить воспитателева рука.

Тотчасъ, говорю *я*, должна поспѣшить рука воспитателя: ибо отъ медленія, или отъ небреженія есть видимая опасность, чтобы страсть не нарушила естественный порядокъ созрѣванія и не развратила, такъ какъ, если питательница съ благоразумною осторожностью не будетъ расправлять нѣжные и мягкіе члены младенца, можетъ тотчасъ воспослѣдовать, что члены будутъ искривленными и составъ изуродованнымъ.

Но, при семъ нѣжномъ случаѣ, вся важность состоитъ въ томъ, чтобы знать, куда прежде всего и паче всего воспитателю надлежитъ обратить свое вниманіе. Ибо въ семъ бываетъ великая погрѣшность, а потому и несчастіе, что иногда прилагается усиленный трудъ въ воспитаніи, но—въ томъ, что не весьма нужно до благонравія и истиннаго

человѣческаго блаженства; а, напротивъ, то, въ чемъ состоитъ важность, оставляется и пренебрегается.

Первое въ воспитаніи должно быть то, чтобы естественное расположеніе къ добру умѣть сберечь и привести въ совершенство, или прямѣе сказать, чтобы умѣть соблюсти непорочность совѣсти.

Всѣ дѣла человѣческія проистекаютъ изъ сего источника; и мы не можемъ о нихъ судить иначе, развѣ по тому, изъ какой совѣсти происходятъ они: хороши они, если отъ доброй совѣсти происходятъ; но худы, если—отъ худой. Безъ сего, хотя бы какія дѣла и добрыми казались, но они будутъ такими по наружности одной, слѣдовательно, будутъ издавать зловоніе лицемѣрія; а потому какъ нельзя, чтобы прикрывающая ихъ маска когда-либо не открылась, то не только они тогда откроютъ свое безобразіе, но слѣдствіями несчастливыми отяготятъ и самого таковаго и другихъ.

Итакъ, при семъ случаѣ весьма есть важно то, чтобы положить точное основаніе доброй совѣсти. Ибо и до сего достигаетъ несчастіе наше, что развратность нравовъ и самое различіе доброй или худой совѣсти приводитъ въ потемнѣніе и смутность. Понеже есть и такіе, которые, поступая нимало несходственно съ закономъ прямой совѣсти, тѣмъ не меньше остаются не только спокойными, но и едва ли не находятъ одобренія тому въ самой совѣсти своей. Въ такихъ обстоятельствахъ не было бы ничего святѣе, какъ слѣдовать естественному расположенію, безъ сомнѣнія, наклоненному отъ Творца къ добру. Но страсть, превратность различныхъ понятій, худые примѣры нерѣдко заглушаютъ сей естественный непорочный гласъ, или даютъ ему тонъ другой, нежели какъ онъ отъ Творца настроенъ.

А изъ сего уже и видно, сколько законъ Божій долженъ быть для насъ важенъ: ибо онъ есть основаніе доброй совѣсти, и онъ же есть непогрѣшительное правило различія ея отъ худой. Дѣлаешь ты что-нибудь, и оно кажется тебѣ дѣломъ добрымъ, да и собственная совѣсть твоя ободряетъ тебя въ томъ; и ты хочешь тотчасъ рѣшиться, дабы увѣрить себя, что ходишь ты по пути добродѣтели. Но мало удержись: вспомни слабость понятія человѣческаго, силу страстей, обманчивую склонность самолюбія, приложи напередъ дѣло свое къ правилу закона Господня, сходно ли оно съ нимъ, соотвѣтствуютъ ли всѣ обстоятельства священному его уставу? Если, при наилучшемъ твоемъ выразумѣніи онаго, найдешь, что дѣло твое прямо соотвѣтствуетъ ему, тогда обрадуйся духомъ твоимъ, и привѣтствуй себя, что благодать озаряетъ тебя, и поставила на стези истины и правды. Но если бы, при всемъ одобреніи собственной совѣсти, ты нашелъ, что сила закона Создателева въ дѣлѣ твоемъ требуетъ отъ тебя иного положенія, тогда,

пришедъ въ справедливый страхъ, почти сіе требованіе важнѣйшимъ, нежели собственное размышленіе и чувствіе.

А изъ сего само собою естественно есть, сколько нужно въ младыхъ лѣтахъ вперить знаніе закона Божія въ младенческое сердце, и расположить оное къ почитанію верховнаго Законодателя. Въ младыхъ лѣтахъ, говорю: когда еще мысль не занята никакими предубѣжденіями, когда самолюбіе еще не навыкло ничего превращать, когда еще сердце мягко, когда страсть не ослабила силу естества, когда развратность худыхъ примѣровъ, содружествъ и мірскихъ соблазновъ на пути добродѣтели еще не положила никакого претыканія,—въ сіе-то время сладчайшей весны надлежитъ поспѣшить посѣять Божественное сѣмя слова Божія, и увеселять себя надеждою жатвы благословенной благихъ дѣлъ.

Когда же прилагается стараніе вдохнуть въ младенческія души знаніе закона Господня, то первѣе всего да будетъ внушаемо, чтобы честность почитать паче всего: то-есть, чтобы никакая корысть, никакое повышеніе, никакое пріобрѣтеніе не казались бы лестными, если то можетъ сдѣлать тебя безчестнымъ хотя не по мнѣнію людскому, но по суду совѣсти твоей, закономъ Божіимъ управляемому. Честность есть основаніе всѣхъ выгодъ человѣческихъ, и, ежели бы что пріобрѣтено было съ нарушеніемъ оной, есть постыдно и непрочно: ибо не благословенно.

Изъ таковаго храненія закона Божія и честности что выходитъ въ обществѣ? — искренность, добросердечіе, безпристрастіе, прямая дружба, постоянность, вѣрность, похвальное храненіе слова своего, ко всѣмъ доброжелательство; а хитрость, обманъ, лицемѣріе, ложь, непостоянство, зависть, лихоимство уже при семъ почтутся пороками достойными не человѣка, а нечистаго духа.

А отъ сего всякъ можетъ разсудить, сколь великую помощь взаимствуютъ и законы гражданскіе, ибо они тогда прямо исполняются, когда исполняются по совѣсти; понеже наружность, сколько бы ни была блистательна, всегда есть одинъ видъ безъ вещи. А совѣсть тогда дѣйствуетъ, когда понимаетъ, что она обязывается къ храненію закона не человѣкомъ, не могущимъ проникнуть во внутренность, но Тѣмъ, Который испытуетъ сердца и утробы.

Все сіе разсужденіе, яко съ истиною слова Божія сходственное, заслуживаетъ, дабы родители и приставники по правилу онаго располагали свое попеченіе о воспитаніи дѣтей.

Почтенные же блюстители и приставники мѣста сего, по достоинству и просвѣщенію въ званіе сіе избранные, суть утвержденіе слову моему, и ихъ попеченіе при воспитаніи сихъ дѣтей, употребляемое на

основаніи закона Господня и просвѣщенія, есть и примѣръ и доказательство разсужденію нашему.

Почему и остается мнѣ окончить слово мое обращеніемъ онаго къ воспитанникамъ мѣста сего. Да будутъ всегда отверсты ваши сердца къ принятію полезныхъ наставленій: напоявайте непорочныя души свои знаніемъ закона Божія, поступайте по его правиламъ, силою его утверждайте склонности свои противъ слабостей и искушеній; наилучшимъ своимъ добромъ почитайте одежду добродѣтели и непорочность нравовъ, приносите Богу всегдашнюю жертву молитвъ отъ чистаго духа, сіи священные храмы почитайте наилучшимъ училищемъ благонравія, предавайте себя съ охотою руководству вашихъ приставниковъ и воспитателей. Явите тѣмъ искреннюю благодарность свою благоутробнѣйшей вашей и отечества Матери, окажите себя достойными Монаршаго ея о васъ благопризрѣнія. Богъ же, Отецъ всѣхъ, да ниспосылаетъ всегда на васъ благословеніе Свое. Сего я отъ сердца пастырски желаю. Аминь.

Слово въ день святителя Алексія, митрополита *).

Въ Бозѣ духомъ, тѣломъ же съ нами опочивающій, Святитель Божій Алексій созвалъ насъ на пиръ духовный, благословенныя чада Церкви Божіей, и къ наслажденію нашему представляетъ богатую трапезу добродѣтельной жизни своей. Пріидите убо, о возлюбленніи, отверземъ уста свои и насладимся брашна безсмертнаго! Ничто не можетъ быть усладительнѣе сего пиршества для просвѣщенной и благочестивой души. Пусть иные думаютъ, что будто они въ чувственныхъ увеселеніяхъ могутъ найти для себя удовольствіе; пусть съ ними превратно разсуждаютъ тѣ, коихъ безуміе описываетъ Соломонъ, что „малъ“, де, „есть и печаленъ животъ нашъ, и нѣсть“ возвратившагося изъ того свѣта, „яко самослучайно“, де, „рождени есмы, и по семъ будемъ“, какъ бы никогда не были: „пепелъ будетъ тѣло, и духъ нашъ разлѣется яко мягкій воздухъ, и имя наше забвено будетъ во время, и никтоже воспомянетъ дѣлъ нашихъ“. „Пріидите убо“,—говорятъ они же,—„и насладимся настоящихъ благихъ, вина дражайшаго и мура (благовонна) исполнимся, и да не прейдетъ насъ цвѣтъ житія: увѣнчаимъ насъ“ розовыми „цвѣты, прежде“, нежели „увянутъ: вездѣ оставимъ знаменіе веселія, яко сія часть наша и жребій сей“ (Прем. Соломон., 2, 1—9). Пусть таковые сею превратностію своею вотще утѣшаютъ себя; но намъ,

*) Сказано въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, 1777 г., февраля 12 дня.

христіанамъ, есть вѣрно и всякаго пріятія достойно оное слово Духа Святого: яко „въ память вѣчную будетъ праведникъ“ (Псал., 111, 6) и: „благословеніе Господне на главѣ“ его (Притч. Сол., 10, 6). Все прейдетъ: увеселенія обратятся въ скуку, при изнеможеніи тѣла—вкусъ ослабѣетъ, истлѣетъ тѣло; а, притомъ, и громкія дѣла, хотя бы они и остались послѣ насъ, но въ истлѣніи нашемъ услаждать насъ не могутъ; единая добродѣтель есть вѣчна, единъ плодъ истинной вѣры есть безсмертенъ. Ихъ святые слѣды не въ жизни сей токмо остаются незаглаждаемыми, но и въ будущей доводятъ насъ до источника, изъ коего они проистекли, и дѣлаютъ, что, выходя изъ времени въ вѣчность, мы остаемся въ непзмѣняемомъ состояніи радости душевной. Посвятимъ мы часъ сей на размышленіе о сей важной матеріи: сіе есть наилучшее питаніе духу нашему, сія есть угоднѣйшая жертва и праведнику сему.

Истина, которую мы должны утвердить, откроется яснѣе, если сю же самою будутъ опровержены противныя ей мнѣнія.

Люди пристрастны къ жизни сей, и ко всѣмъ ея веселостямъ Сіе было бы не предосудительно, если бы они умѣли хранить свои предѣлы: ибо любить жизнь есть естественно и сходственно съ Божескимъ уставомъ, и пользоваться невинными ея увеселеніями есть безгрѣшно. Но вездѣ надобно, чтобы предшествовало благоразуміе, чтобы управляла умѣренность, чтобы все оканчивалось на совершенствѣ душевномъ. Все то, что или основано на превратномъ мнѣніи, или выходитъ изъ предѣловъ, или только относится къ однимъ чувствамъ, къ одной наружности, есть противно благоразумію, разрушаетъ умѣренность, отводитъ отъ прямого конца. Слѣдовательно, любить жизнь свою такимъ образомъ есть не любить себя, не любить жизнь свою, не пользоваться ея увеселеніями; но изъ приготовленнаго Богомъ врачества дѣлать для себя отраву и, думая идти по прямой дорогѣ, самымъ дѣломъ заблуждать отъ оной.

Въ такомъ случаѣ есть важнѣе всего найти и хранить различіе между тѣломъ и душею, между чувствами и духомъ, между преходящимъ и неперемѣняемымъ, между временемъ и вѣчностію.

Когда искать различія между тѣломъ и душею, то найдутся одни требованія тѣла, другія требованія души. Требованія тѣла суть: пища, питіе, одежда, домъ. Требованія душевныя суть: просвѣщеніе, благочестіе, любовь, истина, правда, кротость, воздержаніе. Какъ тѣло и душа суть одного состава и очень тѣсно связаны между собою, то и должно бы быть имъ во всегдашнемъ согласіи и одно другому споспѣшествовать. Но страсть непрестанно силится разрушить сей святѣйшій союзъ. Почему, если просвѣщеніе съ благочестіемъ сей союзъ такъ

расположитъ, чтобы одни требованія не дѣлали подрыва другимъ, то чрезъ сіе найдено будетъ настоящее различіе между тѣломъ и душею, и соблюдено будетъ между ними согласіе. Таковое расположеніе состоитъ въ томъ, чтобы беречься крайностей. Въ пищѣ, напримѣръ, убѣгать роскоши, въ питіи—невоздержанія и пьянства, въ одеждѣ—излишества, въ устроеніи дома—пышности, въ снисканіи имущества—безмѣрія, и, притомъ, все сіе пріобрѣтать своимъ трудомъ, безъ лѣности, безъ всякой обиды и отягощенія другому. Въ снисканіи же просвѣщенія беречься, чтобы не вкрались въ оное суетныя мудрованія, въ благочестіе—суевѣріе, въ любовь—ласкательство, въ истину—ложная политика, въ правду — строгость нечеловѣколюбивая, въ кротость — лицемѣріе. Ежели сіи крайности будутъ удалены, то тѣло и душа поставлены будутъ въ своихъ предѣлахъ, ихъ будетъ соединять сладчайшее согласіе: тѣло не будетъ препятствовать душевнымъ дѣйствіямъ, но помогать, душа сохранитъ цѣлость тѣлесныхъ силъ и здравіе. И въ семъ-то взаимномъ согласіи тѣла и души состоитъ истинная добродѣтель. Но пойдемъ далѣе.

Когда искать различія между чувствами и духомъ, то найдутся одни требованія чувствъ, другія требованія духа. Требованія чувствъ есть нѣга, всегдашнее гуляніе, игры, зрѣлища, сладострастія, вреднѣйшая праздность: требованія духа есть незазорность совѣсти, внутренняя тишина и спокойствіе, дѣльное уединеніе, удовольствіе, раждаемое отъ исполненія должности своей, веселіе отъ зрѣнія истины, сладчайшее чувствіе плодовъ вѣры, „миръ и радость о Дусѣ Святѣ“ (Римл., 14, 17). О, блаженъ, кто устроилъ духъ свой расмъ сихъ Божественныхъ утѣхъ! и, напротивъ, сколь жалостны тѣ, которые очарованы прелестьми чувствъ! Что они суть?—„Суть духъ ходяй и не обращаяйся“ (Псал., 77, 39), то-есть вѣтеръ, которымъ подымаемая, пыль превращается на всѣ стороны и несется неизвѣстно куда.

Не къ тому сіе говорится, чтобы заслуживали осужденіе чувствъ временныя непорочныя увеселенія. Мы не безплотны, и естественно есть свойство чувствъ, чтобы, видѣвъ одно предъ другимъ лучшее, тѣмъ услаждаться, однако человѣка надобно понимать, яко человѣка, а не яко животное безсловесное. Такъ какъ же съ человѣчествомъ мы можемъ согласить сіи непрестанныя развлеченія мыслей, сіи денонощныя гулянія, сіи изнѣженные и испорченные нравы, сіи безчестныя игры, сіи сладострастныя зрѣлища, сіе усильное исканіе поводовъ ко грѣху, сію праздность, развратнѣйшую матерь всѣхъ пороковъ? какъ можемъ мы разсуждать о таковыхъ людяхъ?—развѣ, что они только суть плоть, духомъ неоживленная, или неощущающая въ себѣ духа. Но какъ же еще сіи самые поступки согласить съ святѣйшимъ именемъ

христіанства? Божественная вѣра, сія утѣшительница сердецъ нашихъ, можетъ ли на таковыхъ не издать строжайшаго опредѣленія, что они обходятъ источникъ воды живой и думаютъ жажду свою утолить изъ блатныхъ яминъ, не имущихъ воды? Какое должно быть ослѣпленіе ума, дабы то, что производитъ всегда печальныя слѣдствія, что порабощаетъ и приводитъ въ тлѣніе самое оное тѣло, которому они стараются столько угодить,—дабы сію, говорю, суету предпочитать святѣйшимъ упражненіямъ добродѣтели и вѣры? Таковые люди, скажу съ Апост. Іудою, „суть облацы безводни, отъ вѣтръ преносими, древеса“ осеннія, „безплодна, дважды умерша, искоренена, волны свирѣпыя моря, воспѣняюще своя стыдѣнія, звѣзды“ блудящія, „имъ же мракъ тмы во вѣки блюдется“. Таковый путь есть путь заблужденія. А истинная дородѣтель есть, когда мы хотя и служимъ чувствамъ по требованію естества, но такъ, что чрезъ оное не смущаемъ спокойствіе духа, а еще и утверждаемъ оное. Изъ слѣдующаго то же самое откроется еще яснѣе.

Когда искать различія между преходящимъ и пребывающимъ, между временемъ и вѣчностью, то найдутся совсѣмъ особливыя свойства того и другаго. Сія есть примѣта добродѣтели и порока достовѣрная, что порокъ приноситъ услажденіе, но преходящее, въ горесть обращающееся, и потому обманчивое; а слѣдствія добродѣтели суть сладчайшія и неизмѣняемыя, съ жизнію сею не оканчивающіяся. Кто, напримѣръ, когда сожалѣлъ о томъ, что предъ Богомъ съ благоговѣніемъ предстоялъ, что должность свою свято проходилъ, что время на полезнѣйшія дѣла употребилъ, что многихъ несчастливыхъ благодѣяніями своими одолжилъ, что дѣтей въ благонравіи воспиталъ и къ честнымъ должностямъ ихъ пристроилъ? И, напротивъ, сколько печали и терзанія за собою влечетъ время, истраченное въ праздности,—имѣніе, роскошію расточенное,—тѣлесныя и душевныя силы, въ слабость приведенныя! Да хотя бы уже совѣсть и была столь усыплена, чтобы не безпокоилась тратою всего сего, но обыкновенныя слѣдствія страстей человѣческихъ—болѣзни, но страхъ смерти неотмѣнно заставятъ таковыхъ узнать, каковы суть плоды порока. Впрочемъ, не довольно того, что удовольствіе добродѣтели не перестаетъ здѣсь: оно не перестаетъ никогда. Мы не такъ живемъ, чтобы съ жизнію сею кончилось бытіе наше. Таковое мнѣніе было бы и для добродѣтельнаго страшно, и для порочнаго вредно: ибо добродѣтельный наичувствительнѣйше увеселяетъ себя тѣмъ, что плодъ святости его безсмертенъ, и никогда онымъ наслаждаться не перестанетъ; а порочный долженъ впасть во всякое своевольство, когда бы не думалъ никогда никому дать отчета въ дѣлахъ совѣсти своей: слѣдовательно, сіе причинило бы ему несчастіе не въ будущей токмо жизни, но и въ жизни сей.

Изъ всего нами сказаннаго, благочестивые слушатели, мы могли примѣтить, что истинная добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы, узнавъ различіе между тѣломъ и душею, между чувствами и духомъ, между временемъ и вѣчностію,—умѣть соблюсти требованія и свойства ихъ въ тѣхъ предѣлахъ, какіе предписываетъ благоразуміе и Божескій законъ.

Кто столько будетъ Богомъ благословенъ, что все сіе совершенно сохранитъ, тотъ пріобрѣлъ истинную славу. Истинную славу, говорю, не ту, то-есть, которая состоитъ въ знаменитости рода, въ пышности многихъ титлъ, въ блистаніи одеждъ, колесницъ, домовъ, въ ласкательныхъ почестяхъ отъ другихъ, въ величавомъ мнѣніи или о самомъ себѣ, или другихъ о себѣ; но въ незазорной совѣсти, въ спокойствіи духа, въ пріятнѣйшемъ чувствіи плодовъ вѣры, въ сладчайшей надеждѣ соединенія съ Богомъ, Источникомъ всѣхъ благъ. Сія слава есть истинная: ибо она—постоянная, непеременяемая, вѣчная.

Симъ добродѣтельнымъ путемъ шествовалъ празднуемый нами Святитель Божій. Радуется онъ нынѣ на небеси, но онъ спокоенъ былъ и на земли. Два упражненія занимали всего его—земныя и небесныя: служилъ онъ отечеству своему ревностно, служилъ Богу духомъ благоговѣнія. Церковь Христову пользовалъ и словомъ и житіемъ, но въ то же время располагалъ сердце свое въ храмъ Духу Святому. Когда преставлялся отъ земли, исполнилась земля плачемъ, небо—радостію; а и то и другое есть доказательство, что онъ былъ любимъ и небесными и земными. Вотъ — истинная слава, никакими вѣками неистребляемая! и она тѣмъ желательнѣе, что не токмо память своего рачителя всегда въ почтеніи соблюдаетъ, но и онъ самъ чувствуетъ то, и плодами ея наслаждается. Что бо, напримѣръ, Александру, прозванному великимъ, пользы, что слава его на землѣ гремитъ, но онъ самъ того не чувствуетъ нимало? Тогда есть истинная слава, и тогда она вожделѣнна, когда я и себѣ уповаю пребывать вѣчно, и ею вѣчно же наслаждаться.

Да будетъ сіе превосходное ученіе запечатлѣно въ душахъ нашихъ! Оно намъ свойственно, ибо естественно человѣку желать себѣ блаженства. Не можемъ мы извиниться или неудобностію, или невѣроятностію. Се, святѣйшій примѣръ предлежитъ предъ очами. Се, нетлѣнное тѣло праведника, дражайшій ковчегъ его добродѣтели, увѣряетъ насъ, что не богатство, не почести, не увеселенія, а единая добродѣтель доставляетъ намъ память безсмертную и славу истинную.

Ты же, Святителю Божій, предстоя престолу Владычню, простри о насъ праведныя руцѣ свои, и молитвами своими споспѣши, да подвигъ жизни нашея проходимъ благодушно и благоспѣшно. Аминь.

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Слово въ недѣлю Мясопустную *).

Когда уже приближается святый постъ, то есть, оное время, въ которое всякъ особливо обязанъ взойти въ самого себя и очистить совѣсть, тогда Церковь святая весьма благовременно уставила привести намъ на память оный судъ, предъ коимъ имѣютъ всѣ предстать и оправдиться, или осудиться въ дѣлахъ своихъ предъ Судіею живыхъ и мертвыхъ. О, день всегдашняго нашего размышленія достойный! О, часъ рѣшительной судьбы нашей на всю вѣчность! Чья мысль и сердце не исполнится страхомъ и ужасомъ—предстать предъ земнаго судію, окруженнаго всѣми знаками судейской власти,—предстать къ отвѣту въ дѣлѣ, въ которомъ и совѣсть зазираетъ, и лице блѣднѣетъ, и очи смущаются, и въ устахъ гласъ прерывается, и свидѣтели уличаютъ, и обстоятельства дѣла убѣждаютъ? Въ такомъ, говорю, положеніи предъ земнаго судію нельзя предстать безъ трепета, и почти безъ памяти самого себя. Что же сказать мы можемъ о томъ дѣйствіи, въ которомъ вся вселенная имѣетъ предстать предъ, осіяваемый свѣтомъ вѣчнымъ, престолъ, окруженный тьмами ангельскихъ Силъ,—предъ Судію, испытующаго сердца и утробы? да и предстать, чтобы дать отчетъ во всѣхъ не дѣлахъ токмо, но и въ словахъ, и въ самыхъ сокровенныхъ мысляхъ, бывшихъ чрезъ всю жизнь нашу? Какими очами воззримъ мы на таковаго Судію? Что произнесутъ уста наши? Въ какомъ движеніи будетъ духъ? Что почувствуетъ въ себѣ совѣсть? Богодухновенные мужи, издалека предусмотрѣвъ сей день, вопіяли: „Господи, услышахъ слухъ Твой и убояхся: разумѣхъ дѣла Твоя и ужасохся“ (Аввак., 3, 1—2). „Не вниди въ судъ“ съ рабы Твоими, „яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый“ (Псал., 142, 2).

Но какъ сію исторію, имѣющаго быть, послѣдняго суда возвѣщаетъ намъ Евангеліе, то есть, книга благія вѣсти, то и нельзя оный судъ назвать столь страшнымъ, чтобы онъ, въ нѣкоторомъ разумѣ, не былъ и радостнымъ и вожделѣннымъ. Гдѣ есть правосудіе, тамъ есть осужденіе виновнымъ, но и оправданіе и награжденіе невиннымъ; гдѣ же есть правосудіе, растворенное милосердіемъ,—тамъ есть надежда прощенія и снисхожденія и для грѣшниковъ кающихся. Почему и почитаю за полезное въ краткости *изъяснить, что оный послѣдній судъ будетъ и страшенъ и вожделѣненъ*, дабы совѣсти, ожесточенныя страхомъ суда, умягчить,—унывающія возставить, а добродѣтельныя утѣшить.

*) Сказано въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ, въ 1777 году, февраля 19 дня.

Судъ Божій послѣдній, во-первыхъ, страшенъ будетъ для тѣхъ, которые прежде того суда не дѣлаютъ суда сами себѣ. Что значитъ сіе?—а сіе значитъ то, что совѣсть имѣетъ въ насъ нѣкоторый образъ того престола, который въ послѣдній день будетъ мѣстомъ Судіи вселенной: она разбираетъ, разсматриваетъ, судитъ наши дѣла и одни осуждаетъ, а другія похваляетъ; за одни увеселяетъ, за другія безпокоитъ, терзаетъ и мучитъ. Если кто такъ позабылъ самъ себя, что рѣдко вводитъ себя въ сіе внутреннее судилище, или еще и пороками усыпилъ совѣсть свою такъ, что уже она и разобрать не можетъ между добрымъ и худымъ, то есть, добра не понимаетъ, а худо за добро пріемлетъ,—тому послѣдній судъ Божій будетъ страшенъ, да и тѣмъ болѣе страшенъ, чѣмъ внезапнѣе и нечаяннѣе онъ будетъ для него. Ибо подумайте, когда человѣкъ ни мало о дѣлахъ своихъ не размышлялъ, различія ихъ не зналъ, пороки почиталъ добродѣтелями, а страсти своимъ удовольствіемъ, судіи никакого не воображалъ и дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ никогда себя не готовилъ,—подумайте, если, при таковомъ положеніи, внезапу отверзутся небеса, возсіяетъ молнія отъ востокъ и достигнетъ до западъ, поставится престолъ, сядетъ Судія, отъ лица Котораго горы трепещутъ и холми таютъ, разгнутся книги, въ коихъ откроются всѣ тѣ дѣла, о коихъ человѣкъ думалъ, что они—отъ всѣхъ сокровенны, и огненная рѣка клокочущи разлѣется, всѣмъ тварямъ на сіе дѣйствіе зрящимъ въ великомъ молчаніи: въ какой страхъ и ужасъ при семъ долженъ придти, таковой совѣсти человѣкъ,—того ни мысль понять, ни языкъ изъяснить не можетъ!

Но тотъ же самый судъ будетъ не столь страшенъ для тѣхъ, которые, просто сказать, какъ бы нѣкоторую пробу того суда уже многократно дѣлали въ самихъ себѣ, то есть, въ себѣ самихъ поставляли судилище, совѣсть безпристрастную сажали на немъ судіею, представляли самихъ себя связанными узами сердечнаго раскаянія, сами себя вопрошали, сами отвѣчали, сами на себя приговоръ дѣлали, сами себя осуждали; для чего?—„Яко да Ты, Господи, оправдишися во словесѣхъ Твоихъ и побѣдиши, внегда судити Тебѣ“ (Псал., 50, 6). Таковой судъ предваряетъ оный страшный судъ и преклоняетъ на милость Судію его: ибо, чѣмъ чаще кто такимъ образомъ самъ себя судитъ, тѣмъ болѣе очищаетъ себя отъ грѣховъ и ослабляетъ страстей силу, и потому Евангельская благодать дозволяетъ ему ожидать въ оный страшный день за подвиги свои награжденія, за покаяніе же — милосердаго прощенія.

Судъ оный Божій, послѣдній, страшенъ будетъ для нераскаянныхъ грѣшниковъ. Кто преступаетъ законъ, да еще и хвалится въ похотяхъ души своей, то есть, кто дѣлаетъ насиліе своей совѣсти, презираетъ

Евангеліе, не вѣритъ ничему будущему, все священное вмѣняетъ за пустое, на гласъ зовущаго къ покаянію отзывается съ ругательствомъ, говоря: „что—за покаяніе, что—за исповѣдь, что—за судъ? все сіе пахнетъ баснею; будущее не извѣстно, настоящее—наше. Жизнь надобно провождать съ весельемъ, и не опускать никакого случая къ удовольствію склонностей намъ врожденныхъ“... Какъ таковой родъ людей управляетъ себя однимъ стремленіемъ страстей и не предполагаетъ никакого святаго закона поступкамъ своимъ, то потому всею своею тягостію и падаетъ на нихъ оное страшное изреченіе: „Елицы безъ закона согрѣшиша, безъ закона и погибнутъ“ (Римл., 2, 12).

Но тотъ же самый судъ не столь страшнымъ будетъ для грѣшниковъ кающихся. Человѣколюбивый Господь вѣсть человѣческаго существа немощь, ибо милостиво Самъ въ него облекся, и всѣ немощи онаго Самъ на Себѣ понесть благоволилъ: „Не имамы Судію не могуща спострадати немощемъ нашимъ: въ немъ же бо искушенъ былъ, можетъ и искушаемымъ помощи“ (Евр., 4, 15; 2, 18). И для того надобно прибѣгать къ покаянію, яко къ священному якорю: седмижды въ день падая, седмижды же въ день надлежитъ и воставать исповѣдатися имени Господню. Въ семъ случаѣ Евангеліе представляетъ намъ примѣры утѣшительнѣйшіе: мы видимъ въ немъ мытарей оправдываемыхъ, блудницъ въ слезахъ разрѣшаемыхъ, разбойниковъ гласомъ покаянія путь себѣ въ небо отверзающихъ, гонителей въ ликъ апостольскій причисляемыхъ. Все сіе грѣшная душа пріиметъ себѣ въ увѣреніе, что и покаяніе есть спасительно, и Судія милосердіемъ преклоняется на сердечное умиленіе грѣшника, и огненная рѣка страшнаго суда Его погашается слезами покаянія. И потому-то святый Амвросій, умирая, свободно могъ сказать: „не боюся умереть, яко имамъ благаго Господа“.

Оный Божій послѣдній судъ будетъ страшенъ для мнимыхъ праведниковъ. Хотя бы кто былъ и добродѣтеленъ, но, если о томъ высокомудрствуетъ, разрушаетъ всю храмину добродѣтели. Гордость и предъ очами человѣческими есть несносна, и еслибъ кто самъ началъ хвалиться своими дѣлами, хотя бы онъ и правду говорилъ, слухъ нашъ отвращается отъ того: что же надобно сказать о тѣхъ, которые дерзнули бы открывать такую суету самохвальства предъ Сердцевѣдцемъ?.. Яснѣйшимъ примѣромъ сему есть безумный фарисей, который хотя и стяжалъ нѣкоторыя добрыя дѣла, но, когда предъ лицемъ Бога отважился хвалиться ими, „сниде осужденъ въ домъ свой“,—говоритъ Евангеліе (Лук., 18, 14).

Но тотъ же Божій судъ будетъ снисходительнѣе для сокрушеннаго и смиреннаго сердца. Просвѣщенный Евангельскою истиною вѣдаетъ, что всѣ наши добрыя дѣла или недостаточны, или смѣшаны съ пороками, или суть дѣйствіе благодати Божіей, а не плодъ силъ нашихъ.

*

„Что бо имаши“,—говоритъ Апостолъ,—что бы ты не принялъ? „Аще же пріялъ еси, что хвалишися“, какъ бы не принималъ (1 Кор., 4, 7)? И, по ученію онаго же Апостола, мы, безъ благодати Божіей, „и помыслити что доброе отъ себе, яко отъ себе, не можемъ, но довольство наше есть отъ Бога“ (2 Кор., 3, 5). Разсудивъ сіе, нельзя намъ предстать предъ страшный судъ, развѣ съ глубочайшимъ смиреніемъ и униженіемъ самихъ себя, сердцемъ и устами исповѣдуя предъ Нимъ: „Праведнѣйшій и человѣколюбивѣйшій Судіе! се, предстоитъ предъ Тобою грѣшникъ, дѣлами своими оправдаться не могущій. „Яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну“ (Псал., 50, 5); аще что и благо сотворихъ, сіе есть плодъ благодати Твоея, а не силъ моихъ. Аще осудиши мя, съ благоговѣніемъ почитаю Твое правосудіе; аще же удостоиши мя милостиваго оправданія, „благословлю“ милосердіе Твое: „на всякое время, выну хвала“ Твоя пребудетъ „во устѣхъ моихъ“ (Псал., 33, 1). Таковое признаніе грѣшника привлечетъ къ себѣ оныя, изреченныя Богомъ чрезъ Пророка, слова: „На кого воззрю? токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ“ (Ис., 66, 1—2)?

Оный послѣдній Божій судъ будетъ страшенъ для мучителей, грабителей и раззорителей. Тогда предъ лицемъ всей вселенной, предъ самыя очи ихъ представлены будутъ тѣ слезы, которыя проливали обиженные ими,—тѣ вопли, кои произносили на нихъ разоренные ими,—тѣ грабежи, коими они насильствовали другихъ до послѣдней наготы,—тѣ мученія, коими они, яко звѣри, терзали тѣла подобныхъ себѣ людей,—та кровь, которую они неповинно проливали. По представленіи всего сего предъ очи ихъ и по заключеніи приговора отъ вѣчной правды, таковые причислятся къ тѣмъ нечистѣйшимъ духомъ, злобѣ конхъ они были подражателями.

Но тотъ же самый судъ будетъ утѣшителенъ для страдавшихъ здѣсь неповинно. Ибо они и нынѣ изъ-подъ алтаря благоутробія Божія непрестанно вопіютъ: „Доколѣ, доколѣ, Господи! не мстиши“ (Апокал., 6, 10)? Но въ тотъ день общаго суда слезы ихъ отрутся, раны излечатся, пострадавшее тѣло возсіяетъ яко солнце, руки исполнятся богатства вѣчныхъ благъ, духъ ихъ успокоится, ибо будетъ единъ духъ съ Господемъ. И тогда-то исполнится оное Давидово слово: „Возвеселится праведникъ, егда увидитъ отмщеніе, руцѣ свои умоетъ въ крови грѣшника. И речетъ: аще убо есть плодъ праведнику, убо есть Богъ судя имъ на земли“ (Псал., 57, 11, 12).

Углубивъ въ памяти все сказанное нами, потщимся, благочестивые христіане, заблаговременно пріуготовлять себя къ оному суду покаяніемъ, да не внезапу постигнетъ насъ день той. Се время благоріятное поста, се день спасенія приближается. „Яко во дни, благообразно да

ходимъ, не козлогласованіи и піянствы“ и безчинствы (Римл., 13, 13), какъ обыкли мы нехристіански, а языčески провождать сію святую седмицу, но паче воздержаніемъ, молитвою, благоговѣніемъ, любовію и милостынею, якоже подобаетъ святымъ. Все сіе есть удобнѣе, нежели какъ слабость наша обыкла представлять намъ. Между нами мы найдемъ тому святые примѣры. Богъ всегда имѣетъ избранныхъ Своихъ. Се, и сія, благочестиво усопшая раба Божія, Фотинія *) заслуживаетъ подражанія нашего. Истинная дщерь Церкви шествовала по стопамъ Господнимъ непорочно. Жизнь ея была упражненіемъ благочестія и добродѣтели, а смерть преставленіемъ къ Тому, любовію Котораго всегда была воспалена душа ея, почему она и взошла днесь въ радость воскресенія праведныхъ. Если и мы будемъ хранители благочестія и добродѣтели, то и здѣсь поживемъ въ спокойствіи духа, и тамъ со всѣми праведными сподобимся благословеннаго жребія. Аминь.

Слово въ недѣлю Православія **).

День, который мы празднуемъ, для Церкви есть торжественный и потому радостный, но вкупѣ и печальный. Радостный, ибо истина утѣсняемая получила свѣтлую побѣду и, напослѣдокъ, возсіяла сквозь облака и тучи, силившіяся скрыть и помрачить ее. Но вкупѣ и печальный, ибо нѣкоторые, плывъ благополучно, корабль свой сокрушили о камень заблужденія, погрязли и въ бѣдственномъ спасеніи своемъ отъ потопленія. Церковь есть сердобольная мать; всѣ—ея дѣти: одни—здравыя, другіе—немощныя. Радуется она, видя однихъ, въ нѣдрахъ ея опочивающихъ, въ спокойствіи духа. Печалится о другихъ, стараясь немощь ихъ исцѣлить врачебными средствами благодати, но болѣзнуетъ и сокрушается о тѣхъ, въ которыхъ, по Пророку, отъ „главы до ногъ“ нѣтъ „цѣлости“, все „язва“, все „струпъ“ (Ис., 1, 6), нѣтъ мѣста, гдѣ бы можно было приложить пластырь или обязаніе.

Что значитъ, на нѣкоторыхъ произносимое, оное ужасное слово „анаѳема“? Для того ли Церковь бросаетъ сіи страшныя стрѣлы на несчастливыхъ грѣшниковъ, чтобы отяготить ихъ жалостную судьбу? никакъ; и ихъ жребій есть въ рукѣ Того, милосердіе и правосудіе Котораго равно есть безконечно и равно всегда свято и ненарушимо. Но симъ громомъ поражаетъ наши слухи, дабы отъ таковаго несчастливаго жребія предостеречь другихъ чадъ своихъ, и примѣромъ злосчастнаго приключенія однихъ дать наставленіе другимъ къ благоразумному

*) Тогда было погребеніе графини Фотиніи Яковлевны Шереметевой.

**) Сказано въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 1777 года, марта 5 дня.

управленію поступковъ своихъ. О! блаженъ, котораго дѣлаютъ осторожнымъ бѣдствія другихъ!

Разсмотримъ мы, *какія причины могутъ привести человѣка въ заблужденіе вѣры.* Ибо такъ поступаютъ и врачи, которые, желая истребить болѣзнь, прежде стараются истребить причину оной. Заблужденіе въ вѣрѣ есть болѣзнь лютая и тяжкая, и причины ея суть многообразныя. Болѣзнь, говорю, лютая: ибо можетъ ли что быть страшнѣе, какъ погрѣшать въ томъ, или еще и вооружаться противъ того, что предметомъ имѣетъ Самого Бога, концомъ—спасеніе, плодомъ—дражайшее спокойствіе духа.

Главнѣйшія причины таковаго заблужденія суть: „невѣжество, ложное просвѣщеніе и развратная жизнь". Разсмотримъ мы каждую особь.

Вѣра имѣетъ свое основаніе въ книгахъ, преданныхъ намъ отъ Бога, и онѣ содержатъ въ себѣ правило вѣры. Хотя сіи священныя книги написаны такъ, что мы можемъ постигнуть ихъ совершенный разумъ и прямую силу, но такъ притомъ, что для сего нужно имѣть прилежаніе, просвѣщеніе и благоразумное руководство. Ежели послѣднее художество требуетъ прилежанія и ученія, чтобы порядочно выразумѣть оное, то кольми паче сего требуетъ духовное училище вѣры. Сіе великое море нельзя благополучно преплыть безъ мудраго кормчаго. Почему, если бы кто, въ сей великой наукѣ ни мало не упражнялся, сталъ располагать таинственныя истины по слабому разсудку своему, и дерзнулъ бы, такъ сказать, неумовенными руками прикасаться къ вещамъ священнымъ,—нельзя, чтобы онъ не впалъ въ бѣдственное заблужденіе вѣры.

Но еще есть надежда исправиться таковому въ погрѣшности своей, ежели она произошла только отъ одного невѣжества. Ибо, при всякомъ случаѣ, когда истина откроется таковому въ своемъ видѣ, или улучитъ благоразумнаго наставника, то оный мракъ разсыплется, и его осіяетъ прямый свѣтъ. Но что? если къ сему пристанетъ упрямство, которое по несчастію дѣйствуетъ въ человѣкѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ самолюбивѣе. Все, что въ первомъ случаѣ съ нимъ срѣтилось, что имъ самимъ изобрѣтено, что онъ, долговременнымъ размышленіемъ, самъ въ себѣ питалъ, къ чемъ еще, можетъ быть, по несчастію увѣрилъ и другихъ,—все то ему кажется истиннымъ и неоспоримымъ,—или, по крайней мѣрѣ, отстать отъ своего мнѣнія ему кажется уже постыднымъ и предосудительнымъ, когда кто сталъ бы увѣрять и убѣждать его въ противномъ.

Отсюда должно произойти упорное защищеніе погрѣшительнаго своего мнѣнія, а изъ того—ереси и расколы. Сіе весьма благоразумно объяснено въ уставѣ Духовнаго Регламента: когда, де, таковые не-

основательные мудрецы богословствуютъ, нельзя имъ не еретичествовать, за невѣжествомъ бо своимъ удобь проговорятся, а мнѣнія своего изреченнаго перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтобы не показаться что они не все знаютъ. А мудрые мужы утвердили между собою сіе пословіе: „свойство мудраго человѣка есть отмѣнять мнѣніе“. Таковое разсужденіе несчастнымъ примѣромъ своимъ утвердили еретики и раскольники всѣхъ вѣковъ, какъ то сіе извѣстно всякому, кто хотя мало упражнялся въ чтеніи церковной исторіи.

Но такой же печальный примѣръ мы всегда видимъ и предъ очами своими. Сіи немощные наши члены, сіи болѣзнію раскола недугующіе, раздираются съ нами въ томъ, что всякъ просвѣщенный не почтетъ, чтобы оно стоило какого-либо уваженія. Почему если бы невѣжество не помрачало ихъ, а упрямство не представляло бы мудрованіемъ таковое невѣжество, то и не было бы сей тяжкой раны, или она удобно могла бы излѣчиться. Но нынѣ, по несчастію временъ, сія лютая для Церкви, да едва ли и не для общества, язва свирѣпѣетъ, и лѣчительной руки не пріемлетъ. Почему утроба Церкви Христовой чувствительно сокрушается, и со слезами и рыданіемъ она произноситъ на таковыхъ страшное опредѣленіе отлученія отъ общества христіанскаго и Главы ея.

Вторая причина заблужденія въ вѣрѣ есть ложное просвѣщеніе. Подъ именемъ сего надобно разумѣть, когда кто прикоснулся одного только края наукъ, однако, о себѣ высокомудрствуетъ и почитаетъ уже себя созрѣвшимъ въ мудрости. Таковое просвѣщеніе, яко токмо наружное, есть несовершенное, а поелику изъ онаго выходятъ худыя слѣдствія, то потому и вредное, и едва ли не вреднѣе самого невѣжества. Не для того, чтобы оно было неполезно само чрезъ себя, ибо и малѣйшій свѣтъ лучше тьмы, но когда оное просвѣщеніе не ставитъ никакой мѣры своей мечтательности,—тогда нельзя сказать, сколько оно есть опасно. Ибо мнимый ученый какъ имѣетъ еще недостаточное понятіе о всемъ, а потому и мало о чемъ разсудить можетъ основательно; однако, при всемъ томъ, мнитъ, что нѣтъ ничего ни для понятія его, ни для разсужденія труднаго, то потому обманчивыя мысли свои почитать будетъ святыми и слабыя свои разсужденія догматами. Да когда бы сія, такъ могу сказать, дерзость состояла въ предѣлахъ той науки, въ которой кто сколько-нибудь упражнялся. Напримѣръ, получивъ нѣкоторое знаніе въ грамматической наукѣ, разсуждалъ бы только о грамматикѣ, а не о философіи, или, пріобрѣтши нѣкоторое понятіе о философской наукѣ, разсуждалъ бы только о философіи, а не дерзалъ бы еще положительно что-либо утверждать о богословіи. Но сія несчастная смѣсь въ самомнительной головѣ дѣйствуетъ безъ

разбора: обо всемъ отважно разсуждаетъ, обо всемъ дерзостно догматствуетъ—и всѣ священные предѣлы преломить стремится.

Извѣстно, что догматы святѣйшей вѣры сколько суть высоки, столько и нѣжны. Высоки: ибо предметомъ имѣютъ Бога, Его дѣйствія непостижимыя, вещи превыспреннія и небесныя; нѣжны: ибо сопряжены съ совѣстію. И потому, сколько надобно просвѣщенія, столько и осторожности: просвѣщенія, которое не столь трудомъ пріобрѣтается, сколь благодатно вливается отъ Духа Святаго въ душу непорочную; осторожности, чтобы чью совѣсть не безпокоить и братію немощную не поколебать въ томъ, что хранитъ ихъ спокойствіе душевное. О! когда бы всякому правиломъ служила сія апостольская истина: „Разумъ убо кичитъ, а любы созидаетъ“ (1 Кор., 8, 1), то-есть, разумъ безъ любви дѣлаетъ человѣка токмо гордымъ и потому вреднымъ. А любовь къ ближнему совѣтуетъ, чтобы остерегаться и отъ тѣхъ словъ и поступковъ, которые, хотя сами чрезъ себя были бы и не предосудительны, но для другаго, немощнаго, то-есть, понятіемъ недостаточнаго, соблазнительны. „Разумъ убо кичитъ, а любы созидаетъ“.

Кажется, никакой еще вѣкъ столько не былъ несчастливъ самомнительною и дерзостною ученостію, сколько нынѣшній. Въ наше отечество съ нѣкотораго времени взошли науки; ими должны бы мы поздравлять самихъ себя съ симъ славнымъ пришествіемъ. Но какіе плоды мы видимъ отъ нихъ?

Подлинно, мы не можемъ не признать того, чтобы многіе симъ просвѣщеніемъ не воспользовались и не учинили бы себя полезными для Церкви и отечества. Но сколько же—и такихъ, которые спасительное сіе врачевство обратили себѣ въ ядъ? Не говорю уже о правахъ своевольныхъ, о роскоши, о мотовствѣ, о сладострастной праздности, о неуваженіи и дерзостномъ нарушеніи всего священнаго; не говорю теперь о семъ: ибо моя рѣчь не къ тому клонится. Никогда столь смѣло не было разсуждаемо и говорено о святѣйшихъ вещахъ вѣры. Таинственныя истины кладутся на слабѣйшіе вѣсы разсудка человѣческаго. Едва ли какой разговоръ почитается сноснѣе, или еще и пріятнѣе, какъ тотъ, въ которомъ съ посмѣяніемъ перетолковываются установленія Церкви, преданія древнѣйшихъ вѣковъ, дражайшій залогъ нашихъ почтеннѣйшихъ предковъ. Что въ такихъ душахъ можетъ быть священно и неприкосновенно, когда августѣйшая вѣра въ нихъ есть игралище страстнѣйшихъ разсужденій? Оставляю доказывать, сколько таковыя разсужденія суть неосновательны и ложны; да и не имѣю нужды доказывать: ибо одна святость вѣры есть уже составъ неприкосновенный для всякаго. Скажемъ только то, откуда они получили таковую власть? Всякій христіанинъ въ церковномъ обществѣ есть

членъ такъ же, какъ и въ гражданскомъ; но въ обществѣ гражданскомъ никакой членъ не имѣетъ права пересуждать или отвергать никакого узаконенія, хотя бы оно и казалось не основательнымъ, и если бы такое своевольство было попущено, надобно бы во всемъ произойти вреднѣйшему разстройству. Кольми паче въ обществѣ христіанскомъ никакой одинъ членъ не можетъ имѣть права предосуждать и опровергать никаковаго установленія, хотя бы оно и сумнительнымъ казалось; и если бы такое своевольство было попущено, надобно разорваться той священной связи вѣры, которая тѣснѣе всѣхъ соединяетъ насъ другъ съ другомъ.

Всякъ же благоразумный и въ томъ и въ другомъ обществѣ членъ долженъ утверждать не то, что мнится ему быть достовѣрнымъ, но что—полезнымъ другимъ и всему обществу. Ежели разсужденія всякаго будутъ располагаемы на семъ основаніи, святѣйшій союзъ вѣры останется непоколебимымъ, и сладчайшій ея плодъ—любовь и добродѣтель, содѣлаетъ насъ тѣломъ живымъ и здравымъ. Но сего не можетъ быть дотолѣ, доколѣ и въ воспитаніи и во всѣхъ наукахъ не будетъ основаніемъ обученіе закона и твердое храненіе его. Ибо, разрушивъ, или не наблюдая онаго, нельзя не произойти различнымъ мнѣніямъ, вреднымъ для вѣры, опаснымъ для общества; а изъ того выйдетъ сама собою развратность нравовъ, которую мы положили третьею причиною заблужденія въ вѣрѣ.

Развратность нравовъ не можетъ быть, развѣ опровергнуты будутъ напередъ законы добрыхъ нравовъ: ибо развратность есть не что иное, какъ слѣдованіе страсти, а не закону. Но сего не довольно: та же развратность, чтобы себя болѣе утвердить, имѣетъ сіе пагубное слѣдствіе, дабы все то, что можетъ постыдить или разрушить ее, представить себѣ или труднымъ, или невозможнымъ, или неосновательнымъ, или смѣшнымъ, или еще и постыднымъ. Извѣстно, что развратности нравовъ ничто столь не противно, какъ вѣра: ибо она препятствуетъ прихотямъ, постыждаетъ страсть, у склонностей плотскихъ отнимаетъ волю. Развращенная душа смотритъ на таковое свѣтило съ отвращеніемъ: болѣзненнымъ очамъ ея свѣтъ вѣры противенъ, истина ея прободаетъ нѣжное мѣсто страсти. Посему, дабы извлечь себя изъ сихъ затрудненій, старается отвсюду заградить себя, чтобы спасительное напоминаніе вѣры не доходило къ ней, а когда бы и дошло, поменьше дѣйствовало бы; и выдумываетъ таковая душа разныя сомнѣнія, противорѣчія, смѣшныя заключенія, и присвояетъ оныя святости вѣры, дабы она тѣмъ отвратительнѣе казалась ей, и, слѣдовательно, тѣмъ меньше препятствовала бы поступать по своимъ прихотямъ. Вотъ—источники, изъ коихъ проистекаютъ нечистые потоки заблужденія въ вѣрѣ.

Узнавъ сіи, могущія причинить величайшее несчастіе, причины, да управляемъ себя благоразуміемъ и добродѣтелію. Щитъ вѣры да будетъ надежнѣйшею преградою противъ порока. Да освящаемъ уста свои благоговѣйнымъ проповѣданіемъ вѣры, да успокоиваемъ духъ свой непорочнымъ храненіемъ ея. И безъ того въ мірѣ семъ коловратномъ мы имѣемъ много случаевъ къ смущенію: почтоже при семъ еще терять и внутреннее спокойствіе? А паче, когда бы мірскія суеты и непостоянства мучили насъ заботами: тогда мы могли бы утѣшить себя хотя симъ, что духъ нашъ спокоенъ и совѣсть не зазорна. Аминь.

Слово въ недѣлю вторую Великаго поста *).

Какую похвалу приписываетъ Евангеліе жителямъ града Капернаума, туже самую похвалу достойно заслуживаютъ и жители благочестиваго града сего. Ибо о капернаумлянахъ слово Божіе нынѣ возглашало намъ, что, когда услышали они о небесномъ Учителѣ, „яко въ дому есть“,—„абіе собрашася мнози, якоже ктому не вмѣщатися ни при дверехъ“ (Марк., 2, 1—2). Не то же ли самое увеселяетъ днесь очи недостойнаго пастыря вашего? Но, что я говорю, очи мои? сіе зрѣлище есть усладительно очамъ Ангеловъ и Самого Бога. Сіе собраніе, яко рѣка въ полныхъ своихъ берегахъ тихо протекающая, одушевленное усердіемъ благочестія и слова Божія, стекается въ домъ Божій въ толикомъ множествѣ, яко, могу сказать съ Евангеліемъ, „не вмѣщатися ни при дверехъ“. О, блаженъ я по васъ! блажени вы сами по себѣ!

Видите, братіе, въ чемъ состоитъ истинная слава? Не думаю, чтобы между капернаумлянами не было многихъ, богатствомъ изобилующихъ, честію превознесенныхъ, могуществомъ сильныхъ: ибо обо всѣхъ ихъ молчитъ Евангеліе и какъ бы почитаетъ ихъ недостойными воспоминанія; а только поминаетъ, проповѣдуетъ и превозноситъ тѣхъ, которые усердіемъ были привязаны къ слышанію спасительныхъ поученій. Столько вѣковъ прошло, но память ихъ и слава не прошла, да и не пройдетъ, доколѣ будетъ проповѣдуемо сіе Евангеліе, доколѣ будутъ стоять сіи жертвенники, доколѣ основанія небеси и земли не поколеблются.

Но какъ вы уподобили себя капернаумлянамъ въ охотномъ стеченіи къ слушанію слова Божія, такъ уподобимся же и въ томъ, чтобы

*) Сказано въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, 1777 года, марта 12 дня.

о семъ предложить теперешнюю бесѣду, что тогда приводило въ удивленіе ихъ и мысль и очи?

Предъ ногами небеснаго Врача положенъ былъ одинъ разслабленный, принесенный четырьмя милостивцами. Спаситель изрекъ разслабленному: „Отпущаются тебѣ грѣси твои“. Зависть фарисейская, присемъ, не умолкла: сіе величайшее благодѣяніе Сына Божія они не оставили перетолковать въ худую сторону: „что, де, сей тако глаголетъ хулы? кто можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ“ (Марк., 2, 5, 7)?

Изъ сего выходитъ намъ сдѣлать три примѣчанія: 1-е, о состраданіи къ ближнему; 2-е, объ отпущеніи грѣховъ душевныхъ, когда ожидаемо было только одно исцѣленіе тѣлесное; 3-е, о зависти, которая не должна приводить насъ въ слабость въ подвигѣ добродѣтели. Разсмотримъ каждое особь.

Разслабленный, не имѣя движенія во всемъ тѣлѣ своемъ, нашелъ четырехъ, которые, сжалившись о немъ, взявъ его на себя и разобравъ потолокъ (ибо, за тѣснотою народа, не возможно было внести его въ двери), принесли предъ Врача душъ и тѣлесъ.

Они могли презрѣть его, могли полѣниться принимать таковой трудъ на себя,—могли извиниться своими недосугами,—могли сказать, что есть у нихъ за кѣмъ и дома ходить,—могли еще и усумниться, что будетъ ли принятъ таковой приносъ; но ничто не поколебало добрыя души сихъ благочестивыхъ людей. Знать, что они разсуждали: „мы, люди, родились не для себя токмо, но и для другихъ. Весь человѣческій родъ есть яко едино тѣло, а мы всѣ другъ другу—члены; члены же должны помогать другъ другу, чтобы все тѣло было цѣло и сохранно. Сей разслабленный человѣкъ есть нашъ членъ. Ежели его презрѣть, то—презрѣть и человѣчество, котораго мы и сами участны. Ежели его презрѣть, то—презрѣть общество, котораго онъ равно, какъ и мы—члены. Нѣтъ! мы чрезъ то показали бы, что или не человѣки—мы, или не сограждане—мы. Пойдемъ, поможемъ сему несчастливому“.

Знать, что они разсуждали: „мы, люди, не изъ желѣза или камня составлены. Тѣмъ же слабостямъ, тѣмъ же болѣзнямъ можемъ быть всегда подвержены. Нынѣ мы здоровы; но кто знаетъ, что заутра съ нами случится? Ежели презрѣть сего разслабленнаго, то или глупо думать, что будто мы удалены отъ всѣхъ злосчастныхъ случаевъ,—или заслужимъ того, чтобы и насъ въ подобномъ случаю презрѣли такъ же, какъ мы презираемъ другихъ. Нѣтъ, пойдемъ, поможемъ сему несчастливому, авось-либо, „ею же“ „мѣрою“ милосердія мѣримъ мы, тою же когда нибудь „возмѣрится“ и намъ“ (Лук., 6, 38).

Знать, что они разсуждали: „мы— люди, всѣхъ насъ изъ ничего произвелъ единъ Творецъ. Онъ—единъ Отецъ всѣмъ намъ. Мы родъ

Его есмы; мы всѣ, аще и недостойны, но—Его дѣти; такъ мы всѣ между собою—сродные, мы всѣ между собою—братія. Сей разслабленный—созданіе тѣхъ же рукъ, которыхъ и мы. Онъ намъ сроденъ, онъ нашъ братъ. Такъ если презрѣть его, то дадимъ думать о себѣ, что мы или не признаемъ Бога общимъ Отцемъ всѣхъ насъ, или гнушаемся почитать за брата того, котораго Богъ Самъ не гнушается вмѣнять за Своего сына. Нѣтъ! Пойдемъ, поможемъ сему несчастливому, и тогда-то мы удостоимся прямо назваться сынами Вышняго, когда мы милосерды, якоже и Отецъ нашъ небесный милосердъ есть“ (Лук.. 6, 36).

Вотъ, каковыя разсужденія побудили оныхъ честныхъ людей помочь разслабленному въ его злосчастнѣйшемъ состояніи. Разсужденія самыя святыя, съ разумомъ и съ Евангеліемъ сходственныя. Имъ и подражать похвально, и не подражать постыдно.

Да имѣемъ и мы довольно несчастливыхъ столькоже, сколько и нынѣшній разслабленный. Сколько больныхъ, которые по бѣдности своей не имѣютъ что за лѣкарство заплатить! Сколько малыхъ сиротъ, которыя остаются безъ призрѣнія и воспитанія, и черезъ то становятся или ни къ чему неспособными, или и развратными! сколько дряхлыхъ стариковъ, которые борются и съ болѣзненною старостію и съ скудостію! сколько вдовицъ, которыя, оставаясь безъ защиты, въ одинѣхъ слезахъ находятъ утѣшеніе! сколько дѣвицъ, которыя, по бѣдности лишаясь замужества, принуждены подвергать опасности свою добродѣтель!

Не есть ли долгъ нашъ обратить на таковыхъ вниманіе свое и благодѣтельную склонность сердца? Доколѣ будетъ занимать насъ роскошь съ безчестіемъ нашимъ? Доколѣ благословенное имѣніе не обратимъ на благодѣтельство другимъ со славою нашею? Къ чему сіи непомѣрныя излишества и въ столахъ и въ одеждахъ? Къ чему сіе хранимое многое имѣніе безъ всякаго употребленія? Пышная одежда, роскошный столъ, заключенное богатство никакой ни славы, ни похвальной памяти не доставятъ намъ. А сирота, тобою воспитанный, больной вылѣченный, дряхлой призрѣнный, вдовица утѣшенная, дѣвица въ замужество снабденная—златыми словами напишутъ имя твое въ сердцѣ своемъ: имя твое съ сладостью воспоминать и тебя благодѣтелемъ, отцемъ, покровителемъ, богоподобнымъ вѣчно прославлять не престанутъ. Сіе есть сладчайшее удовольствіе въ жизни: сіе въ вѣчности учинитъ намъ Бога милостивымъ. Но, приступимъ уже ко второму предложенію.

Когда и принесшій разслабленнаго, да и самъ разслабленный ожидалъ тѣлеснаго только исцѣленія, — Сердцевѣдецъ отпущаетъ прежде ему грѣхи: „Отпущаются тебѣ грѣси твои“ (Матѳ., 9, 2). А сіе значитъ, что мы прежде должны прилагать стараніе о душѣ, а потомъ о тѣлѣ,

или паче, чтобы единственно прилежали о душѣ, а тѣлесное благосостояніе само собою послѣдуетъ изъ того. Какъ? если бы ты имѣлъ недостатокъ въ пищѣ, одеждѣ и прочихъ нуждахъ тѣлесныхъ, потщись просвѣтить мысль свою обученіемъ какой либо науки, или художества; напряги, притомъ, душевныя силы свои на труды и подвиги. Промыслитель тварей благословитъ труды твои и пошлетъ нужное къ твоему пропитанію. Одна лѣность и праздность, пороки душевные, раждаютъ скудость. Хощеши ли предостеречь тѣло свое отъ болѣзней? Пріобучи душу свою къ воздержанію, чтобы въ пищѣ и питіи и трудахъ хранить ту мѣру, которую предписываетъ благоразуміе. Отъ невоздержанія проистекаютъ почти всѣ болѣзни. Изсуши сей вредный источникъ, и будешь имѣть тѣло здравое, къ трудамъ сносное, долгожизненное; а паче сохрани благочестіе: оно есть отецъ всякой добродѣтели; оно предохранитъ тебя и отъ скудости и отъ болѣзней. Ибо небесный Отецъ, пекущійся о послѣдней птицѣ, презритъ ли тебя, превосходное созданіе? Или, когда бы скудость и болѣзни случаемъ отяготили тебя, Божія благость на твою добродѣтель обратитъ очи всѣхъ добродѣтельныхъ людей, и въ ихъ щедротахъ приготовитъ тебѣ утѣшеніе. Не „видѣхъ бо“, говоритъ Пророкъ, „праведника оставлена“ (Псал., 36, 25), если не отъ людей, то, по истинѣ, отъ Бога. Никто намъ повредить не можетъ, развѣ мы только—сами себѣ.

Се, проходимъ мы поприще святыя Четыредесятницы. Время благословенное, время назначенное на излеченіе душевное. Для чего же намъ хотя сіе время не употребить, чтобы быть обрадованнымъ симъ сладчайшимъ гласомъ: „Чадо! отпущаются тебѣ грѣси твои“ (Матѳ., 9, 2)? Мы и всегда должны бы о семъ помышлять; но, снисходя немощамъ нашимъ, Господь благоволилъ намъ предписать кратчайшее время. Но чѣмъ оно различествуетъ у насъ отъ другихъ временъ? Пища иная, но и сіе многіе пренебрегаютъ, съ оскорбительнымъ для Церкви нарушеніемъ и съ явнымъ для немощныхъ соблазномъ. Пища иная, но пресыщеніе то же; питіе другое (да когда бы другое!), но невоздержаніе и піянство тоже. А прочія дѣла во все теченіе года, или во все теченіе жизни тѣ же: таже зависть, тѣ же клеветы, тѣ же корыстолюбія, тѣ же грѣховныя дѣла.

Мы, наступающу посту, велегласно вопіемъ: „Господи! покаянія отверзи ми двери! Покаянія отверзи ми двери! Се, покаянія двери уже отверсты; но мало кто входитъ въ нихъ, или и входитъ, но боязненною и лицемѣрною ногою. Ибо сіе есть лицемѣріе, возлюбленніи, каяться, по нѣкоторыя грѣховныя болѣзни скрывать въ самихъ себѣ, или хотя и не скрывать, но дѣлать то не по глубокому размышленію, а по наружному обыкновенію. Отъ сего-то происходитъ, что мы тотчасъ,

какъ только вышли изъ врачебницы духовной, паки обращаемся на тѣ же постыдныя дѣла. Гдѣ нѣтъ истиннаго покаянія, тамъ должно сему быть: лицемѣріе не исцѣляетъ раны, но только на время прикрываетъ ее, да и прикрываетъ, чтобы послѣ въ тяжчайшемъ припадкѣ открыть ее.

Исправимъ себя, возлюбленніи, въ сихъ недостаткахъ нашихъ; да и исправимъ, ежели токмо восхощемъ. Ибо сіе стоитъ небольшого труда. Не зачѣмъ переплывать моря, не зачѣмъ горы копать, не зачѣмъ имѣніе тратить: стоитъ только одного нашего добраго произволенія. Нынѣшніе фарисеи осуждали Христа за благодѣяніе, и Его спасительное дѣйствіе почитали хулою. Пусть бы и насъ стали осуждать развратные люди, пусть бы толковали съ посмѣяніемъ, что „мы вдругъ стали набожны“, что будто „и безъ поста—де можно спастись“, что будто „и безъ церкви—де можно на постели молиться“, что „будто и безъ поповскихъ разсказовъ нельзя правды узнать“?.. Мы свободною ногою да обходимъ сіи сѣти, разставленныя отъ лукаваго: такія разсужденія есть мудрованіе вѣка сего, есть плодъ развратной и несчастной души. Мы да послѣдуемъ гласу Евангельскому! Болѣзнуемъ мы съ разслабленнымъ, да востанемъ съ нимъ силою Врача душъ и тѣлесъ, бросимъ грѣховный одръ свой, пойдемъ путемъ Господнимъ непорочно, ходя, и скача, и хваля Бога. Аминь.

Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы *).

Проходящимъ намъ подвигъ святаго поста, какъ бы путешественникамъ—нѣкоторое отдохновеніе, праздникъ сей Церковь Божія предуготовила, благословенные христіане,—и по истинѣ отдохновеніе. Ибо путешественникъ, если бы не зналъ, куда идетъ и скоро ли отъ трудъ путнаго успокоится, могъ бы придти въ уныніе и разслабленіе. Такъ и мы, совершающіе подвигъ Евангельскаго пути, если бы не были подкрѣпляемы извѣстною надеждою, что подвигъ нашъ не тщетенъ, и трудъ, напослѣдокъ, окончается покойнымъ пристанищемъ, могли бы или унынть духомъ, или бы и совсѣмъ ослабѣть въ подвигѣ своемъ.

И се, Промыслъ Божій милостивый въ томъ подкрѣпляетъ и ободряетъ насъ. Ты путешествуешь: Сынъ Божій пріемлетъ плоть, да тебѣ въ пути будетъ путеводителемъ. Ты подвизаешься: небесный Отецъ посылаетъ Сына Своего, да соплететъ тебѣ побѣдный вѣнецъ. Ты покаяніемъ смиряешь себя: Ходатай Бога и человѣковъ хощетъ пролить

*) Сказано въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, 1777 года, марта 25 дня.

кровь Свою, да омыетъ грѣхи твои. Ты умерщвляешь плоть свою: Воплотившійся отъ Дѣвы насъ ради готовитъ крестъ, да смертію Своею пріобрящетъ тебѣ животъ. О, судебъ Божіихъ глубина! О, милосердія пучина неисчерпаемая! Но изслѣдуемъ, братіе, *въ чемъ долженъ состоять подвигъ христіанскій*, да возможемъ съ Апостоломъ сказать: „тако теку, не яко безвѣстно, тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй“ (1 Кор., 9, 26).

Подвигъ прямо христіанскій состоитъ въ побѣжденіи страстей. А что суть страсти?—склонности, которыя влекутъ къ тому, что разсовѣтываетъ здравый разумъ, что противно Евангелію, что отягощаетъ совѣсть, что нарушаетъ истинное благополучіе. Напримѣръ, склонность къ лѣности и праздности, склонность къ невоздержанію, склонность къ блудодѣянію, склонность къ неправедному корыстолюбію, склонность къ скупости, склонность къ гордости и презрѣнію другихъ, склонность къ тщеславію суть страсти: ибо они и здравому разуму предосудительны, и противны Евангелію, и совѣсть отягощаютъ, и нарушаютъ истинное человѣческое благополучіе.

Противъ сихъ страстныхъ искушеній вооружиться, не попустить имъ одолѣть себя, одержать надъ ними побѣду есть подвигъ прямо христіанскій.

Здѣсь человѣку нужды нѣтъ въ силѣ тѣлесной: и крѣпкій мужъ и слабая тѣломъ жена равно въ подвигѣ семъ могутъ оказать мужество свое; но еще, чѣмъ меньше дается подкрѣпленія играющей плоти, тѣмъ сильнѣе становимся мы въ подвигѣ семъ. Нужна здѣсь только просвѣщенная мысль, бодрый духъ, горячими молитвами призываемая небесная помощь.

„Но мы, де, человѣки“. Сіе-то самое и должно подкрѣплять насъ въ подвигѣ семъ, что человѣки—мы, а не животныя безсловесныя. Когда мы—человѣки, то не должны яриться и гнѣвомъ воспаляться, яко звѣри; когда человѣки—мы, то не должны похотствовать, яко скоты, одному чреву работающіе; когда человѣки—мы, не должны похищать и грабить, яко волкъ; когда человѣки—мы, не должны на прежніе пороки обращаться, яко песъ на своя блевотины. Когда мы—человѣки, то и должны самымъ дѣломъ показать, что человѣки—мы. Наружный составъ человѣческаго тѣла, лице, осанка прямо еще человѣка не составляютъ. Написанный на картинѣ человѣкъ представляетъ человѣка и со всею красотою своею, но не есть человѣкъ; и лежащій во гробѣ показуетъ начертаніе человѣка, но есть мертвъ. Человѣкъ есть, когда творитъ человѣческое, когда образъ Божій не помрачаетъ, но просвѣщаетъ познаніемъ истины, когда сердце его добродѣтельно и богоподобно. Послушайте, что говоритъ и слово Божіе: „Бога бойся и заповѣди Его

храни, яко сіе всякъ человѣкъ“ (Екклес., 12, 13). Вотъ, въ чемъ поставляетъ человѣка небесная истина!

Нельзя намъ сказать того, чтобы было трудно вооружаться противъ пороковъ и страстей. Никакъ: ибо не трудно все то, что есть по естеству, то-есть, съ естественнымъ учрежденіемъ сходственно; а трудно только то, что—противъ естества, то-есть, стремится противъ естественнаго учрежденія. Но „всякое доброе дѣло есть по естеству, всякій же порокъ есть противъ естества“,—разсуждаетъ св. Златоустъ. Да и самымъ дѣломъ такъ, ибо Богъ создалъ насъ не для зла, но для добра; слѣдовательно, и расположилъ всѣ наши силы и склонности, ведущія къ добру.

А потому, возлюбленн. христіане, когда мы дѣлаемъ добро, идемъ по пути, который открылъ намъ Богъ, и по которому Онъ Самъ насъ руководствуетъ; когда же дѣлаемъ худо, тогда заблуждаемся съ пути; а чрезъ то сами себѣ мы причиняемъ затрудненіе и ослабляемъ себя. По истинѣ, добродѣтель есть по естеству, а порокъ—противъ естества.

Да хотя бы было и трудно, но гдѣ же похвальнѣе и полезнѣе трудъ употребить, какъ не въ подвигѣ добродѣтели? И вредный порокъ намъ даромъ не достается. Лѣнивецъ разслабляетъ тѣло и отягощаетъ оное болѣзнями, сластолюбецъ обезображиваетъ себя ранами и сокращаетъ дни свои, корыстолюбецъ лишается покоя и изсушаетъ въ себѣ жизненные соки, гнѣвливый воспаляетъ кровь и неумѣреннымъ волнованіемъ ея повреждаетъ свое здравіе. Всякій порокъ или встрѣчается предыдущими трудностями, или препровождается несчастливыми слѣдствіями. А добродѣтель хотя бы и требовала труда, но ея и подвигъ похваленъ, и трудъ полезенъ. Ты подвизаешься, но Богъ вспомоществуетъ тебѣ; ты трудишься, но невидимая рука готовитъ тебѣ почести. Отягощается тѣло, но облегчается духъ; скучаетъ плоть, но веселится совѣсть. А сіе веселіе совѣсти, сіе облегченіе духа и тѣло укрѣпляетъ, и плоть храннтъ въ своемъ благосостояніи. Грѣшникъ идетъ, но его пути зрятъ во дно адово, однако, несчастливый идетъ; праведникъ же ходитъ, яко левъ, уповая, то-есть, благодушно, надежно, безбоязненно.

А чтобы сей подвигъ и меньше труденъ былъ, надобно заблаговременно привыкать къ нему. Отъ младыхъ лѣтъ, отъ самой юности то своимъ стараніемъ, то совѣтомъ благоразумныхъ людей надобно узнавать, въ чемъ состоитъ прямая честность,—кругомъ почасту осматривать и разглядывать красоту ея, отвѣдывать сладость ея плодовъ; а потомъ помалу начинать входить въ ея упражненія и, взошедъ, не переставать повторять сіи упражненія дотолѣ, пока они уже въ тебѣ не сдѣлаются какъ бы нѣкоторою привычкою. Тогда самымъ опытомъ ты узнаешь, сколько упражненіе сіе есть сносно и легко.

Не видимъ ли мы художниковъ, съ какою скоростію и проворствомъ они производятъ свою работу?—видимъ и удивляемся: ибо знаемъ, съ какою медленностію и затрудненіемъ сначала они приступали къ своему дѣлу; но частымъ повтореніемъ одного упражненія дошли до сей удобности и легкости. То же самое свойство есть и у добродѣтели. Можетъ она показаться трудною, когда приступишь къ ней вдругъ, безъ всякаго пріуготовленія, особливо, если душа уже занята противными ей пороками; но когда еще доброе расположеніе души не испорчено, и дѣйствія ея повторить свободнымъ духомъ нѣсколько разъ, пойдешь, яко по прямому пути. „Всяка дебрь“ трудности тогда „исполнится, и всяка гора и холмъ смирится: и будутъ стропотная въ правая, и острая въ пути гладки“, и узришь „спасеніе Божіе“ (Ис., 40, 4—5).

Но не долженъ страшиться трудности и слабѣть и тотъ, который къ худому уже какъ бы привыкъ, и чрезъ то входъ въ себя добродѣтели сдѣлалъ затруднительнымъ. Подлинно, опутавъ себя сѣтьми привычки худой, не безъ трудности можно освободиться отъ оной. Трудно, но нельзя сказать, что не возможно. Богу да будетъ благодареніе, что Онъ не сотворилъ насъ, яко сосудъ глиняный, который, разбившись, составиться не можетъ. Всѣ наши дѣла зависятъ отъ произволенія: куда наклонишь волю свою, туда и дѣло послѣдуетъ. Добрый можетъ сдѣлаться худымъ, но и худой, перемѣнивъ развратное произволеніе, можетъ стать добрымъ. Надобно для сего имѣть бодрый духъ. Однажды свободно рѣшившись, самъ въ себѣ скажи: „совѣсть безпокоитъ меня въ худомъ, законъ обличаетъ, судъ Божій страшитъ, худой примѣръ подобныхъ мнѣ людей смущаетъ меня, добрые люди сожалѣютъ обо мнѣ. Призвавъ Бога на помощь, начну помалу отвыкать отъ худого: брошу лѣность, примусь за трудъ, оставлю невоздержаніе, отгоню отъ себя соблазнительный предметъ блудодѣянія, запечатаю уста свои противъ лжи, найду доброе и похвальное употребленіе имѣнію моему, пойду въ путь добродѣтельныхъ людей, оставлю путь развратный“.

Когда только мы сдѣлаемъ таковое святое рѣшеніе о себѣ самихъ, тотчасъ благодать притечетъ поспѣшною ногою, и въ семъ славномъ предпріятіи подастъ намъ всесильную свою помощь. Только крайне должно укрѣпить себя, чтобы, ставъ на семъ пути, не останавливаться: ибо, чѣмъ далѣе поступимъ въ сіе, тѣмъ пойдетъ все удобнѣе и легче. Надлежитъ одолѣть первый приступъ; когда же почувствуется внутреннее удовольствіе, возгорится въ тебѣ пламень духовной ревности.

Для сего-то и уставлено благопріятное время поста. Церковь Божія, яко пекущаяся мать, вѣдаетъ наши слабости, вѣдаетъ житейскія нужды и суеты, оставляетъ намъ довольное время упражняться въ своихъ заботахъ; но потомъ, какъ уже нашъ духъ обезпокоится

сими суетами, какъ уже отъ мірскихъ искушеній мы получимъ немалыя раны, опредѣляетъ время, въ которое мы взошли бы въ самихъ себя, разсмотрѣли бы свои дѣла, подумали бы о внутреннемъ благосостояніи, попеклись бы объ исцѣленіи полученныхъ ранъ. Надобно не пренебрегать сію благодать, надобно сей благовременный случай употреблять въ свою пользу; да не горшее что будетъ намъ.

А къ бо́льшему содѣйствію того же самаго поспѣшествуетъ намъ и сей празднственный день. Какъ? еще ли мы не обратимъ сердца свои ко Господу, какъ Самъ Господь снисходитъ къ намъ съ небесъ и зракъ раба пріемлетъ? Преклонивый небеса неизмѣнно вмѣщается весь въ тя: ты ли будешь столько ослѣпленъ и ожесточенъ, чтобы сему сладчайшему пришествію не отверсти дверей души твоей? Да зачнется Онъ и въ сердцахъ нашихъ, яко же зачася во утробѣ Пречистыя Дѣвы, и, на приходъ Его къ тебѣ, рцы со благословенною Отроковицею: „се, рабъ Господень: буди мнѣ по глаголу Твоему“ (Лук., 1, 38). Аминь.

Слово въ недѣлю четвертую Великаго поста *).

Какимъ искушеніямъ не подверженъ бѣдный человѣкъ! и съ какою осторожностію намъ надобно препровождать жизнь свою! Въ нынѣшнемъ Евангеліи поминается нѣкоторый человѣкъ, который былъ обладаемъ и мучимъ какимъ-то духомъ нѣмымъ и глухимъ. Оный духъ мучилъ сего несчастнаго дотого, что уста его покрывались пѣною — знакомъ тяжчайшаго страданія; разбивалъ его тѣло о всякій твердый камень, дѣлалъ и самымъ камнемъ, приводя его въ оцѣпенѣніе. По столь мучительнымъ слѣдствіямъ надобно разсуждать о лютости припадка.

Да когда бы сія болѣзнь была только тѣлесная, она не столь бы заслуживала вниманія нашего: ибо таковой случай могъ бы относиться не до всѣхъ, а до нѣкоторыхъ. Но можетъ ли быть въ тѣлѣ страданіе таковое, чтобы вкупѣ и самая душа не была въ жалкомъ состояніи? особливо, что духъ глухій и нѣмый означаетъ не тѣлесный токмо припадокъ, но велитъ намъ разумѣть и душевное разстройство? А потому до всѣхъ насъ надлежитъ прилежно взойти въ самихъ себя, нѣтъ ли и въ насъ чего подобнаго,—или по крайней мѣрѣ заблаговременно взять потребныя противъ того предосторожности.

Мы не полѣнимся изслѣдовать, *какое есть дѣйствіе духа нѣмаго и глухаго.* А, притомъ, не оставимъ сдѣлать примѣчанія: 1-е, что, поминаемый въ Евангеліи, несчастливый человѣкъ въ семъ лютомъ припадкѣ

*) Сказано въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, 1777 года, марта 26 дня.

былъ издѣтска. 2-е, что оный нечистый духъ, и по глаголу Господню, не могъ изъ него выйти, развѣ „много пружався“ (Марк., 9, 26), то-есть, съ великимъ нехотѣніемъ и затрудненіемъ.

Нѣмый не можетъ говорить, а глухій — слышать. И потому дѣйствіе духа нѣмаго и глухаго должно состоять въ томъ, чтобы связать языкъ— не говорить истины, или сдѣлать его свободнымъ только на одну ложь, а уши заградить на слышаніе полезныхъ совѣтовъ и наставленій, и отворить ихъ на принятіе токмо смутъ, клеветъ и соблазнительныхъ басенъ. Такъ, какъ-же душа можетъ принять въ себя что-нибудь доброе, когда въ ней заключены благороднѣйшіе органы, яко нужнѣйшія двери?

Симъ болѣзненнымъ припадкомъ души страждутъ, во-первыхъ, тѣ пастыри, которые, принявъ на себя званіе учительства, не показываютъ паствѣ своей пути истины, не проповѣдуютъ имъ слова Божія и, взявъ ключи разумѣнія, ни сами въ царствіе Божіе не входятъ, ни другихъ не вводятъ. „О, горе мнѣ, аще не благовѣствую“ (1 Кор., 9, 16)! горе: ибо Господь Вседержитель грозитъ взыскать кровь погибающихъ овецъ отъ таковыхъ пастырей. Если же дать отчетъ предъ Богомъ въ собственныхъ дѣлахъ своихъ есть дѣло великаго вниманія и страха, то какое истязаніе должны понести тѣ, отъ которыхъ Судяй праведно востребуетъ отвѣта и въ грѣхахъ другихъ! Сія нѣмота есть дѣйствіе нѣмаго духа, тѣмъ опаснѣе, что она и самому таковому и другимъ причиняетъ несчастіе.

Но духъ глухій обладаетъ тѣми, которые лѣностны и нерадивы въ слушаніи слова Божія. Бѣгаютъ по торжищамъ, считаютъ прибытки,— разсматриваютъ, что въ сей недѣлѣ пришло, что и какимъ образомъ въ слѣдующую достать можно, и, обходятъ всѣ домы, ласкательствуютъ, подло унижаются, ища защиты, предстательства, покровительства въ непостоянствѣ человѣческомъ. Но день праздничный, день воскресный назначенъ для служенія Господу твоему. Да уже дается и знакъ идти въ домъ Господень и, вкупѣ съ братіею твоею, предстать тебѣ предъ лицо общаго Владыки. Ибо и пропитаніе наше, и защита, и покровительство состоитъ въ Его единой всесильной рукѣ.

Но, вотъ, злый духъ глухій одесную предстоитъ и внимать сему запрещаетъ. „Обѣдня, де, не уйдетъ, проповѣдей мы довольно слыхали, а, опустивъ прибыль въ нынѣшній день, не возъимѣемъ случая сыскать въ другой. Если такому-то въ сей часъ не отдать почтенія, въ другой не будетъ принято, или лишимся милости его“. Итакъ, подъ сими, яко извинительными, видами Церковь Божія лишается чадъ своихъ въ своихъ торжествахъ: погасаетъ жертвенное куреніе, умолкаютъ сладчайшіе гласы хвалъ Божіихъ. Богъ съ высоты небесныя возглашаетъ: „Аще

Азъ есмь Господь, то гдѣ“—раби Мои? „аще Азъ есмь Отецъ, то гдѣ“ дѣти Мои (Малах., 1, 6)? Но сей гласъ они не разумѣютъ: для чего?— для того, что духъ глухій заградилъ ушеса, и не возмогутъ слышати. Какъ! не возмогутъ слышати?—слышатъ, но сладкосоставныя басни, охужденія тѣхъ людей, которыхъ не любятъ,—клеветы, сплетаемыя на тѣхъ, которыхъ заставляетъ привести въ несчастіе—или прибыль или тщеславіе ихъ; но таковое слышаніе есть та же глухота и дѣйствіе того же глухаго духа, и полезнѣе было бы, когда бы въ такихъ случаяхъ ушеса ихъ были затворены глухотою.

Но духъ нѣмый дѣйствуетъ въ тѣхъ, которые приходятъ къ святой исповѣди съ неохотою, или совсѣмъ удаляются оной. Рана всегда остается опасною, ежели ее или врачу не открыть, или лѣченіе ея запустить. И въ самыхъ житейскихъ нашихъ дѣлахъ мы много погрѣшали бы, ежели бы ни въ чемъ ни отъ кого не принимали ни совѣтовъ, ни наставленій, а только поступали бы по однимъ мыслямъ своимъ; кольми паче въ управленіи души нашей потребенъ совѣтъ и наставленіе. Исповѣдь уставлена, чтобы мы открыли совѣсть свою духовнику, или паче Сердцевѣдцу Богу. Открывъ, докажемъ, что мы не ожесточены во грѣхѣ, что въ насъ есть надежда исправленія: ибо мы ищемъ врачевства; открывъ, получимъ совѣтъ, какимъ образомъ впредь надлежитъ намъ предостерегаться отъ того; открывъ, примемъ наставленіе, показывающее намъ права и дѣйствія суда Божія; открывъ, удостоимся милосердаго разрѣшенія отъ Того, Иже „единъ имать власть на земли оставляти грѣхи“ (Матѳ., 9, 6). А чрезъ сіе успокоимъ духъ свой, томимый страстьми и боязнію наказанія.

Духъ нѣмый завидуетъ сему: человѣка, къ сему благодатію призываемаго, останавливаетъ иногда при самомъ порогѣ церковномъ. Чѣмъ? — стыдомъ. Но стыдъ долженъ препятствовать дѣлать худо, а не признаваться въ худомъ. Стыдомъ; но таковой стыдъ наиболѣе и долженъ приводить насъ къ исповѣди: ибо, когда стыдно исповѣдать грѣхъ, то сей стыдъ можетъ воздержать отъ постыднаго дѣла. Такъ пусть духъ нѣмый онѣмѣетъ, а я „исповѣмъ на мя“ беззаконія моя Господеви“, и Той оставитъ „нечестіе сердца моего“ (Псал., 31, 5).

Но многообразны хитростныя дѣйствія духа сего. У иныхъ онъ связываетъ языкъ, чтобы не говорили правды: ибо, по Евангелію, онъ „есть отецъ лжи“ (Іоанн., 8, 44). Прельщаетъ различными образы: „говорить, де, правду — потерять дружбу, говорить правду — потерять прибыль, говорить правду — поднять ненависть другихъ на себя, говорить правду—надобно иногда самого себя обвинить“. Ну! такъ пусть же сердце твое будетъ не сходно съ устами: береги дружбу, храни прибыль. скрывай винность свою, въ семъ будетъ наилучшая удача духу

нѣмому. Но, несчастливый, какое твое въ томъ—пріобрѣтеніе? Истина есть въ устахъ Божіихъ, ты ли гнушаешься ею? правда утверждаетъ престолы, ты ли сумнишься утвердить ею счастіе свое? Прямое и открытое сердце есть жилище Духа Святаго, почто изъ онаго ложью выгоняешь Его? „Да исполнятся уста“ наши „хваленія Господня (Псал., 70, 8), выну хвала Его“, да пребудетъ „во устѣхъ“ нашихъ (Псал., 33, 2). Ежели и нѣмымъ намъ быть, то полезнѣе нѣмотою связать языкъ свой на клеветы, на охужденія, на срамословія, на хулы: таковая нѣмота духу нѣмому противна, а Святому Духу пріятна и радостна. Да, помнится, мы въ крещеніи отрицались отъ духа лжи, когда облекались въ новую ризу святыни и истины.

Но духъ глухій дѣйствуетъ въ тѣхъ, которые не слушаютъ, или не хотятъ слушать правды. Такіе суть неправедные судіи: дружба, мзда суть тѣ орудія, коими духъ глухій загражданетъ ушеса ихъ. И потому такимъ людямъ бываютъ нечувствительны вопли неповинныхъ людей, жалобы обиженныхъ, искъ раззоренныхъ. Да что я говорю, вопли и жалобы неповинныхъ? ниже самыя угроженія Верховнаго Судіи, Бога, Который вопіетъ устами Евангелія Своего непрестанно: „Доколѣ судите неправду“ (Псал., 8, 2)? и: „судъ безъ милости не сотворшему милости“ (Іаков., 2, 13). Но все сіе остается безъ дѣйствія, ибо духъ глухій обладаетъ ими.

Теперь мы узнали, возлюбленніи слушатели, какое есть дѣйствіе духа глухаго и нѣмаго. Не оставимъ, напослѣдокъ, замѣтить, что духъ сей, когда глаголомъ всесильнымъ былъ выгоняемъ изъ человѣка, нынѣ упоминаемаго въ Евангеліи, то не могъ выйти, развѣ „много пружався“ (Марк., 9, 26), то-есть, съ великимъ нехотѣніемъ и затрудненіемъ. А для чего? — для того, что онъ въ немъ былъ издѣтска. Сіе же значитъ, что всякій порокъ, если утвердится въ комъ долговременною привычкою, становится труденъ къ излѣченію; а труденъ потому, что человѣкъ, къ нему привыкшій, считаетъ уже его за дѣло свое обыкновенное, безъ котораго какъ будто и пробыть нельзя, и потому уже мыслію не смущается, совѣстію не безпокоится. Слѣдовательно, отстать отъ него и не подумаетъ. Изволь же къ излѣченію таковаго вдругъ приступить: о, сколь много надобно труда и подвига, чтобы только привести его въ чувствіе себя!

И потому зѣло да страшимся, братіе, чтобы не одолѣла насъ худая привычка. Погрѣшить есть дѣло человѣческое, но въ погрѣшеніи не раскаяваться—діавольское. Пусть бы приступилъ духъ нѣмый и глухій со всѣми своими хитростями; но, когда порокъ еще кажется намъ порокомъ, много не успѣетъ, или благодать Божія паки возставитъ насъ надъ нихъ. А паче да вооружимся противъ того постомъ и молитвою:

ибо „сей“ духъ лукавый „ничимъ же“ изгонится, „токмо молитвою и постомъ“ (Марк., 9, 29), по глаголу Господню. Аминь.

Слово въ недѣлю пятую Великаго поста *).

При всѣхъ усильныхъ стараніяхъ, чтобы насадить добродѣтель въ человѣческихъ сердцахъ, не перестаютъ вкрадываться страсть и порокъ, такъ какъ, при насѣяніи нивы плодоносною пшеницею, обыкли возрастать плевелы. Сему примѣръ видимъ мы въ нынѣшнемъ Евангеліи (Марк., 10, 33 и слѣд.). Когда ученики небеснаго Учителя находились въ духовномъ Его училищѣ, когда изъ устъ Его питались словомъ живота, когда всегда слышали наставленіе, чтобы—спокойствіе духа, смиреніе предъ Богомъ и человѣками, попеченіе о душѣ и пріобрѣтеніи царствія Божія предпочитать всему, что имѣетъ міръ лестнаго, когда, притомъ, и взирали всегда на образъ смиренія въ лицѣ своего Учителя; однако, со всѣмъ тѣмъ, мудрованіе плотское возымѣло случай овладѣть ихъ мыслію. Въ самое то время, когда Спаситель повѣствовалъ о приближающихся часахъ страданія Его и поносной смерти, и, слѣдовательно, когда ученикамъ Его наиболѣе былъ бы случай узнать непостоянство свѣта и возненавидѣть его прелести, въ самое сіе время они воображали почести и пышности мірскія. Да не воображали токмо, но нѣкоторые изъ нихъ и самымъ дѣломъ осмѣлились приступить къ Іисусу Христу и Его просить, чтобы имъ, когда Онъ, какъ великій Государь, будетъ повелѣвать всѣмъ свѣтомъ [какъ неосновательно они думали], тогда имъ быть бы первыми при Немъ людьми. Истина, съ небесъ сшедшая, тотчасъ узнала сію человѣческаго сердца слабость. Въ постыженіе имъ сказано: „не знаете вы сами, чего просите. Вы воображаете, что Я сяду на престолѣ. Но мнѣ готовится крестъ; и руки, въ которыя вы своимъ воображеніемъ влагаете скипетръ, пригвождены будутъ къ поносному дереву: вмѣсто всѣхъ царскихъ пиршествъ и увеселеній, кровь Моя прольется источниками. А хотя бы вамъ и получить желаемое при Мнѣ первенство, то надобно сіе заслужить такимъ же подвигомъ, такимъ же страданіемъ, къ какому видите Меня приготовляющася. „Можете ли пити чашу, юже Азъ пію, и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаюся, креститися? не вѣста, чесо просита“ (Марк., 10, 38).

Итакъ, просьба сихъ учениковъ опровержена Спасителевымъ изреченіемъ, да, по нашему разсужденію, была она низкая и неполезная: ибо они искали чести, а не должности,—величанія, а не труда,—сует-

*) Сказано въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ, 1777 года, апрѣля 2 дня.

ной славы, а не истинныхъ заслугъ,—искали насажденія мірскаго, а не спокойствія душевнаго.

Намъ надлежитъ замѣтить таковой случай въ пользу свою: въ какомъ расположеніи и мы должны быть, когда ищемъ себѣ какой-либо должности. Первый бо пунктъ въ жизни быть обязану какимъ-либо званіемъ, ибо праздный человѣкъ вреденъ и себѣ и обществу. Итакъ, ищущему, или хотящему принять на себя какую-либо должность надобно за основаніе положить, 1-е: прилежно взойти въ самого себя и узнать, способенъ ли онъ къ тому. Есть ли достоинство, которое отворяло бы къ тому свободную дорогу? есть ли дарованія, которыя облегчали бы носить возлагаемое бремя? есть ли ревность, которая наполняла бы духъ благоразумною заботою, чтобы не сдѣлать упущенія въ чемъ-нибудь? есть ли великодушіе, чтобы одолѣть срѣтающіяся трудности и противности безъ разслабленія? есть ли безпристрастіе, чтобы истину и правду не промѣнять ни на что лестное? Сіи свойства необходимо должны быть, чтобы достойно принять и счастливо отправлять должность.

Хочетъ, напримѣръ, кто быть судіею, надобно знать законы, умѣть благоразумно рѣшить всякіе случаи, знать расположить, чтобы человѣколюбіе не нарушало правосудія, и правосудіе основано было бы на человѣколюбіи; предостерегать сердце свое, чтобы въ оное не вкрались мщеніе или корысть, и представлять себя въ непостыдномъ лицѣ Верховнаго Судіи, Бога. Хочетъ ли кто быть начальникомъ и управлять подчиненными себѣ, надобно имѣть душевное и всегдашнее увѣреніе, что они подобны ему, что они—дѣти его, что онъ поставленъ умножить и утвердить ихъ покой и счастіе, надобно оттрясти сонъ, бросить нѣгу, оставить излишнія гулянія, быть терпѣливу въ выслушаніи просьбъ и докукъ: умѣть добраго наградить, а худаго исправить. Хочетъ ли кто быть пастыремъ? просвѣщена ли мысль его свѣтомъ истины святой? чувствуетъ ли благодать, исполняющую его ревностію о Церкви Божіей? находитъ ли сосудъ свой душевный и тѣлесный чистъ отъ порока и беззаконія? почитаетъ ли себя способнымъ, чтобы умыть „въ неповинныхъ руцѣ“ свои (Псал., 25, 6), и тогда предстоять жертвеннику Господню? Хочетъ ли кто быть художникомъ? надобно имѣть къ тому охоту, приготовить себя на трудъ и не прельститься ни на какую корысть, когда то противно честности и совѣсти.

Если кто отъ Бога благословенъ таковыми дарованіями, ступай, садись за столъ судейскій, бери въ руки вѣсы правосудія, возвѣщай людямъ законы и судъ, принимай любезное имя отца и благодѣтеля, приступай къ алтарю, входи во святая святыхъ, будь ходатай между Богомъ и человѣки, на гласъ Божій взывающій: „Кого пошлю къ лю-

демъ симъ?“ — отвѣчай свободно съ Исаіею: „Се азъ есмь, посли мя“ (Ис., 6, 8). Да и погрѣшилъ бы, если бы кто, имѣя таковую способность, отрекался отъ званія Божія,—погрѣшилъ бы, яко талантовъ Божіихъ скрыватель,—погрѣшилъ бы, яко нерадящій объ общей пользѣ, и могъ бы быть почтенъ, яко подлый или завистливый, столь благороднымъ путемъ идти отрицающійся.

Напротивъ, если бы кто, сознавая самъ въ себѣ скудныя силы, недостаточныя дарованія, малыя заслуги, однако, со всѣмъ тѣмъ, не убѣгалъ бы отъ важныхъ должностей, или еще и искалъ бы ихъ, тотъ погрѣшитъ противъ совѣсти, оскорбитъ званіе Божіе, превратитъ изряднѣйшій порядокъ вещей, будетъ въ тягость и во вредъ и себѣ и другимъ. Отъ сего-то много и страждетъ Церковь и гражданское правительство, что въ опредѣленіи къ должностямъ мало разсматриваются заслуги и способности. Сей разборъ весьма нуженъ. Нѣтъ тутъ мѣста ни случаю, ни счастію, ни дружбѣ, ни ласкательству, тѣмъ меньше происканъ и подкупамъ. Хотя бы законы были и весьма не совершенны, но если управляющіе оными благоразумны и честны, всѣ недостатки или удобно будутъ поправлены, или обращены на лучшую сторону. Но сколько бы законы ни были правосудны и совершенны, да если правленіе ихъ поручено будетъ въ руки людей, не имѣющихъ ни основательнаго просвѣщенія, ни душевной честности, всѣ превратятся, или останутся безъ исполненія. Нужны хорошіе законы, но едва ли еще не нужнѣе благоразумный выборъ опредѣляемыхъ къ должностямъ людей.

И для того-то Спаситель въ нынѣшнемъ Евангеліи сказалъ ученикамъ: „Можете ли пити чашу, юже Азъ пію, и крещеніемъ, имъ же Азъ крещаюся, креститися“ (Марк., 10, 38)? то-есть, когда быть въ великомъ чину, въ важной должности, надобно до сего достигать не только способностію къ тому, но и многими трудами и заслугами, такъ какъ и Я къ открытію славы Моей, „юже имѣхъ прежде“, даже „міръ не бысть“ (Іоан., 17, 5),—видите, иду путемъ тѣснымъ, по стремнинамъ Голгоѳскимъ, нося крестъ. Я пію чашу смерти и крещаюся въ погруженіи крови Моея: такъ и вамъ питіемъ горькія чаши надлежитъ достигать до сладости.

А изъ сего разсужденія выходитъ второе: хотящему принять на себя какую-либо должность не надобно смотрѣть на почести и прибытки, а единственно имѣть въ намѣреніи, чтобы сдѣлать пользу другимъ и снискать себѣ то удовольствіе, что я—не безполезный общества членъ. „Аще“ кто „хощетъ“ изъ „васъ быти старѣй, да будетъ всѣмъ слуга“ (Марк., 10, 44).

Знаю, что многіе обыкли говорить: „я служу изъ чести“. Но сіе слово надобно раскусить съ солію. Если служитъ изъ чести значитъ то,

что я буду стараться не опорочить чести званія моего, сана моего худыми поступками и заслужить доброе мнѣніе о себѣ у добрыхъ людей,— сіе есть похвально. А если служить изъ чести, разумѣется, что всѣ со страхомъ предо мною будутъ предстоять, до земли кланяться, встрѣчать и назначать первое мѣсто, что блистаніемъ одеждъ, выѣзда, множествомъ титлъ я буду приводить въ удивленіе всѣхъ простыхъ,—сіе есть суета. Не состоитъ въ семъ существо должности, а—только одна тѣнь и обманъ самого себя и другихъ.

Но чтобы не привести въ уныніе слабыя сердца, говорю, что простительно принимать почтеніе по достоинству, но не искать: ищи честности, а честь сама собою послѣдуетъ. „Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“ (Мато., 6, 33). Нельзя, нельзя, чтобы добродѣтель когда-нибудь обидѣла своего рачителя.

Не должно же въ званіе входить и по корыстолюбію. Самая большая твоя польза, когда ты хранитель—общте пользы. Не унывай, если ты заслужишь сіе славное титло: полезный гражданинъ и добрый человѣкъ, ты заслужишь у всѣхъ любовь и довѣренность. А при семъ Промыслъ Божій открываетъ тебѣ тысячу способовъ къ благополучію твоему. Когда же ты въ обществѣ возынмѣлъ бы несчастіе прослыть худымъ, или еще и вреднымъ человѣкомъ, всѣ твои способы къ пріобрѣтенію корысти будутъ не надежны, или и снискапное не прочно.

Третіе, кто хочетъ вступить въ должность, надобно отъ младыхъ лѣтъ привыкать къ трудамъ и почитать тотъ день, тотъ часъ напрасно потерянным, въ который не сдѣлано было бы что-нибудь доброе. Ибо если кто привыкъ къ праздности, къ лѣности, къ гулянію, къ однимъ суетнымъ веселостямъ, и позванъ будетъ таковой къ какой-либо должности: ему откроется вдругъ множество дѣлъ, или и не многія дѣла покажутся великими и тяжкими,—и если онъ имѣетъ совѣсть, впадетъ въ уныніе; а если не имѣетъ, будетъ развратникъ и зараза общества.

Все сіе да содержимъ всегда въ мысли и сердцѣ нашемъ, возлюбленніи: ибо всѣ мы промысломъ Господнимъ призваны, или призываемся въ какую-либо должность. Предуготовимъ путь нашъ употребленіемъ даровъ Божіихъ во благое, ревностію къ общей пользѣ и трудолюбіемъ. Расположимъ себя на гласъ Господень, зовущій насъ: „Уготовайте“ пути Господни: „правы творите стези Его“ (Марк., 1, 3). Вступимъ въ званіе, какое бы оно ни было, яко въ храмъ священный, съ душею непорочною, держа въ рукахъ жертву добродѣтели. А паче всего, отъ чиста сердца да молимъ Промыслителя Бога, да подастъ намъ силы и подкрѣпитъ наши немощи, чтобы мы, претекши благополучно теченіе жизни сея, достигли и къ тихому пристанищу вѣчнаго по трудѣхъ покоя. Аминь.

Слово на погребеніе Великой Княгини, Наталіи Алексѣевны, супруги Всероссійскаго Наслѣдника, Павла Петровича *).

Когда сердца всѣхъ стѣсняетъ горестнѣйшая печаль, когда таковое стѣсненіе сердца уста всѣхъ печатлѣетъ глубокимъ молчаніемъ,—я, несчастливый проповѣдникъ, тогда имѣю печальный долгъ произносить надгробное слово сіе. Но возможно ли словомъ сколько-нибудь изобразить и горесть общей печали, и добродѣтели преставльшейся? Да и къ чему имѣетъ послужить таковое слово? изъясненіе печали общей умножаетъ оную, а исчисленіе добродѣтелей въ Бозѣ усопшей представляетъ трату нашу величайшею. О, тягчайшій ударъ раздраженныхъ небесъ! О, ужасное дѣйствіе судебъ Божіихъ! Видимъ, и если бы не признавали, ожесточенни есмы, колико раздражали мы долготерпѣніе Твое, о, Судяй всей земли праведно!

Когда Богъ сочеталъ съ добродѣтелію Павловою непорочнѣйшую супружницу, когда о семъ благословенномъ союзѣ торжествовало отечество наше, когда ихъ безпримѣрный примѣръ супружеской любви добродѣтельныхъ утѣшалъ, а развратнѣйшихъ стыдилъ и исправлялъ, когда всѣ были при послѣднемъ и несумнительномъ чаяніи—быть обрадованнымъ благословеннымъ плодомъ чрева ихъ, когда уже исчисляли, или, паче сказать, предвкушали имѣющія быть пріятности и пользы таковаго плода,—внезапу судьба, какъ бы позавидовавъ счастію таковому, отъяла, пресѣкла, посрамила всѣ наши чаянія и надежды, и рука Господня отяготися на насъ.

Такъ не должна ли ты, Россія, въ сей часъ возопить съ оною женою, въ словѣ Божіемъ упоминаемою: „не зовите убо мене, Ноеммінь“‘ то-есть, красная, „но зовите мене горька: яко исполни мя горести Вседержитель зѣло“ (Руѳ., 1, 20)?..

Но почто, паки говорю, изъяснять горесть сію? и безъ слова моего она до глубины пронзаетъ сердца всѣхъ. Да и какъ же умолчать о добродѣтеляхъ благовѣрной Государыни? благодарное чувство къ блаженной памяти ея требуетъ отъ насъ таковаго признанія.

Какъ доброе древо судится по добрымъ плодамъ: такъ добродѣтельнѣйшая ея жизнь увѣряетъ о добромъ ея воспитаніи. Ахъ! блаженны родители, когда похвалою чадъ ихъ прославляется имя ихъ! но и самый Промыслъ таковому воспитанію предъуготовалъ святѣйшее

*) Сказано въ Александро-Невской лаврѣ, апрѣля 26-го, 1776 года.

основаніе. Сіяли въ Наталіи всѣ дарованія душевныя и тѣлесныя. Душа украшала тѣло, тѣло было свѣтлѣйшимъ зерцаломъ душевныхъ добродѣтелей.

Просвѣщеніе разума достойное крови благороднѣйшей: понятіе о вещахъ прямое предшествовало ея разсужденію,—разсужденіе твердое, яко на честности основанное. Всякая страсть стыдилась приступить къ таковому расположенію мыслей святыхъ. И когда сіи дарованія давали сй свободность всякія затрудненія счастливо рѣшить,—при всемъ томъ она умѣла украшать разсужденія свои любезною добродѣтелію скромности: „уста свои“, да скажу съ Соломономъ, отверзала „мудро и законно“ (Притч. Сол., 31, 25). Бесѣда ея была благодать не меньше услаждающая, какъ и наставляющая.

Сердце же ея было обиталищемъ Святаго Духа. И сіе-то дѣлало и просвѣщеніе ея любезнымъ, и понятіе почтеннымъ, и разумъ твердымъ, и разсужденіе полезнымъ. Что бо все то, если не управляемо честностію? одинъ блескъ болѣе вредный, нежели спасительный. Имѣла она счастіе сохранить сей великій союзъ во всей его непорочности. На истинномъ просвѣщеніи она созидала храмъ добродѣтели, и во храмѣ семъ никогда не погасалъ священный огнь любви къ Богу и ближнему.

Благодѣтельная ея душа, сколько услаждалась счастіемъ другихъ, столько трогалась сожалѣніемъ несчастныхъ. Но не довольно сего: она не оставляла возможный способъ и случай споспѣшествовать и счастію другихъ и отвратить несчастіе дѣломъ, словомъ, совѣтомъ, наставленіемъ, предстательствомъ. Никто не исходилъ отъ нея безъ удовольствія и утѣшенія: снисхожденіемъ, благопривѣтливостію, всегда цвѣтущимъ радостью лицомъ привлекала къ себѣ сердца всѣхъ. Къ тѣмъ, кого человѣколюбіе ея воспріяло на свое призрѣніе и воспитаніе, была она нѣжнѣйшею и щедрѣйшею матерію; а сіе обѣщало, что таковою же она имѣла быть и ко всему отечеству. И сіе все,—что заставляетъ сказать въ похвалу ея самая истина, — не было въ ней случайное, скоропреходящее: оно происходило изъ глубины добраго сердца; твердость духа была основаніемъ всему тому.

Твердость духа. Ахъ, слушатели мои! Когда сіе воображаю, не нахожу довольныхъ словъ, ни силъ, чтобы въ точности представить мужество ея. Поистинѣ, никто не можетъ сравниться съ ея великодушіемъ и спокойною твердостію: безъ усилія возвышалась она выше силы человѣческой, и на всѣ, почитаемыя страшными, приключенія взирали, яко на игралище сердецъ слабыхъ. Начать и продолжать подвиги честности столь постоянно, чтобы никогда въ теченіи семъ не ослабнуть,—какой означаетъ духъ? Но сего не довольно. Если бы она была всегда въ такомъ положеніи, что, спокойно препровождая жизнь,

была бы восхищена внезапнымъ стремленіемъ смерти, можетъ быть, великодушіе ея не столь было бы явно для насъ, хотя оно и тогда не менѣе было бы открыто Сердцевѣдцу Богу. Но какимъ страшнымъ посѣщеніемъ угодно было искусить ея терпѣніе!

Среди радостнѣйшихъ воображеній, когда добродѣтельная душа ея увеселялась, что плодъ чрева ея составитъ торжество всего отечества, что сей залогъ еще паче утвердитъ ихъ союзъ съ дражайшимъ супругомъ, что она будетъ матерію о чадѣхъ веселящеюся, — среди такихъ воображеній, среди всѣхъ восклицаній отечества, оглашающихъ ушеса ея, что воспослѣдовало? о, Боже! всемогущею рукою Своею Ты подалъ намъ свитокъ пророка Твоего, „и написано бяше въ немъ рыданіе, и жалость и горе“ (Іезек., 2, 10). Утроба материяя заключилась, открылась вся лютость жесточайшаго мученія, начала свирѣпствовать сила смертоносная: собственную утробу свою она находила гробомъ дражайшему плоду, и для жизни обоихъ открылись врата вѣчности.

Здѣсь слабый духъ тотчасъ дерзнетъ подумать, что, при таковомъ положеніи, она мучительно терзалась, разслабѣвала, своими воплями ужасала всѣхъ, оцѣпенѣвала, приходила въ отчаяніе. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, мои слушатели! Ея великое сердце оставалось спокойно, духъ бодръ, терпѣніе непоколебимо, разсудокъ твердъ. Она болѣе утѣшала другихъ, нежели требовала утѣшенія, и, къ удержанію возмущенія предстоящихъ, всю лютость мученія удерживала въ персяхъ своихъ. Наружность была спокойна, лицо ея доказывало внутреннюю тишину, взоръ несмущенный, бесѣда благопривѣтливая, такъ, какъ бы говорила она съ Апостоломъ: „радуюся во страданіяхъ моихъ“ (Колосс., 1, 24).

Вотъ что можетъ неповинность совѣсти! Вотъ — доказательство безсмертія, что, когда страждетъ и разрушается тѣло, душа, яко духовное существо, остается при своемъ свойствѣ нетлѣнія.

Но какъ таковое, подвизающееся противъ всѣхъ мученій и самой смерти, мужество справедливо можетъ всякаго восхитить въ удивленіе, то воззримъ на ея благочестіе: оно рѣшитъ удивленіе, утѣшитъ благочестивыхъ, утвердитъ слабыхъ въ вѣрѣ.

Она была маслина, новонасажденная въ дому Божіемъ; но плодъ вѣры ея былъ въ самой зрѣлости. Упованіе на Бога твердое, ввѣреніе себя въ волю Его радостное, повиновеніе судьбамъ Его безропотное, усердное. Изъ устъ ея не выходило, сколько въ надеждѣ на Бога оно непоколебимо! При воспоминаніи о безсмертіи души, съ изліяніемъ на лицѣ радости, сказала: „Ахъ! какъ это утѣшительно!“... Священныя дѣйствія покаянія и причастія восприняла съ такимъ благоговѣніемъ, что при исповѣди видимо было, сколько она утѣшилась, что ни въ чемъ совѣсть не зазирала ее; а причащеніе Тѣла и Крови Господней почи-

тала началомъ вкушенія райскихъ сладостей. По совершеніи помазанія святымъ елеемъ, чего она сама собою охотно возжелала, когда принесенъ былъ ей святый крестъ, она облобызала оный съ такимъ усердіемъ, что съ устами ея самый духъ ея казался прилипшимъ къ оному священному знаменію. Посемъ, спокойствіе ея видимо увѣряло, что она ни въ чемъ не поставляла твердости и величества, какъ въ благочестіи и невинности, и симъ щитомъ ограждала себя противъ всѣхъ страховъ смерти.

Ахъ, сколь многіе слабые христіане должны постыдиться при семъ! Препровождая жизнь въ разслабленіи и невѣріи, при открывшихся ужасахъ смерти и ада остаются безъ утѣшенія; а болѣзнь тѣлесную умножаетъ страданіе духа. Воображая предстать предъ судъ Судіи праведнаго, не находятъ, съ чѣмъ предстать, какъ съ осужденіемъ самихъ себя, и, прежде суда Его, осуждаются судомъ своей совѣсти. И сіе-то терзаніе совѣсти есть вина, что, находясь въ самомъ подвигѣ смертномъ, священныхъ таинствъ не столько отвращаются, сколько ужасаются.

Но благочестіе благовѣрной Государыни возложило на нее вѣнецъ славной побѣдительницы смерти и представило ее престолу Божію, окруженную ликомъ добродѣтелей. Итакъ, спокойно и славно сія блаженная душа скончала подвигъ жизни своей.

Но ежели что-либо смущало ее, то разлученіе съ дражайшимъ супругомъ своимъ. Она почитала его паче всѣхъ красотъ міра, паче жизни своей; непрестанно желала наслаждаться взоромъ его, бесѣда съ нимъ дѣлала прохладу страждущей душѣ ея. Но не меньше вкупѣ съ Августѣйшей Матерію отечества тщалась подкрѣплять терзаніе его. Сей, великаго духа, супругъ при всей своей твердости не могъ преодолѣвать чувствительнѣйшей горячести къ добродѣтельной супругѣ своей; источники слезъ сами собою изливались. Но и возможно ли было твердости его не поколебаться горестнѣйшею печалью? Онъ находилъ въ ней вѣрнѣйшую супружницу, благоразумную совѣтницу, друга искренняго, надежнѣйшую подпору во всѣхъ его обстоятельствахъ, удивительное сходство въ нравахъ и правилахъ, такъ что онъ самъ изъясняется сими, точно начертанными десницею его, словами: „Богъ осчастливилъ меня, соединивъ союзомъ дружбы самой искренней и любви самой непорочной съ женою моею, которая, будучи воспитана въ тѣхъ же правилахъ, всегда подкрѣпляетъ меня въ оныхъ“.

Собравъ въ мысли все сказанное, печальные слушатели, вы усмотрите, какая должна быть трата для матерняго сердца великодушной Монархини! какая—для дражайшаго супруга! какая—для всего отечества! какими слезами мы можемъ довольно оплакать постигшее насъ

несчастіе!? Но паче о семъ да помыслимъ, въ чемъ могли бы мы найти утѣшеніе себѣ?

Ежели гдѣ, то здѣсь должно имѣть мѣсто оное Апостольское слово: „о умершихъ да не скорбите“ (1 Солун., 4, 13). Блаженная Наталія прешла въ жилище радостей. Добродѣтель ея достойна лучшаго пребыванія, нежели міръ сей, исполненный соблазновъ и развратовъ. Восплакала Россія о ея разлученіи, но возрадовались ангелы, принявъ ее въ содружество свое. Днесь, осіянная славою свѣта немерцающаго, она, се, глаголетъ къ намъ: „Престаните отъ слезъ: не плачемъ, а сорадованіемъ и привѣтствіемъ почтите покой мой! Прославьте вѣру нашу несумнительнымъ увѣреніемъ о блаженствѣ моемъ. Мнѣ открыты уже книги вѣчныхъ судебъ: въ нихъ созерцаю, яко и тлѣнное сіе тѣло мое паки соединится со мною нетлѣнное и прославленное. Дражайшій супругъ! будь столько счастливъ на землѣ, сколько я блаженна на небеси!“

Но Благовѣрная Государыня не совсѣмъ и преставилась отъ насъ: она живетъ въ супругѣ своемъ; образъ его есть образъ добродѣтелей ея. Сей образъ начертанъ перстомъ Божіимъ: ничто не сильно изгладить или получить его; благоволеніе Божіе неизмѣнно о немъ. Августѣйшая и великодушнѣйшая Монархиня есть источникъ утѣшенія отечеству, паче же любезному сыну своему.

И потому, о, Боже, мы съ благоговѣніемъ лобызаемъ отеческую руку Твою, какъ милующую, такъ и наказующую насъ. Аминь.

Слово въ недѣлю Ваій, на освященіе храма св. Николая Чудотворца, что въ Старой Кузнецкой *).

„Не бойся дщи Сіоня, се Царь твой
грядетъ тебѣ кротокъ и спасаяй“.
(Іоанн, гл. 12, ст. 15).

Благодушествуй, радуйся и веселись, Церковь Христова, слыша и видя грядуща къ тебѣ Царя славы, Спасителя нашего. Исходи на срѣтеніе Его: поспѣши, да узришь кроткое и милостивое Его лицо. Износи радостные знаки твоего къ Нему благоговѣнія, покланяйся „на мѣсто, идѣже стоястѣ нозѣ Его“ (Псал., 131, 7). Восклицай отъ усердія духа: „Благословенъ грядый во имя Господне“ (Псал., 117, 26).

---

*) Сказано въ Москвѣ, въ церкви св. Николая Чудотворца, что въ Старой Кузнецкой, 1777 года, апрѣля 9-го дня.

„Отверзите врата“, о вы, чувства мои, „и возьмитеся врата“, грѣхомъ затворенныя, „и внидетъ Царь славы“ (Псал., 23, 9).

О, Боже, снисходяй на моленія рабовъ Твоихъ! пріиди и, невидимымъ Твоимъ присутствіемъ, посѣти насъ. Се, отверстъ Тебѣ новый Іерусалимъ; се, уготовася храмъ въ жилище Твое и въ мѣсто упокоенія Твоего. Призри на вѣру людей и на мѣсто, идѣже призвано благословенное имя Твое. Нѣтъ приношенія, которое достойно было бы величества Твоего, но пріими милостиво Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносящихъ.

Подлинно, возлюбленніи, храмы, посвященные имени Господню,— святѣйшее предъ очами Его на землѣ зданіе. Въ нихъ собираемся мы на службу Его, въ нихъ совершаемъ священныя таинства, въ нихъ приносимъ молитвы свои; они намъ суть духовное училище ко всякому благому дѣлу, въ нихъ снисходитъ на насъ Духъ Утѣшитель, укрѣпляетъ въ немощахъ, утѣшаетъ въ печаляхъ, успокоиваетъ боязни и смущенія совѣсти. Однако, со всѣмъ тѣмъ, дабы сіи вещественные храмы были достойны присутствія Божія, надлежитъ прежде й паче всего, да душевый нашъ храмъ будетъ освященъ. „Вы“ бо „есте“, по Апостольскимъ словамъ, „храмъ“ Бога живаго, „и Духъ Божій живетъ въ васъ“ (1 Кор., 3, 16).

Въ настоящій день дѣти еврейскія съ непорочнымъ сердцемъ срѣтали Спасителя, въ Іерусалимъ входящаго; мы всегда видимъ сей торжественный входъ Іисуса Христа, когда къ священной трапезѣ приступаемъ и чрезъ святое причащеніе Его пріемлемъ внутрь самихъ себя. О семъ великомъ таинствѣ христіанскаго служенія въ сей часъ, хотя краткимъ словомъ, побесѣдуемъ: ибо и сіи храмы наипаче для совершенія тайны сей освящаются, и причащеніе сей святыни творитъ нашу душу храмомъ Божества, да и наступающіе святые дни должны предуготовить насъ къ сей духовной таинственной трапезѣ.

Сколь важна есть сама по себѣ тайна причастія, мы видимъ то изъ словъ Божественнаго ея Уставителя. Онъ въ самое то время, въ самую ту священную ночь, въ которую предуготовлялъ Себя къ страданію и къ принесенію въ жертву за спасеніе наше, сказалъ святымъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ: „Желаніемъ возжелѣхъ пасху сію ясти съ вами, прежде даже не пріиму мукъ“ (Лук., 22, 15), то-есть, съ нетерпѣливостію ожидалъ Я сего часа, чтобы послѣ всѣхъ Моихъ благодѣяній предложить вамъ сію послѣднюю трапезу, и потомъ уже съ радостію пойду на смерть. Когда же напиталъ ихъ сею безсмертною пищею, сказалъ: „Отселѣ не имамъ ясти отъ нея, дондеже скончаются во царствіи Божіи“ (Лук., 22, 16); то-есть, совершилъ Я послѣднее, вожделѣнное для Меня, пированіе съ вами, и сіе есть начало будущаго на небесѣхъ блаженства, которое иду Я уготовать вамъ, дѣти.

Когда же Самъ Божественный Спаситель съ великимъ и горячимъ желаніемъ ожидалъ того времени, въ которое бы оставить сію тайну Церкви Своей, яко дражайшій залогъ любви Его, то и должно сіе заставить насъ внимательно испытать, какое, присемъ, было намѣреніе Его, и съ какимъ пріуготовленіемъ къ ней надлежитъ приступать намъ, христіанамъ.

Уставлена сія святая тайна, по словамъ Самого же Іисуса Христа, во-первыхъ, съ тѣмъ, чтобы мы, совершая оную, воспоминали страданія Его и смерть. Вотъ — самыя Его слова: „Сіе творите въ Мое воспоминаніе“ (Лук., 22, 19). Любезные ученики! когда вы, яко дѣти единаго Отца, будете всѣ собираться вкупѣ, не забудьте Моихъ благодѣяній; вспомните, до чего Я снизшелъ для спасенія вашего. Оставилъ блаженныя Отеческія нѣдра: славу, „юже имѣхъ, прежде“ даже „міръ не бысть“ (Іоанн., 17, 5), скрылъ подъ видомъ бренной, Мною принятой, плоти,—облекся въ рабій зракъ, алкалъ, жаждалъ, странствовалъ, не имѣя, гдѣ главы приклонити. Когда же болѣзни немощныхъ исцѣлялъ, когда чудесами открывалъ дѣйствіе обитающаго во Мнѣ Божества, когда изъяснялъ истину спасенія и волю Пославшаго Мя,—вмѣсто благодарности, былъ поношеніемъ и хулою для ожесточенныхъ и завистливыхъ душъ, а потомъ осужденъ и на крестную смерть. Вы, Мои ученики, всему тому — свидѣтели: вы, пребывшіе со Мною въ напастяхъ Моихъ, не забудьте сихъ благодѣяній, оказанныхъ вамъ и, въ лицѣ вашемъ, всему человѣческому роду. Се, уставляю вамъ и всѣмъ, которые чрезъ васъ будутъ составлять одно общество Церкви, сіе таинство тѣла и крови Моей,—уставляю въ Мое воспоминаніе. Когда вы, по исполненіи служенія Богу-Отцу, будете раздроблять сей хлѣбъ, вспомните, что подобнымъ образомъ всѣ члены тѣла Моего были раздробляемы жесточайшими мученіями. Когда вы будете взирать на сіе вино, вспомните, что подобнымъ образомъ Моя кровь проливалась на крестѣ, какъ теперь она изливается къ напоенію вашему. „Сіе творите въ Мое воспоминаніе“ (Марк., 8, 38) всегда, до того времени, какъ пріиду во славѣ Отца Моего. Вотъ, съ какимъ великимъ намѣреніемъ уставлена тайна сія!

Мы, аще и недостойны, но—Его ученики. Мы благодатію Божіею призваны въ вѣру Его. Оное завѣщаніе, въ лицѣ учениковъ Его, простирается и до насъ, и мы чрезъ крещеніе обязались исполнять его, когда сочетавались Христу. Такъ съ такимъ ли расположеніемъ приступаемъ мы къ сей духовной трапезѣ? чувствуемъ ли величество благодѣяній Божіихъ и тяжесть нашихъ грѣховъ, которые обременяли Его паче креста? Есть ли въ насъ раскаяніе? есть ли оная любовь кающейся грѣшницы, которой для того „отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много“ (Лук., 7, 47)? есть ли сія духовная жажда, чтобы истощен-

ныя пороками силы подкрѣпить усерднымъ яденіемъ Тѣла и Крови Спасителевой? Ахъ, христіане! хотя страшно, но истина не повелѣваетъ молчать. Да хотя бы мы и умолчали, но Павелъ вопіетъ: „Колико“,— говоритъ,—„горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнивъ, еюже освятися, и Духа благодати укоривый“ (Евр., 10, 29)? На кого бы, мои слушатели, клонилось сіе страшное опредѣленіе?—на тѣхъ которые причащаются не съ благоговѣніемъ и безъ раскаянія въ своихъ грѣхахъ. Презритель вѣры попираетъ Сына Божія, грабитель и хищникъ паки пригвождаетъ руки, на крестѣ простертыя; прелюбодѣй и похотьми плотскими оскверняющій себя отъемлетъ всю силу освященія отъ крови новаго Завѣта, которою онъ освятился; кающійся, но паки обращающійся на тѣ же пороки, ругается Духу благодати, аки бы она была тщетна и суетна.

Такое ли расположеніе потребно, когда мы приступаемъ къ святынѣ причащенія? такъ ли мы почитаемъ безцѣнныя заслуги Христовы? такъ ли мы сораспинаемся Христу? О! всякъ таковый нераскаянный грѣшникъ—Тѣло и Кровь Господню въ „судъ себѣ ястъ и піетъ“ (1 Кор., 11, 29). Не превращай намѣренія Спасителева: ибо оно прямо относится къ тебѣ; но посмотри и на другое намѣреніе, которое также тебя касается, но уже въ лицѣ всей Церкви, которой ты—членъ.

Второе намѣреніе состоитъ въ томъ, дабы намъ всегда давать вѣрное свидѣтельство о себѣ предъ Богомъ и людьми, что мы—истинные сыны Церкви, и неразлучны пребываемъ въ соединеніи съ нею. Сіе изъясняетъ святый Павелъ, говоря: „Единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози: вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся“ (1 Кор., 10, 17). То-есть, всѣ христіане особенно другъ другу—члены; но въ обществѣ по единой вѣрѣ, по единому союзу любви, суть едино тѣло, такъ какъ—единъ хлѣбъ. И когда они отъ единаго сего хлѣба и чаши причащаются, то тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ единеніе со всѣмъ обществомъ.

Первенствующіе христіане, когда въ нихъ вѣра дѣйствовала всею силою своею, причащались всякій воскресный день, а чрезъ то и вѣру свою укрѣпляли и тѣснѣйшимъ союзомъ соединялись между собою,— почему и доселѣ, при совершеніи Божественной литургіи, діаконъ приглашаетъ всѣхъ христіанъ къ причащенію, дабы со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступали. Такъ поступали христіане первенствующей Церкви. Мы — ихъ преемники, мы обязаны подражать примѣру ихъ. Но не должны ли покрыться стыдомъ и остаться безотвѣтными многіе изъ насъ, которые или неохотно и болѣе по привычкѣ, нежели по внутреннему усердію, или зѣло рѣдко, а иные и едва ли когда приступаютъ къ причащенію? Какъ! мы тебя со всею Церковію почитаемъ своимъ членомъ, своимъ братомъ: почто же ты не подаешь увѣренія

никакого о твоемъ союзѣ съ нами? почто удаляешься духовнаго пированія съ нами? почто раздираешь единство тѣла Христова? почто презираешь гласъ общаго нашего небеснаго Отца? Онъ завѣщалъ намъ быть всегда вкупѣ, особливо же, когда мы открываемъ общій пиръ духовный. Почто ты, овца, удаляешься отъ стада? Всѣ таковые знаки суть худое предзнаменованіе для тебя. Или ты—лицемѣръ: по наружности христіанинъ, по внутренности отступникъ; или — заблужденіемъ раскола помраченный; или имѣешь совѣсть, столь отягощенную пороками, что уже и нерадишь объ исправленіи и успокоеніи ея. Ты—грѣшникъ, но, удаляясь отъ сей врачебницы духовной, рана твоя становится неисцѣльнѣе. Больной членъ, доколѣ еще—въ составѣ живаго тѣла, подастъ надежду исцѣленія, но, отсѣченный отъ тѣла, подлежитъ только одному согнитію и истлѣнію. Потщимся, возлюбленніи, святымъ причащеніемъ подавать вѣрное свидѣтельство о христіанствѣ своемъ: оно есть наибольшее утѣшеніе для Церкви Христовой; а для насъ самихъ есть твердѣйшее основаніе взаимной любви и согласія.

Взаимной, говорю, любви и согласія. Сіе есть третіе намѣреніе, съ коимъ уставлена тайна причащенія. Дражайшій Спаситель, яко чадолюбивый Отецъ, разлучаясь съ Своими любезными учениками, уставленіемъ духовной сей трапезы, далъ имъ знать, какъ бы говоря: „Азъ изыдохъ отъ Отца, и иду ко Отцу“ (Іоанн., 16, 28); вы остаетесь въ мірѣ семъ, въ мірѣ исполненномъ соблазнами и превратностями: общій искуситель не оставитъ вооружиться противъ васъ: страсть будетъ полагать претыканія на пути вашей добродѣтели, несогласіями и раздорами будетъ стараться помутить вашу любовь и покой. Блюдитесь, да не разорвано будетъ соединеніе ваше: когда вы будете совокупны и любовны между собою, ничто же успѣетъ врагъ. Предостерегая васъ отъ сего, Я уставлю, чтобы вы имѣли общую трапезу: единъ хлѣбъ, едино питіе. Сіе совокупное ваше при единой трапезѣ пированіе утвердитъ васъ въ любви: оно докажетъ, что вы—единомудренны, согласны, единаго Отца дѣти, единаго тѣла члены, едина благоуправляемая семья“.

Сіе наставленіе небеснаго Учителя было дѣйствительно въ Его ученикахъ: они были до смерти неразлучны и любовь свою запечатали мученическою кровію. Вонмите сему, христіане! Къ жертвеннику, на коемъ приносится жертва мира, возбраняется приступать со злобою и ненавистію ближняго. Сколько кратъ вы слышите на литургіи подаемый вамъ отъ алтаря миръ, столько же бываетъ напоминаній для васъ о согласномъ житіи. Сія святыня не можетъ освятить уста клеветника, сердце раздвоенное для благодати не вмѣстительно. Утопающій въ пьянствѣ и невоздержаніи да страшится приступать къ безсмертной

чашѣ сей. „Не можете“,—вопіетъ Апостолъ,—не можете „чашу Господню пити и чашу бѣсовскую“ (1 Кор., 10, 21). Да приступаемъ убо къ принятію Тѣла и Крови Господней съ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ благодѣяній Божіихъ, съ усерднымъ желаніемъ увѣренія о нашемъ христіанствѣ, со взаимною любовію и согласіемъ между собою.

Когда такимъ образомъ расположимъ себя, въ души наши будетъ столь же славное вшествіе Іисуса Христа, какъ и то, которое Онъ имѣлъ днесь въ Іерусалимъ. Таковое расположеніе будетъ наиприятнѣйшее для Него срѣтеніе. Чрезъ сіе мы уподобимся нелестнымъ еврейскимъ отрокамъ, съ непорочною душею на пришествіе Его исшедшимъ, и удостоимся вмѣстить въ сердцахъ нашихъ сего вожделѣннѣйшаго Гостя.

Ты же, грядый во имя Господне, буди во вѣки благословенъ! „Осанна Сыну Давидову“ (Мато., 21, 9)! Посѣти насъ во смиреніи нашемъ, Господи! Освяти насъ во имя Твое: сотвори, да благоговѣйнымъ нашимъ совершеніемъ службы Твоей всегда священны пребудутъ храмы сіи. Любящимъ же благолѣпіе оныхъ, рачителямъ ниспосли Твое благословеніе, и насъ покажи подражателями ихъ усердія къ Тебѣ. Аминь.

Слово на освященіе храма *).

Хотя по существу своему иное есть Церковь, иное храмъ, но, при всемъ томъ, они суть нераздѣльны. Церковь есть соборъ истинныхъ христіанъ; храмъ есть мѣсто, гдѣ истинные христіане отправляютъ свое служеніе предъ Богомъ. Церковь есть невѣста Христова; храмъ есть чертогъ, гдѣ совершается духовное обрученіе непорочныхъ душъ со Христомъ. Церковь есть угодное Господеви приношеніе; храмъ есть жертвенникъ, на коемъ возносится сія пріятная жертва. Церковь есть свѣтильникъ, свѣтящій и горящій свѣтомъ богоугодныхъ дѣлъ; храмъ есть свѣщникъ, на коемъ сей свѣтильникъ поставленный освѣщаетъ всѣхъ. Церковь есть благовонное муро; храмъ есть священный ковчегъ, содержащій въ себѣ сіе муро. Церковь сама собою есть невидима, ибо вѣра и благія дѣла истинныхъ христіанъ сокровенны отъ насъ, а открыты токмо очамъ Божіимъ; храмъ открываетъ оную, ибо когда видимъ на мѣстѣ семъ совершающихъ угодное Богу служеніе, то, нѣкоторымъ образомъ, видимъ открываемыя ихъ души и изливающихъ сердца свои предъ Господомъ.

---

*) Сказано въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, въ трапезной церкви, по возобновленіи оной, 1780 года, іюля 4 дня.

Почему, творя освященіе храма сего, мы можемъ сказать, что творимъ освященіе самой Церкви Божіей, не для того, акн бы она требовала освященія: „Церковь“, по Апостолу, „есть свята и непорочна“ (Ефес., 5, 27), яко уже освященная кровію Христовою. Тѣмъ не меньше мы требуемъ сего освященія, ибо хотя благодать Божія удостоиваетъ насъ быть членами Церкви Христовой; но, при всемъ томъ, членами, подверженными ежечаснымъ слабостямъ и поползновеніямъ. А потому, когда мы освящаемъ храмъ, не столь освящаемъ мѣсто сіе: ибо оно само по себѣ никакого порока и скверны не причастно, но паче освящаемъ самихъ себя, или, по крайней мѣрѣ, при семъ важномъ случаѣ должны стараться освятить себя.

Когда мы созидаемъ храмъ, не можемъ лучше утвердить основаніе его, какъ если укрѣпимъ оный благочестіемъ,—когда украшаемъ оный, не можемъ придать ему лучшее сіяніе, какъ благоговѣйнымъ нашимъ служеніемъ въ немъ.

Можемъ, да и должны мы украшать его и видимымъ благолѣпіемъ, яко-то златомъ, сребромъ и прочими драгими утварями: ибо все сіе есть и твореніе и даръ живущаго во храмахъ Творца всяческихъ. Куда убо пристойнѣе можемъ употребить сіи Его дары, какъ не на украшеніе того мѣста, гдѣ Онъ Самъ присутствуетъ невидимо? Таковое украшеніе пріемлется не просто за одно украшеніе, но за нѣкоторую жертву и приношеніе, вопіющимъ намъ съ Церковію ко Господу: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще“.

Какой стыдъ долженъ бы объять насъ, и сколько бы изобличало сіе неблагодарность нашу, если бы мы златомъ и камнемъ убирали свои надежды, строили для себя великолѣпныя зданія, позлащали колесницы, издерживали имѣніе на излишнюю и тлѣнную пищу, на дорогіе напитки, а пренебрегали бы посвящать оныя на украшеніе святаго жилища Его! Давидъ, когда восхотѣлъ создать храмъ Богу Вышнему, побужденіемъ къ тому имѣлъ сіе благочестивое разсужденіе: „Стыдно мнѣ,—сказалъ онъ къ Пророку,—что я живу въ дому кедровомъ, а кивотъ Господень стоитъ въ скиніи“ (2 Царств., 7, 2). Можемъ и мы сказать съ симъ благочестивымъ Царемъ: „стыдно было бы намъ, если бы мы жили въ дому великолѣпномъ, а храмъ Божій состоялъ бы изъ бѣднаго зданія; мы носили бы одежды златыя, а ризы при святѣйшемъ служеніи были бы простыя; стѣны дома были бы убраны богатыми обоями, а стѣны храма очернены сажею и пылію; колесницы были бы позлащены, а жертвенникъ приношенія прикрытъ рубищемъ; сосуды для роскоши невоздержанія—златые и сребреные, а сосуды для Божественныхъ Таинъ—оловянные. Какъ! мы будемъ жить въ дому кедровомъ, а кивотъ Господень стоять будетъ въ скиніи? Сіе будетъ знакомъ, что мы думаемъ только

о себѣ, а не о Богѣ; употребляемъ дары, но не помышляемъ о Даровавшемъ намъ оные, да прямо и о самихъ себѣ не думаемъ: ибо, если бы мы размышляли о самихъ себѣ, могли бы видѣть, отъ кого получили сіи дары, и изъявляли бы свою благодарность Благодѣтелю. Мы же, напротивъ, даемъ о себѣ заключать, что какъ бы все имѣемъ отъ себя и никому никакого отчета въ томъ дать не должны. Благодарный рабъ не можетъ столь забыть верховнаго Раздаятеля всѣхъ вещей, или паче забыть самого себя, что онъ есть, что имѣетъ, отъ кого и на что"?

Но мы, де, можемъ употребить данное отъ Бога имѣніе Ему на угоднѣйшее же. На что?—на благодѣтельство другимъ,—на снабженіе болѣе одушевленныхъ храмовъ, нежели на одно украшеніе стѣнъ, ничего не чувствующихъ. Подлинно, сіе разсужденіе есть основательное, если оно происходитъ отъ добраго намѣренія. Когда раскаявающаяся грѣшница помазывала позъ Господа Іисуса драгоцѣннымъ муромъ, тогда Іуда злочестивый, завистію подстрекаемый, сказалъ: „Почто гибель сія бысть (Марк., 14, 4)? сіе муро могло быть продано великою цѣною, и тѣмъ снабжены быть нищіе". Но сіе сказано, по свидѣтельству Евангелія, не для того, „яко о нищихъ печашеся, но яко тать бѣ, и ковчежецъ имѣяше, и вметаемая ношаше" (Іоанн., 12, 8),—почему и заслужилъ Іуда отъ праведнаго Судіи сіе кроткое изобличеніе: „Нищія всегда имате съ собою, Мене же не всегда имате" (Іоанн., 12, 6).

Можемъ и мы сказать таковымъ: всегда вы имѣете случай благодѣтельствовать другимъ; но, притомъ, всегда ищите случая оказать и благочестіе свое. Не можете вы благодѣтельствовать другимъ, когда не имѣете благодарнаго чувствія къ Давшему вамъ дары сіи. Начните прежде узнавать Законодателя, да возможете поступать по закону Его. Не можетъ быть щедръ къ другимъ тотъ, который въ самомъ дѣлѣ скупъ съ Богомъ.

Когда Македонскій Александръ, бывъ въ младости, приносилъ жертву и цѣлою горстію сыналъ фиміамъ на жертвенникъ,—дядька его, будучи скупъ, сказалъ ему: „поменьше клади: ты еще не завоевалъ Аравіи, гдѣ фиміамъ родится". Возросъ Александръ и, по многихъ побѣдахъ завоевавъ Аравію, прислалъ дядькѣ своему нѣсколько сотъ возовъ ладану, написавъ ему: „не будь скупъ, гдѣ дѣло идетъ до богопочтенія". Сей примѣръ достопамятенъ. Мы должны любить ближняго для того, что Богъ предписалъ намъ то, и для любви Его къ намъ; но когда сего послѣдняго не будетъ, то—и перваго.

Да и какое мѣсто украшается, когда украшается храмъ?—то, гдѣ обучаютъ любить ближняго и благодѣтельствовать. Почему, чѣмъ болѣе мы печемся о семъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе показываемъ, что намъ любезна и преподаваемая въ немъ наука добродѣтели, а потому, и сама добродѣтель.

Однако, при всемъ томъ, да почитаемъ благочестивое житіе наилучшимъ украшеніемъ храмовъ Божіихъ: оно блистаетъ паче злата и сребра и камней драгихъ. Да и крайне постыдно было бы, еслибы стѣны, древо и камень были столь украшены предъ Господемъ, а мы были помрачены и безобразны. Сія красота увѣщаваетъ тебя, христіанинъ, да, тако украшенъ, представиши Господеви Твоему внутренній храмъ свой, да тако увеселяетъ оный очи Божіи, яко же сіе благолѣпіе увеселяетъ очи наши. Тогда будетъ прямо сей храмъ украшенъ, освященъ и прославленъ.

Ты же, Боже, пріими Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносящихъ. Вѣдаемъ, яко благихъ нашихъ не требуеши, но мы находимъ нужду въ Твоемъ благословеніи. Ниспосли оное на мѣсто сіе. Да увѣритъ оно насъ въ надеждѣ принятымъ быти намъ во храмъ Твой вѣчный нерукотворенный на небесѣхъ. Аминь.

Слово въ день преподобнаго Сергія *).

Что днесь болѣе должно услаждать и увеселять насъ? То ли, что добродѣтель празднуемаго нами праведника къ насыщенію нашему имѣетъ силу неистощимую? или что есть души, всегда ищущія сего насыщенія духовнаго? То ли, что добродѣтель изъ одного своего источника изливаетъ различныя струи, для всякаго вкуса усладительныя,—или что люди хотя различнаго состоянія, но всѣ согласно стремятся найти въ томъ удовольствіе свое? И то и другое для Церкви Божіей служитъ славою и украшеніемъ. Источникъ прославляется тогда, когда многіе стекаются почерпать изъ него; но и томимые жаждою остаются жалкими, когда нѣтъ источника, утоляющаго жажду ихъ. Ибо его благодать возбудила васъ притещи въ священное мѣсто сіе. Се, источникъ благодати неисчерпаемый: ваше благочестіе стремится насыщаться онымъ. Се, зерцало: вы зрящіе въ оное и усматривающіе, каково есть душевное ваше состояніе. Се, правило: вы по оному поспѣшающіе управлять дѣла свои. Се, путь: вы по оному шествующіе. Се, трапеза: вы на оной пирующіе. Се, покой: вы труждающіеся и обремененніи, успокоенія ищущіе. Се, драгоцѣнный камень: вы знающіе цѣну онаго и открывающіе его сіяніе. Какой прекрасный союзъ! коликое богатство вѣры! нѣтъ здѣсь нищеты и скудости. Все преисполнено изобилія духовнаго. Ибо мужи праведные хотя суть нищи тѣломъ, но богаты духомъ: суть они нищи духомъ, но потому самому Евангеліе и называетъ

*) Говорено въ Троцкой лаврѣ, 1780 г., іюля 5 дня.

ихъ блаженными (Мато., 5, 3). Сія нищета превосходнѣе всякаго богатства міра сего. А чтобы намъ узнать сіе сокровище праведныхъ и онымъ обогатить себя, разсмотримъ теперь, *что есть нищета духовная?*

Мы лучше можемъ уразумѣть нищету духовную, когда сравнимъ съ нищетою тѣлесною, въ чемъ она съ нею сходна, или несходна.

Нищъ тѣломъ почитается тотъ, который ничего или очень мало имѣетъ къ содержанію житейскому. Пища скудная, одежда недостаточная, пристанище для обогрѣнія и упокоенія нужное. Нищій духомъ можетъ быть въ таковомъ состояніи; однако, при сей нищетѣ остается онъ во всемъ изобиліи и богатствѣ. Ибо какъ недостатокъ во всемъ къ содержанію нужномъ не мѣшаетъ имѣть богатство нищеты духовныя, такъ и всякое изобиліе міра сего не препятствуетъ соблюсти нищету духа. Нищій духомъ и въ скудости доволенъ, и въ богатствѣ не пристрастенъ; ни то, ни другое не можетъ смутить его равнодушія. Имѣя все, онъ такъ управляетъ себя, какъ бы не имѣлъ ничего: ибо ничѣмъ не порабощенъ; и, не имѣя ничего, такъ расположенъ, какъ бы изобиловалъ всѣмъ: ибо, внутренно будучи спокоенъ и самимъ собою доволенъ, ни къ чему тлѣнному излишнимъ желаніемъ не простирается. А потому онъ и при скудости богатъ, и при богатствѣ нищъ духомъ.

Скудость его не безпокоитъ: ибо, имѣя нужную пищу и одѣяніе, симъ доволенъ; но и богатство не надымаетъ его: ибо никакой цѣны ему не назначаетъ, развѣ которое состоитъ въ добромъ его употребленіи. Онъ умѣетъ пользоваться и тѣмъ и другимъ. Скудость не только не препятствуетъ пріобрѣтать ему сокровище добродѣтели, но еще и помогаетъ: ибо имѣетъ духъ, удаленный отъ всѣхъ тѣхъ суетъ, коими богатство развлекать и смущать обыкло. Чѣмъ меньше наружность озабочена, тѣмъ болѣе внутренность спокойна, а потому удобнѣе подвигъ добродѣтели проходитъ безъ всякаго претыканія. Но и богатство земное не мѣшаетъ ему пріобрѣтать богатство небесное, ибо онъ знаетъ цѣну его: само по себѣ почитаетъ его за ничто, но умѣетъ придавать ему великую цѣну употребленіемъ, которое одно дѣлаетъ его не только не презрительнымъ, но и зѣло полезнымъ. Употребляетъ его не на роскошь, не на прихоти, не на удовольствіе своего гордаго мечтанія, но на благодѣтельство другимъ, на содержаніе себя и семьи своей въ пристойности, на сооруженіе храмовъ Божіихъ, училищъ, гостинницъ, больницъ, на снабдѣніе бѣдныхъ, на воспитаніе сиротъ.

Такое употребленіе богатства спасительно и не только не опорочиваетъ нищеты духовной, но еще болѣе умножаетъ ее. Ибо не для того собираетъ его, чтобы былъ пристрастенъ къ нему, но, расточая

его благоразумно безъ щадѣнія и скупости, тѣмъ болѣе являетъ безпристрастіе души своей; а потому, когда бы внезапно лишился всего богатства, тотчасъ докажетъ, сколько онъ нищъ духомъ. Не имѣющій нищеты духовной, еслибы внезапнымъ какимъ случаемъ изъ богатаго сдѣлался нищимъ, тотчасъ начнетъ смущаться, унывать, рыдать, отчаяваться: ибо духъ его весь былъ привязанъ къ сему тлѣнію. Но прямо нищему духомъ лишеніе всего того ни мало тягостнымъ не покажется: ибо изъ данныхъ отъ Господа даровъ онъ дѣлалъ доброе употребленіе и не терзается, чтобы въ ономъ былъ или нерадивъ, или не вѣренъ. А когда Давый ему благоволилъ взять оные, тѣмъ остается спокойнѣе: ибо тѣмъ меньше отягощенъ заботами; тѣмъ свободнѣе пойдетъ путемъ добродѣтельнаго подвига и скажетъ съ Іовомъ: „Господь даде, Господь и взятъ: яко же Господеви угодно бысть, тако и бысть“ (Іов., 1, 21).

При таковомъ, по мірскому мнѣнію, несчастливомъ положеніи, онъ тѣмъ блаженнѣе и любезнѣе, что изъ скудости умѣетъ снискать пріобрѣтѣнія не меньше, какъ и изъ самаго богатства. Какъ! да развѣ мы можемъ благодѣтельствовать одними тѣлесными благами?—никакъ. Духовныя благодѣянія еще важнѣе, нежели тѣлесныя. Нищій духомъ въ скудости тѣмъ удобнѣе сохранитъ воздержаніе, тѣмъ свободнѣе пріобрящетъ изъ закона Божія просвѣщеніе, тѣмъ усерднѣе будетъ упражняться въ молитвахъ и богомысліи, тѣмъ скорѣе сыщетъ даръ кротости, смиренія и человѣколюбія. Стяжавый же толикое богатство, мужъ одного ли себя будетъ пользовать онымъ?—никакъ. Его просвѣщеніе будетъ для другихъ руководствомъ, совѣтъ—наставленіемъ, жизнь святая для добрыхъ—утѣшеніемъ, для худыхъ—исправленіемъ. Сіи благодѣянія столько уважительнѣе, нежели снабдить другого тѣлесными дарами, сколько душа превосходнѣе тѣла. Сіе богатство отъ нищаго духомъ неотъемлемо: ни огнь, ни вода, ни злоба, ни страсть восхитить онаго не могутъ. А въ таковомъ безопасномъ положеніи и духовномъ изобиліи можетъ ли онъ почесться скуднымъ, когда и другихъ многихъ пользуетъ, благодѣтельствуетъ, одолжаетъ?

Іовъ для всякаго просвѣщеннаго покажется величественнѣе на гноищѣ, нежели въ богатствѣ. Былъ онъ богатъ, пировалъ всякій день съ семьею своею, по всему востоку производилъ великіе торги: что намъ изъ того пользы? Слышимъ, что такъ было; но ничего изъ того не пріобрѣтаемъ. Но когда видимъ его на гноищѣ, всего пораженнаго струпомъ, лишившагося внезапу и дѣтей и дома и имѣнія; а, притомъ, знаемъ, что онъ духа своего не ослабилъ, великодушно то снесъ, Промысла не опорочилъ,—сіе, о, сколь много пользуетъ насъ! подкрѣпляетъ наше малодушіе, заставляетъ приключающіяся злоключенія сносить

великодушно, во всемъ благодарить Промыслъ и повиноваться судьбамъ Его съ терпѣніемъ. Ибо какъ онъ былъ человѣкъ, то возлагаетъ и на насъ обязательство къ подражанію ему.

И потому весьма справедливо оное Апостольское слово о таковыхъ мужахъ: „яко нищи, а многихъ богатящe: яко ничтоже имуще, а вся содержаще“ (2 Кор., 6, 10). Нищи тѣломъ, а богаты духомъ, или, то же сказать, богаты нищетою духовною; скудны мірскимъ изобиліемъ, но богаты внутреннимъ сокровищемъ добродѣтели; гладны тѣломъ, но пищею слова Божія питающіе другихъ; обнажены плотію, но другихъ царскою одеждою благодати украшающіе. Не имѣющіе домовъ, но другихъ въ храмъ блаженства вводящіе; ничѣмъ не владѣющіе, но самихъ нечистыхъ духовъ устрашающіе: „яко, по Евангелію, и дуси имъ повинуются“ (Лук., 10, 20). Другимъ подчинены, но сѣдящихъ на престолахъ свободно изобличающіе. И потому Апостолъ не смѣлъ назвать ихъ прямо нищими, но—„яко нищими“: не „ничто же имущими“, но—„яко ничто же имущими“. Ибо, подлинно, какъ они нищи, когда многихъ обогащаютъ? Се есть, возлюбленніи, богатство нищеты духовныя.

Продолжили бы мы сію съ вами бесѣду, если бы захотѣли изыскивать многихъ примѣровъ тому. Но на что многіе? доволенъ сей предъ очами нашими предлежащій, яко ближайшій намъ и яко домашній, блаженный Сергій. Исторія жизни его есть исторія нищеты духовныя. Извѣстно всѣмъ, сколь онъ былъ богатъ богатствомъ міра сего. Се, скудные остатки его богатства при ногахъ блаженнаго его тѣла возлежатъ. Ничего они въ себѣ не имѣютъ, чтобы удивляло очи и поражало чувства; тѣмъ не меньше онъ былъ богатъ, понеже былъ нищъ духомъ. Коликихъ въ жизнь свою онъ обогатилъ ученіемъ, наставленіемъ, совѣтомъ, молитвами, чудотвореніемъ, примѣромъ благимъ! Воззрѣніе на одно его, смиреніемъ и честностію украшенное, лице уже во многихъ раждало нѣкоторое сокровенное исправленіе и утѣшеніе. Но и нынѣ богатство его не истощилось. Вы сами—свидѣтели: предстоя его гробу, ожидаете обогатиться молитвами его. Но посмотрите на превосходную силу нищеты духовной: она творитъ, что и сіи скудные остатки его нестяжанія кажутся намъ драгоцѣннѣе всего. Обходимъ мы злато, сребро, драгоцѣнныя каменія, а зрѣніемъ ихъ усладитися не можетъ; и, яко жена грѣшница, къ ризамъ Господа Іисуса, тако мы къ симъ ризамъ вѣрнаго Его раба прикоснутися желаемъ.

Увѣренъ я, что вы всѣ стеклись засвидѣтельствовать истину бесѣды сея; но мы тогда прямо утвердимъ оную и угодника прославимъ, когда самымъ дѣломъ докажемъ, что мы вышли изъ храма сего нищетою его обогащенные. Аминь.

Слово въ день Преображенія Господня *).

Божественнымъ свѣтомъ просіяло лице Христово, и дивною нѣкоею славою облеклось все его тѣло въ то самое время, когда Онъ молитвы Свои приносилъ Богу и Отцу, и не шедѣ гдѣ, какъ на горѣ, то-есть на мѣстѣ, которое возвышеніемъ своимъ приближалось къ небесамъ, и потому самому отъ народной молвы было удалено, какъ точно о семъ говоритъ Евангеліе: „взыде на гору помолитися“. „И бысть, егда моляшеся, видѣніе лица Его ино и одѣяніе Его бѣло блистаяся“. (Лук., 9, 28, 29).

Мы теперь обще всѣ также молитвы свои приносимъ Живущему на небесахъ, и предстоимъ въ томъ мѣстѣ, которое святостію своею подобно горнимъ селеніямъ, и хотя воздвижено на земли, но руководствуетъ насъ къ небесамъ.

Такъ можемъ ли и мы, яко члены преобразившейся днесь Главы нашея,—можемъ ли и мы смѣть надѣяться, да подобная нѣкая слава осіяетъ помраченный образъ души нашея, и чрезъ то быть участниками онаго великаго преображенія? Утверждаетъ насъ въ семъ надѣяніи божественный Павелъ, который говоритъ, что съ тѣмъ и призвалъ насъ Господь въ вѣру сію, „да сотворитъ сообразныхъ сыну быти образу Сына Своего“ (Римл., 8, 29). Только для сего надобно, что бы мы, подражая Господу своему, дѣйствіемъ молитвы достигали до сей славы, восходя на священную гору святаго храма Его. Чему да будетъ руководствомъ слѣдующее наше разсужденіе о томъ.

Молитва есть возвышеніе мысли нашей къ Богу; молитва есть бесѣда наша съ Богомъ; молитва есть мысленное куреніе, восходящее къ небесамъ въ воню благоуханія духовнаго. Молитва есть изліяніе сердецъ нашихъ предъ Господемъ; молитва есть жертва души нашея, возносимая въ пренебесный жертвенникъ; молитва есть посредство, соединяющее человѣка съ Богомъ и Бога съ человѣкомъ. Молитва есть ходатаица спасительныхъ для насъ благъ; молитва есть разрѣшеніе грѣховъ, прогнаніе нечистыхъ духовъ, утоленіе печали, утѣшеніе въ напастяхъ, подкрѣпленіе малодушія, радость совѣсти.

Когда Богъ во гнѣвѣ Своемъ поражалъ Израиля, Моисей простеръ къ небу молитвенныя руки, и преста сѣчь. Даніилъ, ввержденный въ ровъ, молитвою заградилъ уста львовъ. Во чревѣ китовѣ молился Іона, и изъ сея глубины услышанъ былъ молитвенный вопль его. Ниневитяне молитвою, соединенною съ постомъ, удалили отъ себя дѣй-

*) Говорено въ Ново-Спасскомъ монастырѣ, 1780 года, августа 6 дня.

ствіе грозныя, надъ главами уже ихъ висящей, судьбы. Молитвою три отрока погасили, до небесъ возженный, пламень и въ немъ, яко во цвѣтницѣ, составили ликъ пѣнія и хвалъ Богу отецъ своихъ. Илія молитвою, яко нѣкоторымъ ключемъ чудотворнымъ, отверзалъ и заключалъ небо. Корнилій, бывъ въ молитвѣ, удостоился сего возвѣщенія отъ Ангела: „Корниліе, молитвы твои взыдоша на память передъ Богомъ“,—и симъ путемъ взошелъ онъ во врата вѣры. Петръ въ моленіи удостоился видѣнія, чтобы знаменіемъ плащаницы, съ небесъ сшедшей и всякаго рода гады въ себѣ содержащей, ничего сквернымъ не почитать. Павелъ, узами и заклепами связанный, нощною молитвою все то разрѣшилъ и силою ея поколебалъ самое основаніе темницы. Всѣ Апостолы, съ ними же и Преблагословенная Дѣва, удостоились принять Духа Святаго въ видѣ огненныхъ языкъ, не въ иное время, развѣ когда пребывали всѣ вкупѣ въ единодушіи и молитвѣ.

Когда таково дѣйствіе молитвы, такова сила, таково могущество: то удивительно ли, если она преображаетъ человѣка?

Молитва преображаетъ грѣшника въ праведника, когда онъ, помысливъ, коликая есть тягость его грѣховъ и коликое, притомъ, богатство благоутробія Божія,—воздохнетъ отъ глубины сердечныя и воззоветъ къ Богу съ Давидомъ: „Яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну“ (Псал., 50, 5). Пріемлетъ онъ тогда разрѣшеніе, по увѣренію того же Пророка: „азъ рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего“ (Псал., 31, 5). Сіе преображеніе испыталъ на себѣ мытарь, который, пришелъ во храмъ помолиться и предъ праведнымъ Судіею самъ на себя изрекши осужденіе, изыде оправданъ въ домъ свой.

Преображаетъ молитва невѣрующаго въ правовѣрнаго, и изъ сына тьмы творитъ сыномъ свѣта. Отъ чего иного происходитъ мракъ невѣрія, какъ не отъ того, когда человѣкъ погрузилъ себя въ пороки и, отъ нихъ душею разслабнувъ, не помышляетъ ни о благости, ни о правосудіи Божіемъ; и потому находится въ состояніи, свойственномъ животнымъ безсловеснымъ? Но когда придетъ въ чувствіе своихъ слабостей и, признавъ всемогущую Его руку, призоветъ Вышняго всею вѣрою души своей, получаетъ въ мысли новый свѣтъ, узнаетъ милостивыя опредѣленія Божіи о спасеніи грѣшниковъ и черезъ то пріемлетъ печать дара Духа Святаго, и право быть въ числѣ избранныхъ святыхъ. И для того проповѣдь и Христова и Апостольская требовала покаянія отъ желающихъ обратиться къ вѣрѣ истинной. „Покайтеся и вѣруйте во Евангеліе“ (Марк., 1, 15). Всѣ грѣшники, кои удостоились быть оправданными, дверію покаянія взошли во храмъ вѣры; а къ ней руководствуетъ спасительная сила молитвы, по

оному изреченію слова Божія: „всякъ, призвавый имя Господне, спасется“ (Римл., 10. 13).

Молитва преображаетъ раба въ свободнаго. Рабъ есть, который творитъ не то, что хощетъ просвѣщенная воля, но то, къ чему влечетъ похотѣніе страсти; и свободный—не тотъ, который дѣлаетъ, что хочетъ: ибо сіе есть своевольство, а не истинная свободность, но который самъ себя связываетъ священными узами закона Божія и честной совѣсти. Изъ сего рабства мы восходимъ къ сей свободности по лѣствицѣ богомыслія и молитвы. И для того Давидъ, почувствовавъ сіе несносное иго рабства, призывалъ Бога и, нашедъ себя облегченнымъ призываніемъ имени Его, въ восторгѣ радостномъ возопилъ: „О, Господи! азъ рабъ Твой, азъ рабъ Твой: растерзалъ еси узы моя“ (Псал., 115, 7). И мы можемъ сказать, что онъ праздновалъ тогда славный праздникъ преображенія своего: ибо тотъ день былъ для него днемъ обновленія и принятія новаго образа свободника Господня.

Молитва преображаетъ человѣка плотскаго и творитъ его мужемъ духовнымъ: ибо плоть пригвождена къ чувствамъ и землѣ, симъ однимъ управляетъ себя, симъ однимъ питается; къ небесамъ ока своего возводить не знаетъ, а что есть угодно чувствамъ, къ тому токмо прилѣпляется. Духъ восходитъ горѣ и мудрствуетъ небесная; не инымъ же образомъ пріуготовляетъ сіе возшествіе, какъ помощію молитвы. Она придаетъ ему крылѣ, и, когда оными возлетитъ въ горнія селенія и вперитъ очи въ сладчайшее зрѣлище величества Божія, тогда онъ бываетъ внѣ себя и, съ восхищеннымъ на третіе небо Апостоломъ, можетъ сказать: „аще въ тѣлѣ, аще внѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть“ (2 Кор., 12, 2).

Молитва преображаетъ человѣка печальнаго и скорбящаго, и творитъ его весслымъ и радостнымъ. Упражненный въ молитвѣ съ Богомъ, человѣкъ, отъ чего бы печаль ни случилась, находитъ средства къ разогнанію ея. Отъ грѣха ли? — но онъ бесѣдуетъ съ Имѣющимъ власть оставлять грѣхи, истребляющимъ беззаконіе и отъемлющимъ нечестіе. Отъ гоненія ли другихъ? — но онъ предстоитъ предъ лицемъ Всемощнаго Покровителя, Его же рука сильна истребить всѣ козни лукаваго. Отъ скудости ли? — но онъ пребываетъ при Источникѣ всякаго богатства, Ему же отверзающу руку, всяческая исполняются благости. Отъ клеветы ли? — но онъ соприсутствуетъ Тому, Который потребляетъ всякаго, глаголющаго лжу. Почему и находится онъ въ пристанищѣ тихомъ, отъ всякаго обуреванія удаленномъ, и, въ сладости сей утопая, не можетъ чувствовать никакихъ горестей міра сего.

Сему свидѣтель—Давидъ, который, самъ на себѣ испытавъ сіе, радостно вопіетъ: „Внегда скорбѣти ми, ко Господу воззвахъ, и услыша

мя отъ горы святыя Своея“ (Псал., 119, 1); „покры мя въ тайнѣ селенія Своего“ (Псал., 26, 5). О, сколько было и есть людей, которые на мѣстѣ семъ, дѣйствіемъ молитвы, получили утѣшеніе и возвратились въ домъ свой, возвѣщая радость спасенія!

Разсуждая таковое дѣйствіе нелицемѣрной и отъ чиста сердца происходящей молитвы, да не пренебрегаемъ средствомъ симъ искать соединенія съ Богомъ, и тѣмъ начать преображаться въ жизни сей, дабы совершенно преобразиться въ жизни будущей, егда тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и мертвенное сіе облечется въ безсмертіе. Аминь.

Слово въ день Нерукотвореннаго образа *).

Коликою радостію восхищенъ былъ Авгарь, Едесскій владѣлецъ, когда удостоился узрѣть сладчайшее лице сшедшаго съ небесъ Спасителя,—лице на убрусѣ токмо изображенное! Мню я, что онъ тогда не устами токмо, но и сердцемъ облобызалъ Его, не могъ насытиться зрѣніемъ Его, не зналъ изобрѣсти достойнаго мѣста, гдѣ бы сокрыть сіе безцѣнное сокровище; почиталъ, взирая на оное, яко видитъ Самого чуднаго онаго Врача.

Да и, подлинно, была причина радоваться. Савская царица изъ далекихъ странъ пришла видѣть Соломона и подивиться премудрости его. Но, се, по свидѣтельству Евангелія, „болѣе Соломона здѣ“ (Матѳ., 12, 42). Да и Самъ Іисусъ Христосъ утверждаетъ тоже: „Блажени очи ваши, яко видите: мнози царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша“ (Лук., 10, 23—24). Посему счастливому Авгарю была причина радоваться, увидѣвъ хотя, на убрусѣ начертанное, Господне изображеніе.

Не должны ли и мы почитать себя блаженными, что всегда удостоиваемся взирать на пречистый образъ Спасителя нашего? Не должны ли съ вѣрою лобызать Его и наслаждаться зрѣніемъ Его не иначе, какъ бы Онъ Самъ всегда невидимо предстоялъ намъ?

Но почто при семъ быть безплодной вѣрѣ нашей? Почто намъ не быть увѣренными, что Самъ Богъ всегда и вездѣ присутствуетъ съ нами? Почто не имѣть дерзновенія восклицать съ Давидомъ: „Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да неподвижуся“ (Псал., 15, 8). О, сколь утѣшительно и спасительно таковое размышленіе, когда мы не выпускаемъ изъ мысли, что *Богъ при насъ вездѣ есть, и взираетъ на всякое наше дѣло и на самыя внутреннія мысли*! Изъ сего мы и составимъ настоящую бесѣду нашу.

---

*) Сказано въ Андроньевѣ монастырѣ, 1780 года, августа 16 дня.

Что Богъ есть вездѣ, въ томъ ни вѣра, ни самое разсужденіе сумнѣваться не дозволяютъ: ибо Онъ какъ есть существо безконечное, то никакимъ мѣстомъ объятъ быть не можетъ. Да и всѣ движенія и дѣйствія тварей должны бы придти въ ужасное смѣшеніе, еслибы не были управляемы вездѣсущимъ устроеніемъ Промысла Его. Положивъ сіе за несумнительное, приложимъ оное къ самимъ себѣ и посмотримъ, какимъ оно есть для насъ источникомъ утѣшенія и предохраненія.

Когда человѣкъ представляетъ, что Богъ есть вездѣ, онъ не можетъ представить Его себѣ существомъ, которое взирало бы на него безъ всякаго дѣйствія. Таковое понятіе о Божествѣ невмѣстительно. Но представляетъ Его таковымъ, Который далъ ему законъ къ управленію жизни; да и смотритъ, точно ли онъ поступаетъ по даннымъ отъ Него правиламъ. Таковое размышленіе о Богѣ заставляетъ тебя, христіанинъ, всякій часъ испытывать себя, сходны ли твои поступки съ правилами Того, Который вездѣ невидимо взираетъ на тебя? Законъ Его и дѣло твое соединены ли тѣмъ союзомъ святости, которому быть должно по уставу Его? Да и возможно ли, чтобы сей союзъ могъ разстроиться, когда предъ очами своими ты имѣешь Самого Законодателя? Ты не можешь нарушить онаго, развѣ когда забвеніемъ Онъ изглаженъ изъ памяти твоей, когда, о Немъ не помышляя, высокомудрствуешь, что будто ты—тварь, закону неподлежащая, а могущая поступать по своему произволенію, не разсуждая, съ чѣмъ оно должно сходно быть.

Когда человѣкъ представляетъ, что Богъ есть вездѣ, не можетъ представлять Его себѣ таковымъ, что Онъ только далъ законъ къ сохраненію; а исполнялъ ли бы кто его, или пренебрегалъ, Онъ въ то не входилъ бы и исполнителей онаго или нарушителей почиталъ бы за одно. Никакъ! таковое понятіе о Божествѣ есть невмѣстно: Богъ есть испытуяй сердца и утробы. Вѣчная правда все располагаетъ числомъ, вѣсомъ и мѣрою. Всѣ дѣйствія человѣческія подходятъ подъ сіе исчисленіе, всѣ вывѣшиваются и вымѣриваются; а потому опредѣляется всякому свое. Съ добрымъ дѣломъ сопряжена награда, а съ худымъ наказаніе; и сіе столь ненарушимо, сколь ненарушима вѣчная Божеская правда.

Когда ты, христіанинъ, воображаешь, что при тебѣ всегда предстоитъ таковый Судія, можешь ли быть не ободренъ къ дѣланію добра, и не вострепещешь ли, приступая ко злу? Когда ты хранишь добродѣтель, въ тотъ часъ вопіетъ тебѣ Пророкъ: „Се Господь грядетъ, и мзда Его съ Нимъ“ (Ис., 40, 10). Когда же простираешь свою несчастливую руку на зло, паки Пророкъ въ уши твои гремитъ: „Яко вѣсть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ“ (Псал., 1, 6). „Яко уготова на судъ престолъ Свой“ (Псал., 9, 8).

Мы обязаны исполнять человѣческіе законы, съ каковымъ исполненіемъ или нарушеніемъ соединены также награда или наказаніе; однако, понеже лживы сынове человѣчестіи, случается, что и заслуга остается безъ воздаянія, и преступленія прехищряютъ строгость закона. Но не такъ—у Бога! Ему извѣстны какъ исправленія всѣхъ, такъ и всякія прегрѣшенія. Нѣтъ возможности удержать Его руку, простертую къ благодѣтельству; также нѣтъ возможности уклонить Его руку, напряженную къ наказанію. А потому и стремящемуся къ добродѣтели придается охота и сильное побужденіе; и склонному ко злу полагается счастливое претыканіе.

Возвеселись, добродѣтельный мужъ! Се, предъ тобою предстоитъ и Законодатель, и законъ, и награда: Законодатель милостивый, законъ праведнѣйшій, награда безчисленная. Устрашись и ты, къ грѣху пристрастная душа! ты смѣешь преступать законъ предъ очами Самого Законодателя. Ты обижаешь другого въ самомъ присутствіи строгаго Мстителя беззаконій. Ты оскверняешь ложе свое или другаго, а не помышляешь, что въ самую ту минуту созерцаетъ сіе Святый и Праведный, Его же очи свѣтлѣе сіянія солнечнаго.

Творя худое и постыдное, ты ищешь темныхъ и мрачныхъ мѣстъ, ищешь скрыться отъ очесъ человѣческихъ. Но почто столь ослѣпленъ и не чувственъ, что болѣе уважаешь очи человѣческія, нежели очи Божіи? мнишь ли, чтобы не видѣлъ того Проницаяй бездны? Создавый око не смотряетъ ли? О, если бы всякъ человѣкъ въ самый тотъ часъ, когда предпринимаетъ дѣлать что худое, въ самый тотъ часъ воображалъ, что зрителемъ и свидѣтелемъ сего постыднаго дѣла долженъ быть Самъ Богъ! Едва ли бы въ тотъ же самый часъ не отвергъ отъ себя всѣ орудія беззаконія. И для того святые отцы основательно пишутъ, что человѣкъ не могъ бы согрѣшить, еслибы всегда живо воображалъ, что при немъ находится Богъ, праведнѣйшій Мститель зла.

Когда человѣкъ представляетъ себѣ, что Богъ есть вездѣ, не можетъ представлять Его себѣ таковымъ, что Онъ на бѣдствія избранныхъ рабовъ Своихъ взираетъ просто, оставляя ихъ произволу слѣпой судьбы, безъ всякой съ Своей стороны помощи и вниманія. Никакъ! важно есть оное, Пророкомъ сказанное, слово: „Касаяйся праведника, яко касаяйся зѣницы ока Моего“ (Захар., 2, 8), то-есть, оскорбляющій праведнаго почитается не иначе, какъ бы онъ исторгалъ око Самого Бога. Когда есть таковое благоволеніе Его о добродѣтельномъ мужѣ, каковое есть утѣшеніе для тебя, гонимый за правду человѣкъ! Оскорбляетъ тебя и гонитъ тлѣнная тварь, ползающій по землѣ червь, и ты страшишься и жалуешься? Но воззри: се, Господь—одесную тебя, да непоколеблешися: Защитникъ всемощный и Покровитель державнѣйшій. Чья свирѣ-

ность будетъ столь велика, чтобы отъ сей всемогущей руки не растерзалась, яко паучина? Востренещутъ вси сильнїи земли, егда возгорится ярость Его.

Но почто же, де, таковый Всемогущій попускаетъ избраннымъ Своимъ и страдать? Почто?—вопрошаешь. Вопрошалъ его такъ Іовъ, но въ отвѣтъ получилъ, что вѣрный рабъ долженъ повиноваться волѣ господина своего, а не изыскивать причинъ, для чего онъ дѣлаетъ что. Почто, вопрошаешь, попускаетъ? Сей вопросъ сходенъ съ тѣмъ, какъ бы кто вопросилъ, для чего полководецъ посылаетъ храбраго воина на брань? Всякъ и немного разсудительный будетъ отвѣчать: кого же посылать, когда не храбраго, и гдѣ же есть лучшій случай мужеству его быть открыту, какъ не при побѣжденіи непріятелей? Такъ и Богъ, когда попускаетъ праведнымъ страдать,—ихъ, яко храбрыхъ воиновъ, посылаетъ аки на брань, дабы, чрезъ побѣжденіе противностей и страстей, тѣмъ болѣе открыть ихъ мужество и прославить. Впрочемъ, твердо есть оное Петрово слово: „Вѣсть Господь благочестивыя отъ напасти избавляти, неправедники же на день судный мучимы блюсти“ (2 Петр., 2, 9).

Когда есть таковое утѣшеніе и наставленіе отъ увѣренія, что Богъ есть при насъ вездѣ, сію святую мысль да сохраняемъ всегда въ себѣ. Я мню, что изображеніе Господне по плоти узаконено поставлять и въ церквахъ, и въ домахъ, и на распутіяхъ для того, дабы мы, если бы мысль вездѣприсутствія Божія ослабла въ воображеніи, хотя бы, взирая на сіе изображеніе, памятовали, что Богъ при насъ всегда и вездѣ есть. Аминь.

Слово въ день Донскія иконы Пресвятыя Богородицы *).

Если разсуждать празднованія наши, что множество христіанъ съ охотою стекается во храмъ Господнемъ, и что, видя носимыя священныя знаменія вѣры нашей, восхищаются радостнымъ восторгомъ и знатные и незнатные, и старцы и младенцы, и мужи и жены,—сіе дѣлаетъ честь Церкви Христовой и открываетъ наше благочестіе. Но когда нѣкоторые желаютъ и ожидаютъ сихъ самыхъ праздниковъ не иначе,—какъ только случаевъ къ невоздержанію, къ удаленнымъ отъ благопристойности пиршествамъ, къ безчестнымъ играмъ, къ увеселенію токмо глазъ зрѣніемъ различнаго чина и состоянія людей: тогда празднованія таковыя теряютъ свою цѣну и не могутъ уже болѣе почитаться праздниками церковными и духовными, но мірскими и плотскими.

*) Сказано въ Донскомъ монастырѣ, 1780 г., августа 19 дня.

Тогда таковые бываютъ не Маріи, избравшія благую часть въ поученіи закона Божія, но Мароы, заботящіяся о единомъ угожденіи чреву и чувствамъ.

„Но когда же, де, намъ имѣть нѣкоторую тѣлесную отраду и отдохновеніе, какъ не въ таковые, свободные отъ трудовъ, дни, при случаѣ стекшагося народа?“ Сіе по справедливости отрещи не возможно; но надлежитъ, чтобы и самая наша тѣлесная отрада была подкрѣпленіемъ немощи нашей, а не случаемъ къ опорочиванію нравовъ нашихъ, чтобы и въ самыхъ мірскихъ увеселеніяхъ видима была наша честность, благоразуміе, и—что Богъ не изгнанъ изъ памяти нашей. Но можно ли соединить сіе вкупѣ? Сего точно и требуетъ отъ насъ Апостолъ:—„аще,—говоритъ, ясте, аще ли піете, аще ино что творите, вся въ славу Божію творите“ (1 Кор., 10, 31). А дабы мы остались болѣе увѣренными въ семъ, предложимъ теперь особливое о томъ разсужденіе.

Мы, подлинно, не—духъ, плоти и кости непмущій: мы обложены тѣломъ и всѣми, сопряженными съ нимъ, немощами. Утружденная плоть требуетъ подкрѣпленія, изнемогшее тѣло ищетъ уврачеванія; утомленный трудами и заботами, духъ требуетъ ободренія и разогнанія нѣкоторыхъ скучныхъ мыслей. Но все сіе должно быть утверждаемо на благоразуміи и на истинѣ закона: иначе тотчасъ можетъ выйти превращеніе въ худшее, такъ какъ, если бы мы начали врачевать и болѣзни тѣлесныя лекарствами, какія бы ни случились,—можемъ болѣе повредить здравіе, а не уврачевать болѣзнь.

Положимъ, что праздничные дни суть удобнѣйшіе случаи къ нѣкоторой тѣлесной отрадѣ; но, дабы не погрѣшить, надобно, присемъ, наблюдать слѣдующія правила.

Первое, праздники установлены прямо къ прославленію благодѣяній Божіихъ. Отъ насъ прежде всего требуется, чтобы въ сіи дни благоговѣніемъ нашимъ доказали, что мы помнимъ оныя, что признаемъ ихъ съ чувствительнѣйшею благодарностію, и что съ душевною вѣрою притекаемъ къ тому же Источнику всѣхъ благъ. Почему и обязуемся прежде всего прибѣгнуть въ священный Его храмъ, со вниманіемъ послушать наставленія изъ святаго закона Его, при возношеніи безкровной жертвы представить самихъ себя въ жертву живу и истинну, и теплыми молитвами испрашивать, да удостоитъ Вышній и насъ таковыхъ же благодѣяній, каковыя Онъ благоволилъ излить на предковъ нашихъ.

Сей, напримѣръ, день уставленъ быть празднованъ для того, что, покровительствомъ Божіимъ и ходатайствомъ благословенной Дѣвы, избавленъ градъ сей отъ нахожденія непріятельскаго. Многія тысящи людей предохранены отъ напрасной смерти, и святые храмы остались

неопороченными нечистотою невѣрныхъ. Можетъ ли, или должно ли когда быть предано забвенію отъ насъ сіе великое благодѣяніе? И можемъ ли мы быть столько неблагодарны предъ своими предками, которые, положась на вѣру нашу, уставили сіе празднованіе въ вѣчные роды? Не посрамимъ ли мы ихъ довѣренность къ намъ и не опорочимъ ли святость дня сего, если посвятимъ оный токмо на однѣ тѣлесныя забавы, и принесемъ его какъ бы въ жертву единому чреву? да не будетъ! Въ сей день, какъ токмо осіяетъ насъ сіяніе солнечное, мы тотчасъ должны вспомнить, для чего сіе празднованіе уставлено, и, спѣшною ногою притекши въ храмъ Господень, не своимъ токмо именемъ и семьи своей, но именемъ и предковъ нашихъ, кои чувствовали сіе благодѣяніе, принести благодарственное приношеніе верховному Благодѣтелю, призывая Его всею вѣрою, да и впредь благоволитъ покровительствовать граду сему и насъ отъ всякія напасти невредимы сохранитъ. Сей есть прямой конецъ церковныхъ праздниковъ. Сего, вопервыхъ, требуетъ отъ насъ долгъ нашъ; таковымъ дѣйствіемъ освящается день сей, симъ предохраняется честь Церкви Христовой, симъ мы можемъ доказать благочестіе свое и добродѣтель свою.

Когда же исполнимъ сей долгъ въ разсужденіи нашей души и христіанства,—можемъ тогда, безъ предосужденія, дозволить себѣ и тѣлесныя отрады; но съ тѣмъ.

Второе, чтобы помнить Апостольское увѣщаніе. Сказавъ, что „ближайшее намъ днесь спасеніе“ (а сіе мы можемъ сказать и о всякомъ праздничномъ днѣ),—онъ тотчасъ прибавляетъ: „отложимъ убо дѣла темная и облечемся во оружіе свѣта, яко во дни, благообразно ходяще, не козлогласованіи и піянствы, не студодѣяніи и блудодѣяніи, не рвеніемъ и завистію“ (Римл., 13, 11—13). Ибо таковыя безчинія опорочиваютъ день праздничный и умножаютъ вину болѣе, нежели какъ бы то же учинено было въ день будничный. Украденная вещь изъ храма почитается не простымъ воровствомъ, но святотатствомъ: такъ и въ праздничный день содѣянное преступленіе умножается по той мѣрѣ, что не токмо нарушается законъ, но и святость дня опорочивается.

Когда въ праздничный день угостишь сродниковъ своихъ и пріятелей, когда при бесѣдѣ сохранена будетъ умѣренность и благопристойность, и пиръ будетъ растворенъ полезными разговорами,—симъ болѣе укрѣпится любезный союзъ родства и нелицемѣрной дружбы. Какъ сіе не опорочиваетъ дня праздничнаго, такъ и тѣлесная отрада не предосудительна: поелику и самая душа чрезъ сіе въ пользу свою получаетъ нѣкоторое подкрѣпленіе. Да и, поистинѣ, не можно желать лучшаго удовольствія, какъ быть въ сообществѣ или сродныхъ или пріятелей, наслаждаться взаимнымъ ихъ зрѣніемъ, пользоваться благо-

разумными разговорами, оберегая во всемъ стыдливость и честность. Въ такомъ случаѣ будемъ подобны не токмо Маѳѣ, пекущейся объ учрежденіи трапезы, но и Маріи, насыщающей себя пищею слова Божія.

Какое же, напротивъ, можетъ быть удовольствіе отъ невоздержанія, отъ потерянной умѣренности и благопристойности? Кромѣ того, что симъ истощавается часть имѣнія, которая могла бы быть обращена на что-либо полезнѣйшее, мысль приводится въ разстройство, и приключаются различныя болѣзни,—кромѣ сего, отсюда рождаются несогласія, споры, раздоры, драки; а изъ того, многими лѣтами хранимая, дружба разрушается въ одинъ часъ, входитъ мщеніе и злоба не между двумя токмо ссорящимися, но иногда и между цѣлыми ихъ семьями. Можетъ ли сіе служить честію праздничному дню?

Но ты, истинный празднолюбецъ и хранитель добродѣтели, сравнивая умѣренность свою съ неблагочиніемъ другихъ, не долженъ ли возрадоваться, находя въ себѣ спокойствіе духа? Чѣмъ болѣе другіе страждутъ отъ своей неумѣренности, тѣмъ болѣе ты наслаждаешься плодами своего воздержанія. Не попрекаетъ тебя совѣсть, чтобы ты чѣмъ-либо опорочилъ святость дня; но, чувствуя чистѣйшее удовольствіе, поешь съ нынѣ Празднуемою: „Величитъ душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ“ (Лук., 1, 46—47). Но не оставь, притомъ, взять попеченіе и о ближнемъ твоемъ: удержи руку, подъемлющуюся на беззаконіе. Представь ему святость дня: представь сановитость, какую пристойно всегда наблюдать христіанину; представь тѣ вредныя слѣдствія, въ какія онъ добровольно ввергаетъ себя, и тѣмъ потщись пріобрѣсти брата твоего.

Если мы всегда, особливо же во дни праздничные, будемъ поступать таковымъ образомъ, то соединимъ удовольствіе духа съ отрадою тѣлесною: докажемъ, что мы, заботясь о тѣлесномъ услуженіи, не забываемъ и душевнаго благоустройства; а тѣмъ угодимъ Богу, желающему спасенія нашей душѣ и для тѣлеснаго насыщенія вся изобильно подающему, и прославимъ блаженную Дѣву, о душевномъ и тѣлесномъ благосостояніи нашемъ ходатайствующую. Аминь.

Слово на день Рождества Пресвятыя Богородицы *).

Рожденіе почитаемъ мы началомъ жизни, а смерть пресѣченіемъ оной. Но Евангельское ученіе почитаетъ смерть началомъ жизни, какъ-то и поетъ Церковь о нынѣ празднуемой, что Она преставилася къ животу.

*) Сказано въ Саввинѣ монастырѣ, 1780 года.

Ибо какъ Начальникъ жизни истребилъ смерть, то всѣ, въ Него вѣрующіе, не умираютъ, но переселяются отъ жизни сей временной къ жизни вѣчной, по оному блаженному Евангельскому увѣренію: „Аминь, аминь глаголю вамъ, яко слушаяй словесе Моего, и вѣруяй пославшему Мя, на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ“ (Іоанн., 5, 24). О, Божій Промыслъ! о, счастіе человѣка! Раждается ли—онъ? происходитъ на зрѣлище Божіихъ совершенствъ и становится одушевленнымъ органомъ, воспѣвающимъ благодѣянія Божіи. Умираетъ ли онъ?—только что раздирается тлѣнная риза его, но облекается въ новую безсмертную и пріемлетъ покой по трудахъ своихъ и воздаяніе за заслуги свои. Почему какъ рожденіе наше должно быть совершаемо съ торжественнымъ благодареніемъ Творцу всяческихъ: такъ и смерть заслуживаетъ быть почитаема не плачемъ, но веселіемъ; и готовиться къ ней должно не иначе, какъ мы готовились бы взойти въ брачный чертогъ.

Знаю, что для сего надобна великая вѣра; но я говорю къ тѣмъ, „кои“, по Апостолу, „вкусили глаголы грядущаго вѣка“ (Евр., 6, 5), то-есть, которые чувствительно утѣшаются будущею благою надеждою. Которые же сумнятся о томъ,—тѣ и вѣру свою порочатъ, и истинѣ христіанства дѣлаютъ нареканіе, и сами себя лишаютъ сладчайшаго въ жизни удовольствія. Да и нельзя, кажется, усумнѣваться: ибо почто же бы и праздновать нынѣшній день? Если бы человѣкъ раждался только съ тѣмъ, чтобы, напослѣдокъ, согнить, и въ ничто обратиться,—то и смерть была бы страшна, и рожденіе несчастливо. Но, совершаемое обще всѣми вами, сіе торжество обще дастъ мнѣ благое удостовѣреніе о вѣрѣ всѣхъ васъ. А дабы болѣе въ семъ утвердиться, или паче, чтобы никакія искушенія не могли колебать насъ въ вѣрѣ сей, разсмотримъ, какое Божеское намѣреніе было при созданіи человѣка.

Подлинно, яко же отстоитъ небо отъ земли, такъ отстоятъ помышленія Божіи отъ мыслей нашихъ. Почему и дерзновенно должно бы показаться, чтобы слабому смертному испытывать самое намѣреніе, съ каковымъ Вышній Творецъ производитъ что либо. Но хваляйся о Господѣ да хвалится. Мы въ сіе вступаемъ не столько въ надѣяніи на свои силы, сколько на снисхожденіе Творца, Который Самъ же намъ нѣсколько открылъ намѣреніе Свое, да и дѣлами Своими руководствуетъ насъ къ уразумѣнію того же.

Итакъ, дерзнемъ вопросить самихъ себя: для чего Творецъ создалъ міръ и видимыя и невидимыя въ немъ твари? Извѣстно, что Онъ не могъ имѣть нужды въ нихъ. Мы не можемъ понять Бога, развѣ таковымъ Существомъ, Которое во всемъ пресовершенно до безконечности, и ни въ чемъ недостатка не имѣетъ и имѣть не можетъ. Ибо если бы положить, что Онъ кромѣ себя имѣетъ нужду въ чемъ-нибудь, то тѣмъ

самымъ заключимъ, что Онъ зависитъ отъ другаго чего, и то и другое должно бы быть не меньше сильно и важно, какъ и Самъ Онъ. А сіе заставило бы или признать Бога несовершеннымъ, что было бы то же, какъ бы не признать Бога, или ввело бы многобожіе, что паки есть то же, что и безбожіе, какъ Апостолъ и говоритъ объ язычникахъ, что они „безбожни въ мірѣ“, хотя и премножество боговъ признавали (Ефес., 2, 12). Ибо признавать многихъ боговъ, въ коихъ ни въ одномъ не заключаются всѣ совершенства, есть то же, какъ бы не признавать ни одного Бога.

Когда же истинный Богъ заключаетъ въ Себѣ всѣ возможныя совершенства, и ни въ чемъ недостатка, ни нужды имѣть не можетъ, то какой же былъ бы резонъ, возбудившій Его къ созданію міра? Представьте себѣ безмѣрное море, которое, не удержавшись въ своихъ берегахъ, начало бы проливаться чрезъ оные: подобно сему, нѣкоторымъ образомъ, безмѣрная бездна Божіихъ совершенствъ, какъ бы, не удержавшись въ своихъ предѣлахъ, благоволила излиться внѣ самой себя. Сіе изліяніе есть не что иное, какъ нѣкоторое сообщеніе совершенствъ существа Божія и другимъ существамъ. Оно излилось: изъ сего изліянія произошли небеса, свѣтила, земля, деревья, животныя и другія твари неисчислимыя.

Въ сихъ, чрезъ изліяніе Божіе происшедшихъ, тваряхъ открылись намъ Его совершенства, которыя прежде были сокровенны въ Немъ одномъ. Сіи твари стали зерцаломъ, въ коемъ мы начали усматривать благость Его, правосудіе, премудрость, всемогущество и прочее. Но сего не довольно: тѣ же совершенства, хотя ограниченнымъ образомъ, мы еще вдругъ ощутили и въ самихъ себѣ и въ другихъ тваряхъ. Мы нашли и въ самихъ себѣ и въ другихъ созданіяхъ и слѣды и дѣла, доказывающія благоразуміе, просвѣщеніе, стройность порядка, склонность къ сожалѣнію, къ любви, къ правосудію.

Итакъ, образомъ внезапнымъ, и котораго мы сами никакъ ни предвидѣть, ни узнать не могли, стали участниками Его совершенствъ,— вдругъ въ насъ возсіялъ образъ Его и подобіе, вдругъ мы учинились проповѣдниками премудрости Его. Творецъ, съ высоты святыя Своея воззрѣвъ, почувствовалъ, коли можно такъ сказать, сладчайшее въ Себѣ удовольствіе, что отъ сіянія Его лучей открылось нѣкоторое подобіе Его, и что увидѣлъ со славою исполненное Свое великое намѣреніе, которое, какъ видите, состояло не въ иномъ чемъ, какъ въ томъ, чтобы сообщить Свои совершенства и другимъ и тѣмъ учинить ихъ счастливыми, сколько по своей ограниченности вмѣстить могутъ, такъ какъ Онъ есть блаженъ безконечнымъ образомъ. Вотъ — Божеское намѣреніе въ произведеніи міра и человѣка, сколько оное человѣкъ понять можетъ.

Теперь остается намъ рѣшить другое затрудненіе, которымъ прежнее наше разсужденіе, нѣкоторымъ образомъ, приводится въ сомнѣніе. Оставимъ о другихъ тваряхъ, скажемъ о человѣкѣ. Онъ смертенъ: слабости всегда приводятъ его въ изнеможеніе, труды и бѣдствія крушатъ, а, наконецъ, смерть разрушаетъ весь составъ и повергаетъ во гробъ къ согнитію. Сей страхъ послѣдняго своего разрушенія, къ умноженію несчастія, чрезъ всю жизнь человѣкъ понимаетъ, и чрезъ всю жизнь тѣмъ смущается. Какъ же согласить сіе съ тѣмъ, что Божеское намѣреніе въ произведеніи человѣка было—сообщить ему Свои совершенства, и тѣмъ сдѣлать его участнымъ блаженства Своего?

Остановись, земнородный, и не дерзай роптать на Создавшаго тебя. Не вѣрь своимъ чувствамъ, чтобы только ограничивать себя тѣмъ, что ты созерцаешь. Возносись къ вышнему понятію. Тѣло твое, яко созданное изъ земли, смертно; но духъ, происшедшій отъ вѣчнаго Духа, есть безсмертенъ. Почувствуй всю силу христіанской вѣры: она учитъ, что „наше житіе на небесѣхъ есть“, а, напротивъ, „мы странніи и пришельцы есмы“ на земли. Подлинно, и самъ ап. Павелъ признаетъ, что если бы мы все надѣяніе своихъ трудовъ и подвиговъ простирали не далѣе, какъ токмо до жизни сей, мы были бы бѣднѣе всѣхъ тварей (1 Кор., 15, 19). Но наше упованіе преходитъ предѣлы жизни сей.

Возможно ли? Вопроси ты у собственнаго своего разсудка, возможно ли, цабы премудрый и преблагій Творецъ съ тѣмъ только человѣка произвелъ, съ тѣмъ только сообщилъ ему совершенства Свои, съ тѣмъ только впечатлѣлъ въ немъ образъ и подобіе Свое, съ тѣмъ только устроилъ его зерцаломъ славы Своея, чтобы онъ, всю жизнь свою препроводивъ въ трудахъ и тягости, напослѣдокъ истлѣлъ бы и обратился въ прахъ? Нѣтъ! нѣтъ! Его дѣло не есть дѣло скудельника, производящаго сосудъ удобосокрушаемый. Премудрость Его блистаетъ тѣмъ болѣе, что Онъ, соединивъ съ бреннымъ тѣломъ душу безсмертную, тѣмъ не меньше предохранилъ ее въ самомъ нетлѣніи, да и самому тѣлу далъ чрезъ то сильнѣйшее подкрѣпленіе. Ибо если бы тлѣнное тѣло было оживляемо духомъ, подобнымъ вѣтру, преходящимъ и исчезающимъ, какъ оно могло бы быть управляемо таковымъ слабымъ повелителемъ? Оно удобно всякій часъ могло бы сокрушиться. Но тлѣнное тѣло, будучи поддерживаемо духомъ нетлѣннымъ, тѣмъ тверже и въ жизни сей, тѣмъ меньше устрашается и разрушенія тлѣннаго своего состава, когда правитель его остается при своемъ нетлѣніи. Сіе есть намѣреніе Божіе при созданіи человѣка,—намѣреніе, проповѣдующее славу Его и утверждающее наше блаженство.

Изъ сего разсужденія слѣдуетъ заключить, что мы должны праздновать рожденіе свое съ веселіемъ, и смерть—съ торжествомъ вѣры.

Ибо рожденіе творитъ насъ участными Божіихъ совершенствъ, а смерть приводитъ къ тому концу, для коего и созданы и раждаемся мы. Мое разсужденіе должно быть вамъ тѣмъ вѣроятнѣе и пріятнѣе, что вы самымъ дѣломъ утверждаете то. Теперь празднуете вы съ радостію день рожденія Преблагословенныя Дѣвы и тѣмъ доказываете, что рожденіе наше есть блаженно. Но недавно праздновали вы съ веселіемъ и день Успенія Пречистыя; а тѣмъ утверждаете, что и смерть наша должна быть встрѣчаема и препровождаема не плачемъ и слезами, но упованіемъ, растворенным радостію.

Внемля сему ученію, потщимся и жизнь сію препровождать сходственно съ намѣреніемъ Создателевымъ и смерти ожидать съ желаніемъ, исполненнымъ благія надежды, дабы мы могли всегда во благодушіи говорить съ Павломъ: „Аще живемъ, Господеви живемъ, аще умираемъ, Господеви умираемъ: аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы“ (Римл., 14, 7—8). Аминь.

Слово въ день Воздвиженія *).

Благочестивая Елена, мать великая великаго въ царяхъ Константина, воспламененная любовію креста Христова, не довольна была, что язвы Господа Іисуса въ сердцѣ своемъ носила, что смертію Его одушевляла свою жизнь,—не довольна была тѣмъ: надобно было для горячей ея вѣры, чтобы очами своими увидѣть и самый тотъ жертвенникъ, на коемъ совершена великая жертва спасенія міра,—самое то треблаженное древо, на немъ же распяся Христосъ, Царь и Господь. Обыкновенно всѣхъ безпокоитъ общее любопытство, и если мы слышимъ о славныхъ дѣлахъ какого-либо героя, то желаемъ, когда не возможно видѣть его самого, хотя бы узрѣть тѣ орудія, коими онъ совершалъ славныя свои дѣла. Почему и нынѣ въ обыкновеніи есть у великихъ людей—или одѣянія, или оружіе, или работу рукъ ихъ, или бывшіе у нихъ въ употребленіи сосуды хранить и оные, какъ нѣкоторую драгоцѣнную рѣдкость, всѣмъ показывать.

Таковымъ благочестивымъ любопытствомъ будучи возбуждена, Царева мать возжелала видѣть то покланяемое древо, на коемъ пригвожденныя стояли ноги Господни, и которое Его пречистою кровію было обагрено. Сіе желаніе ея исполнилось: обрѣла она искомое и возрадовалась, излились изъ очесъ ея радостныя слезы, бросилась къ священному орудію, устами и душею облобызала его, восторжествовала. Уподоби-

*) Говорено въ Кресто-Воздвиженскомъ монастырѣ, 1780 года.

лась она оной Евангельской женѣ, которая, нашедши погибшую драхму, созываетъ другинь и сосѣдокъ, восклицая въ веселіи: „возрадуйтеся со мною, яко обрѣтохъ драхму погибшую“ (Лук., 15, 9). Сія радость благочестивой Елены была столь важна и велика, что и вся Церковь присвоила оную себѣ и чрезъ многіе вѣка и роды преслала и до насъ торжество сего дня.

Мы, празднуя таковый день, не имѣемъ нужды заботиться о снисканіи пріобрѣтеннаго сокровища: оно—уже въ нашихъ рукахъ. Но, чтобы нѣкоторымъ образомъ уподобиться Еленину благочестію, возбудимъ мы и самихъ себя къ таковому же любопытству, не остается ли еще гдѣ сокровенныхъ знаменій Божіей любви къ намъ? ибо крестъ Христовъ есть не что иное, какъ знаменіе возлюбившаго насъ Господа Іисуса и душу Свою за насъ положившаго на немъ.

Куда ни обратимъ мы очи свои, вездѣ найдемъ слѣды и знаменія любви Божіей къ намъ. Человѣкъ, въ дикости и невѣжествѣ воспитанный, не умѣетъ узнавать красоты тварей и мудрости ихъ созданія и дѣйствій. Взираетъ онъ на нихъ очами не любопытными: не прилагаетъ къ нимъ своего вниманія и удивленіемъ не восхищается. Онъ смотритъ на солнце и понимаетъ оное, какъ нѣкоторый небольшой свѣтлый шаръ, а болѣе ничего. Смотритъ на звѣзды и оныя, можетъ быть, почитаетъ нѣкоторыми малыми небесными скважинами; смотритъ на небо и оное представляетъ себѣ нѣкоторымъ немалымъ пространствомъ, а болѣе ничего. Такое есть понятіе о вещахъ у человѣка не просвѣщеннаго. Но другой, излишне высокомудрствующій, не возмогши проникнуть въ глубочайшую связь тварей, приписываетъ все то случаю, что они стали сами собою какимъ-то неизвѣстнымъ образомъ,—и потому въ нихъ ни порядка, ни устройства, ни слѣдовъ безконечной премудрости не усматриваетъ.

Но если мы со вниманіемъ и просвѣщеніемъ обратимъ очи свои, вездѣ найдемъ слѣды и знаменія любви Божіей къ намъ.

Воззримъ ли на солнце?—находимъ въ немъ величайшее произведеніе безконечнаго разума. Находимъ, что оно, непомѣрной величины тѣло пламенѣющее, удивительнымъ сіяніемъ блистающее, всѣ твари въ непонятномъ отдаленіи освѣщаетъ и согрѣваетъ не иначе, какъ въ самой близости разженная печь. Однако, солнце такъ мѣрно устроено, что хотя окружено со всѣхъ сторонъ вещами приближенными къ нему, но ни одной изъ нихъ, дѣйствіемъ презѣльнаго пламени своего, не сожигаетъ и не повреждаетъ. Всякая тварь ожидаетъ восхода сего благодѣтельнаго свѣтила, радостнымъ восторгомъ восхищается, узрѣвъ его прекрасное лице, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ пріемлетъ отъ него руководство и оживленіе.

Удивляясь въ таковомъ произведеніи премудрости Божіей, меньше ли мы будемъ удивляться Творческому о насъ промышленію, и не почтемъ ли сіе яснѣйшимъ знаменіемъ любви Его къ намъ? Если бы, для согрѣтія насъ отъ хладнаго замерзанія, снабдилъ кто теплымъ домомъ, таковаго почитаемъ мы благодѣтелемъ и отцемъ: не съ большимъ ли благоговѣніемъ должны мы признать Отеческую къ намъ любовь Вышняго, Который создалъ для насъ таковую, могу сказать, храмину согрѣвающую и оживляющую насъ, да еще и нетлѣнную?

Воззримъ ли и на другія свѣтила, коими испещряется небо? Въ восторгъ придемъ, воображая неисчислимое множество ихъ, но притомъ такой величины, что каждая звѣзда превосходитъ весь кругъ земной несказаннымъ образомъ. Хотя мы въ точности не можемъ опредѣлить, какое спасительное вліяніе преносятъ они тварямъ земнымъ; однако, безъ сомнѣнія должны заключить, что, соединяясь со всею связію міра, въ коемъ и мы находимся, они содѣйствуютъ нашему бытію и пребыванію. Плавающіе же по безднѣ морской самымъ дѣломъ находятъ ихъ своими вѣрными путеводителями, приводящими въ тихое пристанище корабль, преисполненный нужною для нашей жизни куплею. А тѣмъ самымъ заставляютъ насъ взирать на себя, какъ на ясныя знаменія Божіей любви къ намъ.

Воззримъ ли мы на воздухъ?—находимъ его столь близкимъ и нужнымъ, сколь близка и нужна есть намъ жизнь наша. Мѣхъ легкаго нашего онъ подымаетъ и опускаетъ, и тѣмъ приводитъ въ движеніе кровь и тѣлесные соки. Мы имъ питаемся, и благосостояніе здравія нашего отъ онаго зависитъ не меньше, какъ отъ самой пищи и питія. Прохлажденные члены согрѣваются имъ; но имъ же и разгорячившіеся прохлаждаются. Волненіемъ вѣтровъ все вредное изгоняетъ изъ себя, дабы намъ самого себя представить пищею чистѣйшею и безвредною. Можемъ ли мы почитать таковыя чудеса иначе, какъ откровенными знаменіями Божіей любви къ намъ?

Воззримъ ли на самую землю, на которой Богъ опредѣлилъ насъ быть обитателями? меньше ли найдемъ чудесъ и премудрости? Сія общая наша матерь, трудно сказать, болѣе ли питаетъ насъ, или увеселяетъ,—болѣе ли представляетъ къ содержанію нашему нужнаго, или для услажденія чувствъ пріятнаго? Травы и для пищи потребныя, и къ сохраненію здравія полезныя; цвѣты, многоразличными красотами взоръ плѣняющіе; древеса, сладчайшими плодами вкусъ и обоняніе очаровывающія; прозрачные источники, изъ всѣхъ горъ кипящіе, утоляющіе жажду, орошающіе наши труды, искапываемыя изъ нѣдръ земныхъ драгоцѣнныя сокровища; великія рѣки, озера и моря, рыбами преисполненныя и на мягкой своей стихіи путь намъ не иначе, какъ

на землѣ, подающія; различнаго рода животныя и въ работѣ намъ помогающія, и своимъ или утѣшительнымъ нравомъ, или сладкимъ пѣніемъ увеселяющія, или хитростью производимыхъ ими дѣлъ удивляющія: что все сіе? если не—свѣтлыя очамъ нашимъ знаменія всегда предлежащей любви Божіей къ намъ? Мы не можемъ, такъ сказать, сдѣлать и одного шага, чтобы не обозрѣть слѣды благодѣтельнаго Промысла.

Когда всякое дыханіе хвалитъ своего Господа, сіе разумѣть надобно не инымъ способомъ, какъ, что они и образомъ и дѣлами своими подаютъ намъ, разумомъ одареннымъ, и случай и причину восхвалять премудрость и благость ко всѣмъ тварямъ Создавшаго ихъ. Сіе наше разсужденіе весьма сильно утверждаетъ Апостолъ: „Богъ,“—говоритъ онъ,—„не несвидѣтельствована Себе остави, благотворя намъ, дожди подая и времена плодоносна, исполняя пищею и веселіемъ сердца наша“ (Дѣян., 14, 17).

По почто мы странствуемъ, такъ сказать, по чужимъ странамъ? Возримъ на самихъ себя. Древніе любомудрецы называли человѣка „микрокосмомъ“, то есть, малымъ міромъ,—разсуждая, что весь міръ, до безконечности простирающійся, какъ бы сокращенъ и собранъ въ немъ одномъ. Да и Давидъ, когда размышлялъ о премудрости высочайшей, а въ то же время и о самомъ себѣ, въ нѣкоторомъ восторгѣ возопилъ къ Богу: „Удивися Твой разумъ изъ мене“ (Псал., 138, 5), то есть: я, де, въ самомъ себѣ нахожу слѣды и дѣла безмѣрнаго разума Твоего.

Долгаго требуетъ времени входить въ разобраніе тѣлеснаго и душевнаго состава нашего. Всѣ испытатели естества, разбирая одно тѣлесное сложеніе человѣка, находятъ премудрость, приводящую ихъ понятіе въ удивленіе и ужасъ, и признаютъ, что сего одного довольно къ увѣренію каждаго, что есть Творецъ міра премудрый и Промыслитель милостивый. Почему, не входя болѣе въ разсматриваніе сего, оставляя же то похвальному любомудрію каждаго изъ васъ, должно заключить только то, что и самъ человѣкъ самъ себѣ есть яснѣйшее знаменіе любви Божіей.

Но, держась таинственныхъ началъ христіанскаго исповѣданія, изъ всѣхъ исчисленныхъ нами знаменій любви Божіей не можемъ найти свѣтлѣйшаго, величайшаго и удивительнѣйшаго, какъ есть крестъ Христовъ. Послѣ всѣхъ тѣхъ благодѣяній, кои нами исчислены, и которыя разсѣяны по слѣдамъ всего міра,—вообразите, что Богъ, какъ бы всего того для насъ еще не довольно было, благоволилъ и Самого Себя явить намъ подъ видомъ плоти нашей и, въ увѣреніе Своей къ намъ любви, мучительнѣйшимъ образомъ принялъ смерть, вмѣсто того, что мы достойно воспріяли оную. Вообразите сіе, если только силы нашего воображенія къ тому довольны. Большей „любви никто же

имать, да аще кто душу свою положитъ за други своя“ (Іоанн., 15,13). Сіе величайшее доказательство любви мы видимъ въ смерти Христовой,—видимъ и удивляемся,—видимъ и съ благоговѣніемъ поклоняемся величеству таинства таковаго. Посему благочестивая Елена имѣла причину изыскивать спасительное знаменіе таковой любви.

Съ нею вкупѣ сердечною вѣрою лобызая оное и совершая торжество креста Христова, мы должны изъ мысли никогда не выпускать оное Апостольское слово: „иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми“ (Галат., 6. 24). Аминь.

Слово въ день Казанскія иконы Пр. Богородицы *).

Благодѣянія Божіи, кои мы празднуемъ ежегоднымъ воспоминаніемъ, были на насъ изліяны на семъ самомъ мѣстѣ, на коемъ днесь мы совершаемъ Ему священную службу. Былъ сей градъ, по правосудным судьбамъ Вышняго, преданъ въ руки иноплеменниковъ, которые находили все удовольствіе свое въ величайшемъ несчастіи нашемъ. Сей день былъ тотъ, въ который, по бѣдственной оной бурѣ, возсіяло ведро нашего избавленія. И какъ мы обыкновенно любопытствуемъ узрѣть то мѣсто, гдѣ случилось что-либо чрезвычайное, то сіе самое есть мѣсто то, сей градъ Китай, который въ настоящій день изъ рукъ непріятельскихъ получилъ свободу. Можемъ ли или должны ли мы когда предать сіе забвенію? Буди во вѣки благословенно, открывшееся надъ предками нашими, небесное покровительство! да продолжится же милость сія и надъ нами, ихъ потомками, въ благодарной памяти всегда содержащими оказанное благодѣяніе!

Подлинно, дѣло единой Божіей благости—предварять наши бѣдствія и избавлять насъ отъ оныхъ: „аще не Господь сохранитъ градъ, всуе и бдящій и стрегущій“. Но зависитъ и отъ насъ быть достойными той милости и превратностями своими не привлекать на себя мщенія правосудія Его. Сіе есть искушать Господа силъ, если упованіе возлагать на Него и тогда, когда бы мы предавали себя всему своевольству развращенной жизни, и въ томъ бы нераскаянными пребывали.

Вы мнѣ представите, колико Богъ къ грѣшникамъ милосердъ есть; но я въ бесѣдѣ моей хочу вамъ представить, колико строгъ Онъ есть и въ наказаніи грѣшниковъ, не для того, чтобы унизить величество милосердія Его, но чтобы доказать непреложную силу Его правосудія,—не для того, чтобы грѣшника кающагося поразить отчаяніемъ,

*) Говорено въ Казанскомъ соборѣ, 1780 года, октября 22 дня.

но чтобы разбудить его нечувствіе, и остановить необузданное стремленіе на всякій порокъ.

Я не хочу разными, хотя, впрочемъ, сильными, доказательствами, утверждать истину сію. Человѣкъ бываетъ и къ словопреніямъ склоненъ, дабы собственное мнѣніе доказать справедливымъ,— и къ извиненію своихъ слабостей всегда расположенъ; по крайней мѣрѣ и тогда льститъ себя надеждою, что слѣдующее по его порокамъ бѣдствіе прейдетъ, когда оно уже виситъ надъ главою его и для него неминуемо. И потому не хочу я разными доказательствами утверждать истину неизбѣжнаго правосудія Божія. Мы представимъ самые тѣ печальные примѣры, на коихъ открылась мстительная сила за беззаконіе праведныхъ небесъ.

Воззримъ на самое начало человѣческаго рода. Прародители наши, изъ персти слѣпленные, по образомъ Божіимъ преукрашенные, съ начала были свѣтлѣйшимъ зерцаломъ благости Божіей. Но когда явились преступниками данной имъ заповѣди, каковое преступленіе, по мнѣнію нашему, казалось бы быть и не самое важное, тотчасъ благость Вышняго уступила мѣсто Его правосудію. Преступники изгнаны изъ рая, и сіе блаженное обиталище было заключено для нихъ Херувимскимъ пламеннымъ оружіемъ,—поселены на одномъ съ прочими животными мѣстѣ пребыванія, осуждены на всегдашніе труды и заботы житейскіе, и удовольствіе бытія растворено безчисленными горестями, приводящими многопопечительную жизнь до истлѣнія. Сіе опредѣленіе правосудія Божія было тѣмъ страшнѣе, что оно простиралось и до всего, имѣющаго происходить отъ нихъ, поколѣнія; и мы тѣмъ меньше о томъ сумниться можемъ, что самымъ печальнымъ опытомъ видимъ то на самихъ себѣ,—видимъ и, снося тягость житейскую, подкрѣпляемъ себя однимъ токмо терпѣніемъ.

Когда Каинъ не устрашился омочить свои руки въ крови единороднаго брата своего, казалось бы, что сіе могло пройти для него безъ всякаго наказанія. Ибо еще ни судіи, ни истца, никого не было; были только одни ихъ родители, которые по отеческой любви не имѣли что дѣлать, какъ только оплакивать насильственную смерть одного сына и тяжкое преступленіе другаго. Но возгремѣ съ небесе Господь, и Вышній даде гласъ Свой. Потрясся всѣмъ составомъ своимъ Каинъ, когда поразилъ его гласъ Верховнаго Судіи и взыскивалъ отъ рукъ его неповинно изліянной крове. Хотя началъ было онъ себя и предъ Самимъ Всевидящимъ извинять; но какъ сіе извиненіе опровергала и собственная совѣсть, ослабъ, палъ въ уныніе и, въ черной задумчивости, яко осужденная тѣнь, началъ скитаться по землѣ и трясеніемъ своимъ показывалъ всѣмъ сильное дѣйствіе мщенія небеснаго.

Сіе тѣмъ достойнѣе примѣчанія нашего, что и доселѣ мы видимъ преступниковъ, при первомъ вопросѣ ихъ о злодѣяніи, приходящихъ въ робость, смущеніе и дрожаніе. А сіе доказываетъ, что мстительная Божія сила, наказавшая Каина, пребываетъ неизмѣнна и доселѣ во всемъ своемъ дѣйствіи. Если же преступникъ былъ столь не чувствителенъ, что и по преступленіи оказывался бы дерзновеннымъ, сіе только послужитъ къ привлеченію его еще въ большія преступленія, а потому уже къ истощанію долготерпѣнія Божія и къ неизбѣжному суду ярости Его.

Когда, при умноженіи рода человѣческаго, пороки умножались, а добродѣтельные, вступивъ въ обхожденіе, дружбу и родство съ развращенными, и сами развратились, и изъ всѣхъ сдѣлалось одно сонмище, поставляющее все свое удовольствіе въ исполненіи страстей; слѣдовательно, сталъ прерванъ тотъ союзъ, который соединяетъ небо съ землею, то-есть, добродѣтель,—правосудіе Божіе, наконецъ, открыло дѣйствіе свое. Какъ вся земля стала осквернена пороками людей, въ вышнемъ совѣтѣ опредѣлено было погрузить всѣхъ преступниковъ въ водахъ и измыть оскверненную ими землю. Отверзлись всѣ источники поднебесные и, яко скорые служители разгнѣванныхъ небесъ, поспѣшали скрыть отъ лица Божія тѣхъ, кои недостойны были взирать на Него. Были между ними и младенцы, не заслужившіе того наказанія; но судъ Вышняго предусматривалъ ихъ такими, кои по возрастѣ своемъ имѣли ходить по развратнымъ стопамъ родителей своихъ, почему дѣлали себя повинными тому же осужденію.

Извѣстенъ также и страшный примѣръ Содомскихъ жителей. Въ срединѣ ихъ безмѣстной распустности, когда они ничего, кромѣ страстныхъ утѣхъ, не воображали, внезапу открывалось мщеніе небесное, не стерпѣвъ болѣе законамъ своимъ быть столь нагло нарушаемымъ, и были попалены несравненно сильнѣйшимъ огнемъ, нежели былъ ихъ жаръ страстный, и доселѣ оставили печальные слѣды осужденнаго жилища своего.

Когда египтяне утѣсняли бѣдный израильскій народъ и почитали утвердить счастіе своего правленія на порабощеніи людей, того не заслужившихъ,—воздыханія ихъ и вопли дошли до небесъ и подвигли правосудіе Божіе доказать, что есть Вышній, владѣяй царствами человѣческими, и что верховные владыки, не подверженные суду человѣческому, остаются подверженными суду Его. Колико отяготилась правосудная Божеская рука надъ утѣснителями неповинности, сіе со страхомъ даетъ намъ знать священная исторія.

Да и сами, удостоенные покровительства Божескаго, израильтяне, когда послѣ всѣхъ оказанныхъ имъ благодѣяній, явились неблагодар-

ными и роптателями, и своимъ нетерпѣніемъ дѣлали себя судіями непостижимыхъ Божескихъ судебъ, всѣ поражены въ пустынѣ, а до обѣтованнаго мѣста, куда руководствовала ихъ мышца милостивая и высокая, не допустило ихъ преслушаніе.

Но открылись бы безчисленные примѣры правосудія Божія, если бы я предпріялъ исчислить всѣ ихъ. Цѣлые многочисленные грады, цѣлыя цвѣтущія области за беззаконія не токмо были предаваемы въ руки иноплеменниковъ, но, напослѣдокъ, совсѣмъ разрушились, и страшные остатки развалинъ ихъ мы и доселѣ видимъ. Да если мы и въ самихъ себя вникнемъ,—усмотримъ, что въ самое то время, когда мы или отступаемъ отъ порядка, Богомъ въ естествѣ уставленнаго, или не возьмемъ надлежащей въ чемъ предосторожности, тотчасъ Богъ правосудный посѣщаетъ насъ или болѣзнями или бѣдствіями. Всякое преступленіе неминуемо влечетъ за собою наказаніе.

Но многія, де, преступленія, кажется, остаются не наказанными. Сіе возраженіе рѣшить мы не можемъ. Для сего надобно знать и родъ преступленія, и намѣреніе его, и раскаяніе преступника или ожесточеніе, внутреннее положеніе его, и связь другихъ его или пороковъ или добродѣтелей, и будущія, имѣющія произойти изъ того, слѣдствія,—во что все проникнуть можетъ единъ токмо Всевѣдущій, и единъ Онъ можетъ положить безпогрѣшительное и сходственное съ Его правосудіемъ и благостію опредѣленіе. А слабому смертному остается токмо боятися судебъ Его.

Но бываетъ, де, что „его же любитъ Господь, того наказуетъ“. Сія истина есть неоспорима: ибо и самое наказаніе Божіе есть знакъ Отеческой любви Его. Мы должны принимать оное не иначе, какъ за дѣйствіе врача, который мучительнымъ рѣзаніемъ лѣчитъ смертоносныя раны наши.

Ибо все разсужденіе наше клонится не къ тому, чтобы ослабить упованіе на милосердіе Божіе, но чтобы страхомъ правосудія тѣмъ болѣе учинить насъ достойными благости Его; не къ тому, чтобы грѣшника поразить отчаяніемъ, но чтобы онъ, раскаяніемъ своимъ удаливъ отъ себя дѣйствіе мщенія Божія, поспѣшалъ въ отверстыя длани Отца Небеснаго, благоутробно пріемлющаго кающагося сына.

Нынѣшнее празднованіе руководствуетъ насъ къ тому. Разныя междуусобныя несогласія, неустройства, насилія, привлекли Божіе посѣщеніе на отечество наше, и оно почувствовало на себѣ всю тягость Его Всемогущей руки; но когда обще всѣ воздыханія и вопли свои вознесли до небесъ, посланъ Ангелъ, возвѣщающій наше избавленіе и пріемлющій наше покаяніе.

Почему и одолжаемся мы всегда праздновать день сей, не токмо для того, чтобы именемъ предковъ нашихъ приносить Вышнему должную

благодарность, но чтобы и намъ въ страсѣ Божіи препровождать жизнь свою, всегда воображая неизбѣжное Божіе наказаніе за пороки, но, притомъ, имѣя упованіе и на милосердіе Пріемлющаго покаяніе, и на теплое предстательство Преблагословенныя Дѣвы, за насъ всегда ходатайствующей. Аминь.

Слово на Новый годъ *).

Новый годъ начинаемъ! При таковомъ благословенномъ случаѣ о чемъ же намъ приличнѣе помышлять, какъ не о новостяхъ? При новомъ годѣ все должно быть новое. Но не о новостяхъ Аѳинскихъ жителей, о коихъ пишутъ, что они ни о чемъ болѣе не помышлали, какъ о томъ, дабы что-нибудь услышать новое. Сіе было болѣе страстію любопытства, нежели дѣйствіемъ благоразумія.

Подтверждаетъ то и самое ихъ дѣло. Аѳинянамъ, онымъ греческимъ мудрецамъ, ученикъ неба, Павелъ возвѣщалъ новость самую новую; а именно, что будетъ воскресеніе мертвыхъ и праведное воздаяніе за добрыя и злыя дѣла. Новость для Аѳинянъ самая новая и, притомъ, самая полезная! Но какъ же они приняли сію новость?—Приняли съ осмѣяніемъ и мудраго проповѣдника почли страннымъ и суесловомъ. О, Аѳиняне! какой же новости ожидали вы? Ежели сія новость была доселѣ вамъ совсѣмъ не извѣстна, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ вамъ надлежало взойти въ разсмотрѣніе ея, а не осмѣивать. Добродѣтельны ли вы? Зачѣмъ презирать и осмѣивать ту новость, которая возвѣщала вамъ вѣчную за добродѣтель вашу награду?—Порочны ли вы? Та же новость васъ убѣждала, чтобы вы, оставивъ пороки, раскаялись въ нихъ и приялись за добродѣтель. Поистинѣ, ничего тутъ не было, чтобы надлежало осмѣивать.

Что—нужды, что пользы ловить всякія новости, какія разглашаетъ одинъ пустой слухъ, который нимало къ нашей пользѣ не служитъ; а только что чешетъ слухъ нашъ и раздражаетъ любопытство, чтобы ложь переслать къ другимъ изъ первыхъ рукъ?

При возвѣщеніи отъ Церкви, что нынѣ празднуемъ Новый годъ, не похожи ли и мы на Аѳинянъ? Мы по привычкѣ, какъ Новый годъ многократно у насъ проходилъ, и не почитаемъ сіе новостію, а нѣкоторымъ только наружнымъ обрядомъ, чтобъ поздравить съ Новымъ годомъ и пожелать новаго счастія.

---

*) Говорено въ Чудовѣ монастырѣ, 1-го генваря 1803-го года.

Ну! такъ я вамъ, христіане, яко Аѳинянамъ, съ великимъ Павломъ въ Новый сей годъ возвѣщаю „воскресеніе мертвыхъ“. Вы, конечно, удивитесь. Вы скажете: мы не—Аѳиняне; мы вѣруемъ воскресенію мертвыхъ. Да и какимъ образомъ сіе можетъ относиться къ Новому году, когда сія истина есть для насъ не новая: она намъ отъ младенчества доселѣ извѣстна и презвѣстна. Такъ о семъ-то я съ вами въ сей Новый годъ, хотя кратко, побесѣдовать желаю.

Вы не—Аѳиняне, вы вѣруете воскресенію мертвыхъ. Но подлинно ли вѣруете? Я согласенъ, что вы не отвергаете сей великой и спасительной истины и съ Аѳинянами оную не осмѣиваете. Но одними ли устами оную пріемлете, или и сердцемъ? Не осмѣиваете оную по внутреннему ли къ ней уваженію, или по одной наружной благопристойности, и не по смѣлости опровергать оную? Не знаю, что сказать. Знаю только, что въ сіи новые годы появилась сія пагубная новость, что между именующимися христіанами суть нѣкоторые изверги, кои сію истину не пріемлютъ и внутренно оную осмѣиваютъ. Но оставимъ мы таковыхъ. Развратность ихъ нравовъ заставляетъ ихъ мыслить такъ. Они желали бы воскресенія мертвыхъ; но принять и признать то боятся. Ибо знаютъ, что съ воскресеніемъ мертвыхъ будетъ судъ, который и осудитъ злыя дѣла ихъ; а совѣсть ихъ, которую истребить совсѣмъ нельзя, обличаетъ ихъ въ развратности, и что они устоять не могутъ на праведномъ судѣ Божіемъ воскресенія.

Такъ что же дѣлать? Лучше ли думать и сказать, что совсѣмъ сего не будетъ? а вымыселъ сей есть суеслова Павла и подобныхъ ему, кои сѣли на его мѣстѣ, дабы только страшить людей и чрезъ то пріобрѣсть какія-либо собственныя временныя выгоды?

Но оставимъ мы таковыхъ, яко уродовъ, въ родѣ христіанъ. Мы обратимся къ вамъ. Вы вѣруете воскресенію мертвыхъ и, сколько я увѣренъ, о томъ не сумнитеся. Но и въ человѣческихъ дѣлахъ то увѣреніе сумнительно, которое состоитъ только въ словахъ, а не въ дѣлахъ. Ты очень не увѣренъ о дружбѣ того, который крайне тебя увѣряетъ о своей любви къ тебѣ, но по дѣламъ оказываетъ себя недоброжелательнымъ и враждебнымъ тебѣ. То же надлежитъ сказать и объ истинахъ христіанскихъ. Покажи ты мнѣ вѣру свою отъ дѣлъ твоихъ: ибо и бѣси словами вѣруютъ и трепещутъ. Когда ты вѣруешь воскресенію мертвыхъ, потребно, чтобы дѣла твои и вся жизнь твоя была согласна съ тѣмъ. Теперь-то слѣдуетъ рѣшить, почему воскресеніе мертвыхъ мною въ сей Новый годъ возвѣщается, яко нѣкая новость.

Подлинно „новость“, не для того, чтобы сія истина была для насъ новая, но что она непремѣнно соединена съ тѣмъ, чтобы мы обновили жизнь свою. Мы умремъ, да умремъ тогда, когда обветшаетъ сія наша

плоть, и мы, по порядку естества, должны будемъ сію плоть, яко ветхую и изорванную одежду, сокрыть во гробъ. Нѣтъ намъ никакой новости, а одна ветхость, хотя бы кто и молодъ умеръ. Но ежели сія плоть должна возобновиться и открыться въ лучшей свѣжести и добротѣ: то что можетъ быть новѣе сея новости?—Ежели какая быть можетъ новость, то поистинѣ сія.

Но чтобъ сія новость была дѣйствительнымъ обновленіемъ нашимъ, должно къ тому пріуготовить и душу нашу и тѣло наше. Вамъ извѣстно, что и въ естественномъ порядкѣ вещей художникъ самый искусный ничего произвесть не можетъ, ежели вещь, изъ которой онъ что нибудь сдѣлать хочетъ, не будетъ къ тому расположена надлежащимъ образомъ. И такъ, къ будущему нашему воскресенія обновленію надлежитъ приготовить и душу и тѣло.

И во-первыхъ, душу. Апост. Павелъ вопіетъ, чтобы мы „совлеклись ветхаго человѣка съ дѣяньми его, и облеклись въ новаго, обновляемаго въ разумъ, по образу создавшаго его“ (Колос., 3, 9—10). Вотъ Божій уставъ! вотъ—требованіе вѣчнаго порядка! Богъ есть свѣтъ. Чтобъ соединиться съ свѣтомъ, потребно, чтобы мысль наша была просвѣщена вѣрою и мудростію Христовою: ибо какъ тьмѣ соединиться со свѣтомъ? Богъ есть самая „истина“: такъ потребно, чтобъ не было въ насъ ни слѣда лести, лукавства, лжи и обмана. Богъ есть самая „правда“: такъ потребно, чтобъ не было въ насъ никакой неправды, обиды другимъ, насилія и наглости. Богъ есть сущее „благо“: такъ потребно, чтобъ и мы всякое благо благодѣтельство и одолженіе дѣлали другимъ. Не дѣлая же всего того, мы никакъ не можемъ соединиться съ Богомъ. Ибо какъ ложь и заблужденіе соединится съ истиною? какъ неправда—съ правдою? какъ злое—съ благимъ? какъ злотворное—съ благотворнымъ?

Но и тѣло наше требуетъ пристойнаго расположенія къ тому же. Душа дѣйствуетъ, а тѣло служитъ тому орудіемъ. Ежели орудіе не исправно, то и дѣйствіе души слабо. Чтобъ душа была просвѣщенна и незаблуждающа, потребно, чтобъ и тѣло то было трезво, отъ пьянства не разстроено, отъ празднества не разслаблено. Чтобъ душа была справедлива, потребно, чтобъ и тѣло не льстилось на тѣ искушенія, коими привлекаются чувства, яко—то на корыстолюбіе и роскошь. Богъ есть самое благо: потребно, чтобъ и тѣло лишало себя нѣкоторыхъ своихъ выгодъ для снабженія другихъ, и не терпѣло бы никакъ утучнять себя, когда другіе требуютъ помощи и снабженія. Богъ есть самая чистота: потребно, чтобъ и тѣло всемѣрно удерживано было отъ сладострастія и нечистоты плотской. Оно свою заразу сообщитъ и душѣ: „или не вѣсте,—вопіетъ Павелъ,—яко прилѣпляяйся Господеви единъ духъ есть съ Господемъ; а прилѣпляяйся сквернодѣйцѣ, едино тѣло есть съ

любодѣйцею“ (1 Коринѳ., 6, 16 и 17)? Ежели нечистаго духъ единъ есть духъ съ любодѣйцею, то какъ онъ можетъ соединиться съ чистѣйшимъ Божіимъ Духомъ?

Когда же расположимъ душу и тѣло, какъ потребно, то что же послѣдуетъ при воскресеніи мертвыхъ? что?—конечно, „обновленіе“: обновленіе души и тѣла, обновленіе всего состава нашего. Соединимся мы съ Богомъ, чистая душа и тѣло удобно найдутъ свой священный союзъ съ чистѣйшимъ Богомъ: правдивое съ правдою, истинное съ истиною, благое съ благимъ, благотворное съ источникомъ благъ.

Тогда-то, тогда, послѣдуетъ наше обновленіе. И поистинѣ, наше воскресеніе будетъ наше настоящее обновленіе. Прейдетъ время, наступитъ вѣчность; прейдетъ тлѣніе, наступитъ нетлѣніе; прейдетъ коловратность, наступитъ постоянное во вѣки. Непремѣнно пройдутъ сіи годы, днями и часами въ календаряхъ исчисляемые; а наступитъ „новый годъ“, годъ вѣчный, коего исчисленіе—въ книгѣ животной: въ ней записаны будутъ всѣ избранные Божіи, въ числѣ коихъ да и мы будемъ записаны. О, буди, буди! Аминь.

Слово на день Крещенія Господня *).

Празднуя воспоминаніе крещенія Господня, должно бы мнѣ склонить слово свое къ тѣмъ, кои благодати крещенія принять не удостоились. Вы, не отрожденные Духомъ, поспѣшите къ сему таинству; исправьте поврежденную природу свою. Бывъ удалены отъ Бога, потщитесь достигнуть сего великаго блаженства, чтобы вамъ быть приближенными къ Богу и домашними Его. Вы—наги, вы—безобразны. Се, царская пресвѣтлая одежда вамъ съ небесъ преподается! „Елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся“ (Галат., 3, 27). Почто вамъ ожидать исполненія онаго страшнаго приговора? Ибо, „аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити во царствіе Божіе“ (Іоанн., 3, 5).

Ежегодно, или паче, ежедневно Церковь Божія воспоминаетъ крещеніе Господне. Кто же изъ смертныхъ столь былъ бы или ожесточенъ или ослѣпленъ, чтобы не пожелалъ сего таинственнаго обновленія, когда оное освятилъ Своею особою Самъ Сынъ Божій? Но оставимъ мы сихъ, яко сущихъ еще внѣ двора Христова, о коихъ Самъ великій Начальникъ вѣры изрекъ, „яко и тыя Мнѣ подобаетъ привести, да будетъ едино стадо и единъ пастырь“ (Іоанн., 10, 16). Обратимъ же мы слово свое къ вамъ.

---

*) Говорено въ Чудовѣ монастырѣ, въ 1803 году.

Но почто къ вамъ? Вы уже сего таинства участны, вы уже отреклися сатаны и всѣхъ дѣлъ его, вы уже сочеталися Христу, вы уже во Христа крестилися и во Христа облеклися. О, блаженъ ты, „Израилю, яко угодная Богу тебѣ разумна суть“ (Варух., 4, 4)! Вы уже „нѣсте чужди и пришельцы, но сожителе святымъ и присніи Богу“ (Ефес., 2, 19). И, чтобы въ похвалу и честь вашего благодатнаго состоянія ни сказалъ я, все то будетъ ниже, нежели, чтобы оно могло быть изображено словами.

Такъ что же, при таковомъ вашемъ положеніи, могу я предложить вамъ или къ утѣшенію, или къ наставленію?.. Во-первыхъ, будьте благодарны Богу за таковый неисповѣдимый къ вамъ даръ Его; будьте благодарны. Но какъ? Если бы кто даровалъ вамъ полезнѣйшую и драгоцѣннѣйшую вещь, а вы оную или не обращали бы въ свою пользу, или пренебрегали бы оную, яко вещь маловажную: что сіе было бы?—развѣ, что вы неблагодарны, или паче, что вы и не признаете благодѣянія, коего цѣны не разумѣете.

Но отъ чего бы сіе могло происходить, чтобы не разумѣть столь превосходнаго благодѣянія? Снесите, ежели я скажу что-нибудь, хотя справедливое, но для васъ оскорбительное. Вы получили здравіе, но вы не знали и не чувствовали своей болѣзни,—почему и здравіе для васъ не ощутительно. Вы обогатились, но вы не знали и не чувствовали, что вы бѣдны и нищи,—почему и богатство для васъ не ощутительно. Но откуда же—таковое ослѣпленіе?—оттуда, о бѣдные христіане,—оттуда, что вы, по принятіи крещенія, не почувствовали въ себѣ никакой особой перемѣны.

Несчастливая, однако правда! Вы таковы же, какъ и всѣ въ свѣтѣ люди, кои крещеніемъ не перерождены,—такъ же живете, такъ же поступаете, какъ и всѣ они. Но почто не таковъ Павелъ? Онъ вопіетъ: „быхомъ же тьма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ“ (Ефес., 5, 8); мы нынѣ „нова тварь о Христѣ“ (2 Кор., 5, 17.) Почто не таковы всѣ Апостолы? Почто не таковы Поликарпы, Василіи, Григоріи, Іоанны, Кипріаны, Амвросіи, Аѳанасіи и другіе многочисленные? Почто не таковы тѣ, коимъ обѣщаны безчисленныя почести и богатства, или, напротивъ, коимъ угрожаемо было страшными мученіями и самою смертію, ежели только отрекутся Христа? Но они, съ Моисеемъ, „всѣмъ Египетскимъ сокровищамъ предпочли поношеніе Христово“ (Евр., 11, 26), коихъ ни смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, „ни глубина, ниже иная тварь кая могли разлучить отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ“ (Римл., 8, 38 и 39)

Почто же мы не таковы? Я скажу; но дайте мнѣ слово, яко „обличай премудра, и возлюбитъ тя“. Почто не повелѣно давать „святая

псомъ, и не повергать „драгихъ камней предъ свиніями“ (Мато., 7, 6)? Ибо они въ грязи потопчатъ ихъ ногами своими: понеже они не разумѣютъ ни величія и пользы святыни, ни цѣны камней драгихъ. Многіе христіане „приложишася скотомъ несмысленнымъ и уподобишася имъ“: не знаютъ цѣны великихъ даровъ Божіихъ, не разумѣютъ сокровенной премудрости таинствъ Его, мало упражняются въ испытаніи закона Господня. Когда бы столько старанія и трудовъ, или хотя бы половину употребили на упражненіе въ законѣ Господни, сколько старанія и заботъ употребляютъ на снисканіе временныхъ прибытковъ и суетной мірской чести и славы: то, конечно, сдѣлались бы великими богословами и познали бы всю цѣну благодѣяній Божіихъ и таинствъ Его.

Но почему же,—скажетъ кто,—суть многіе ученые, различными науками просвѣщенные; но они столь же мало разумѣютъ таинства Божіи, какъ и послѣдніе простолюдины?—для того, что „мудрствуютъ по стихіямъ міра, а не по Христѣ“ (Колосс., 2, 8),—для того, что они разсуждаютъ по началамъ природы, по началамъ человѣческаго разсудка, а не по началамъ мудрости Божіей. О, несчастливые мудрецы! или не вѣдаете, что, „якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоятъ помышленія человѣческія отъ мыслей Божіихъ“ (Іс., 55, 9)? Все превратно и въ общей и въ человѣческой природѣ, все покрыто тьмою; узнавъ изъ сего нѣчто малое, человѣкъ дѣлается надменнымъ и почитаетъ себя знающимъ все, хотя ничего точнаго и спасительнаго не позналъ. „Разумъ кичитъ“,—вопіетъ Павелъ,—„а любы созидаетъ“ (1 Кор., 8, 1). „Любы“,—говоритъ,—„созидаетъ“.

Сіе рѣшитъ то возраженіе, которое могутъ предложить мудрецы міра сего, что „когда мысли Божіи столько отстоятъ отъ мудрованій человѣческихъ, сколько отстоитъ небо отъ земли: то какимъ же образомъ могли ихъ знать тѣ, кои ни дальняго ученія, ни отличнаго просвѣщенія не имѣютъ“? Сіе рѣшится тѣмъ, что „разумъ кичитъ, а любы созидаетъ“; то есть, что, для познанія таинственныхъ мыслей Божіихъ, не столько потребны науки и мірское просвѣщеніе, сколько укрощеніе страстей, непорочность нравовъ и чистое сердце. „Блажени“, сказано, „чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ“ (Мато., 5, 8).

А въ Богѣ, яко въ свѣтломъ зерцалѣ, откроются имъ и всѣ таинственныя истины. Одареннымъ сею-то чистотою сердца открыта и таинственная сила крещенія,—и они сей благословенный день празднуютъ съ восторгомъ, имъ единымъ да Богу извѣстнымъ.

Будьте и вы таковы, о христіане,—и вы узнаете, сколь велико есть отрожденіе ваше, колико есть величіе таинства крещенія вашего, коль драгоцѣненъ есть даръ Божія къ вамъ благодѣянія. Празднуя сей день, вы не будете почитать себя на земли, но на небеси, яко увѣри-

тесь, что вы чрезъ крещеніе стали гражданами не мірскими, но небесными,—что вамъ отверста дверь въ небеса, и открытъ свободный входъ къ сіяющему вѣчною славою престолу Божію. Аминь.

Слово на день Святыя Пасхи *).

Воскресенія день, день благословенный и спасительный, не только для христіанства, но и для всего человѣческаго рода; или, могу сказать, для всей вообще твари. „Для человѣческаго рода", ибо всѣ человѣки воскреснутъ; „для всей твари": ибо вся тварь обновится, и предстанетъ въ лучшемъ видѣ, егда, по Апостолу, „откроется свобода славы чадъ Божіихъ" (Римл., 8, 21). И потому „новаго неба и новыя земли, по обѣщанію Божію, ожидаемъ" (2 Петр., 3, 13).

Но паче для христіанъ сей день есть спасительный и радостный: ибо хотя и всѣ воскреснутъ, но нѣкоторые „—въ воскрешеніе суда", а истинные христіане воскреснутъ „въ воскрешеніе живота" (Іоан., 5, 29).

Вы, святые мученики, чѣмъ ободряли и укрѣпляли себя въ самыхъ мучительныхъ страданіяхъ? развѣ надеждою воскресенія? Вы, преподобные, на что взирали, когда истощавали плоть и умерщвляли страсти, презрѣвъ всѣ мірскія выгоды и увеселенія? конечно, взирали вы на вѣнцы, кои открывало вамъ воскресенье въ отверстыхъ небесахъ. Вы всѣ, святые и добродѣтельные, почто проходили „въ козіяхъ кожахъ, скитаяся въ пустыняхъ, въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ, всего лишени, скорбяще, озлоблени" (Евр., 11, 37 38)? почто?—развѣ, да—„Богу лучшее что о васъ предзрѣвшу", свѣтлѣйшее воскресеніе улучите. Почто ты, преподобный Сергій, толико со всѣми святыми подвизался, истощавая себя всякаго рода воздержаніемъ и убѣгая всего для тѣла лестнаго? почто?—развѣ, что несумнительно ты былъ увѣренъ, яко, вмѣсто всего того, въ день воскресенія, возобладаешь небомъ и всѣми его сокровищами,—яко насытишися отъ тука дому Божія и потокомъ вѣчныя сладости упоенъ будеши. Такъ вы посему не вотще трудились, о блаженніи! упованіе ваше безсмертія исполнено. Вы почитались въ очахъ у безумныхъ, аки бы умерли; но вы въ мирѣ и въ радости торжествуете нынѣ, опочивая на ложахъ своихъ.

Всему же сему основаніе есть воскресеніе Христово: ибо всѣ святые проходили оный подвигъ, взирая на Начальника вѣры и Совершителя Іисуса, твердо вѣруя, что, аще съ Нимъ страждутъ, съ Нимъ и прославятся.

---

*) Говорено въ Троице-Сергіевой лаврѣ, 1803 года, апрѣля 5 дня.

А если-бы Сынъ Божій, по толикомъ подвигѣ и страданіи, не воскресъ, слѣдовательно, и не взошелъ бы въ славу Свою,—тщетна была бы вѣра всѣхъ святыхъ, тщетна была бы и наша; суетный и безплодный былъ бы весь ихъ трудъ и подвигъ. Тщетно было бы наше празднованіе воскресенія Христова, тщетна была бы надежда и нашего воскресенія. И мы были бы,—какъ Апостолъ говоритъ,—„несчастливѣе всѣхъ тварей на земли“ (1 Кор., 15, 19), если, столько истощавая и умерщвляя себя, не получили бы никакой за то награды. Твердо основаніе ніе Божіе, и всякъ человѣкъ—ложь; а глаголъ Господень пребываетъ во вѣки.

Но въ сіе самое время, когда мы, христіане, празднуемъ воскресеніе Христово, а вкупѣ съ нимъ и наше воскресеніе, и празднуемъ съ радостію духа,—въ самое сіе время, вотъ что, предлагаетъ Апостолъ намъ, христіанамъ! а что?—что бы мы думали о себѣ, что мы—мертвы „Помышляйте“,—глаголетъ,—„себе мертвыхъ быти“. Какъ! въ часъ радости помышлять о смерти? помышлять что мы—мертвы? Такъ, поистинѣ, мудро и спасительно предложеніе Апостольское. Помышлайте, говоритъ онъ, яко вы мертвы не просто, но мертвы „грѣху“, да и не совсѣмъ мертвы, но такъ, чтобы между тѣмъ были мы „живы Богу“ (Римл., 6, 11). О! когда такъ, то сія смерть есть лучше жизни, или паче, сія-то смерть творитъ, чтобы мы были „живы и Богу“; она-то сѣетъ сѣмя тѣла нашего въ животъ воскресенія.

Мертвымъ быть „грѣху“ есть не прельщаться грѣхомъ, чтобы грѣхъ дѣйствовалъ на насъ столько, сколько дѣйствуетъ онъ на мертваго. Извѣстно всѣмъ намъ, что мертвый не злобится, не завидуетъ, не гордится, не злословитъ, не сквернословитъ, не пьянствуетъ, не похотствуетъ, не крадетъ, не безчинствуетъ. Такъ Апостолъ желаетъ и совѣтуетъ, чтобы, когда какой грѣхъ искушаетъ насъ, мы были бы для него мертвы, дабы онъ, походя вокругъ насъ и не нашедъ въ насъ никакой наклонности и движенія къ нему, отошелъ бы отъ насъ тщетенъ и посрамленъ. А ежели мы будемъ для него не мертвы, къ нему склонимся и примемъ его къ себѣ изволеніемъ нашего сердца, то будемъ мы „грѣху живы“, но уже „Богу будемъ мертвы“: грѣхъ нами возобладаетъ, а Богъ удалится. „Да не царствуетъ убо грѣхъ“,—вопіетъ Павелъ,—„въ мертвенѣй плоти вашей, во сже работати вамъ грѣху“ (Римл., 6, 12).

Нѣтъ, Господи! мы не хочемъ имѣть надъ собою сего мучительнаго царя, не хочемъ быть работниками ему, а желаемъ и молимъ, да Ты будеши нашъ Царь, и мы работали бы Тебѣ единому. Такъ будьте же „мертвы грѣху, а живи Богови“.

Но и не стыдно ли попускать грѣху царствовать въ насъ, да

еще „въ мертвенномъ плоти нашей“. Сіи слова Павловы примѣчательны. Итакъ, де, плоть ваша мертвенна, тлѣнна, разстройна; когда же попустите грѣху еще царствовать въ таковой плоти, то уже онъ приведетъ ее и въ конечное разстройство: онъ совсѣмъ умертвитъ и погубитъ ее, и лишитъ и надежды воскресенія въ животъ.

Поистинѣ, такъ: въ плоти нашей должна прежде воцариться чистота, чтобы соединиться съ чистѣйшимъ Богомъ; должна прежде въ душѣ нашей воцариться свѣтлая вѣра, чтобы она въ день воскресенія премѣнилась на свѣтъ невечерній лицезрѣнія Божія; должна во всемъ составѣ нашемъ воцариться благодать, чтобы затѣмъ послѣдовала слава воскресенія. „Да не царствуетъ убо грѣхъ въ мертвенномъ плоти нашей, во еже работати намъ грѣху“. А паче Ты, Воскресеніе наше и животъ, воскресшій для нашего воскресенія, Ты въ насъ царствуй, сладчайшій Іисусе, благословенный Сыне Вышняго. Ты царствуй въ насъ, да мы будемъ мертвы грѣху, а живы Тебѣ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово на день Вознесенія Господня *).

Праздновали мы въ свое время сошествіе Господне съ небеси на землю, а днесь празднуемъ возшествіе Его отъ земли на небо. Яко Богъ, всегда Онъ былъ на небеси и на земли и вездѣ, но, яко человѣкъ, явился на земли, по принятіи нашея плоти; и въ той же плоти, оставивъ землю, вознесся на небо. И въ той же плоти, но съ видомъ величія Божія, Господь явится во свое время на земли, судити живыхъ и мертвыхъ.

И сошествіе Его, и возшествіе, и будущее пришествіе суть великія тайны, и достойны нашего размышленія и празднованія. „Сошествіе Его на землю“ просвѣтило и обновило насъ. „Возшествіе“ утверждаетъ надежду нашего безсмертія. Ожидаемое „пришествіе“ откроетъ славу чадъ Божіихъ и рѣшитъ несчастную участь чадъ погибели. Благословенный случай сегодня велитъ намъ помыслить, что и мы, въ свое время, „восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ: и тако всегда съ Господемъ будемъ“ (1 Сол., 4, 17).

Будемъ съ Господемъ, ибо обѣщалъ Господь вѣрующимъ въ Него, да, „идѣже Онъ есть, тамо и слуга Его будетъ“ (Іоанн., 12, 26). Онъ вознесся на небо; и мы послѣдуемъ Ему, и жилище наше вѣчное на

*) Сказано въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, 1803 года, мая 14 дня.

небесѣхъ будетъ. Что для истиннаго христіанина можетъ быть вожделѣннѣе сего? Но не столь оно желательно, а паче отвратительно для человѣка, къ землѣ приверженнаго.

Но откуда же, и почто таковое, между однимъ и другимъ человѣкомъ, противное расположеніе? Неужели и тотъ, который желалъ бы всегда быть на землѣ, а о возшествіи на небо и не думаетъ, или еще, и не вѣруетъ, чтобы оно быть могло,—уже ли и таковый имѣетъ свои резоны? И кажется, что онъ долженъ имѣть причины для таковаго мнѣнія, да и причины весьма основательныя. Ибо возможно ли, чтобы идти противъ общаго мнѣнія, идти противъ самого себя, то-есть, не желать себѣ наилучшаго счастія, а ограничивать себя краткостію сей жизни и осуждать самого себя къ невозвратному тлѣнію, къ потерѣ всего здѣшняго чрезъ смерть, которая каждый часъ грозитъ его посѣкнуть? Возможно ли, чтобы человѣкъ могъ присвоить себѣ таковое мнѣніе, не имѣя весьма сильныхъ и убѣдительныхъ къ тому резоновъ? Послушаемъ мы ихъ и, ежели они подлинно таковы, примемъ ихъ и будемъ жить на землѣ такъ, яко не имѣющіе надежды къ лучшему послѣ сей жизни; будетъ жить такъ, какъ и прочія животныя всѣ.

Истинный христіанинъ! возъимѣйтерпѣніе выслушать сихъ вольнодумческаго ума мудрыхъ резоновъ и что-нибудь возотвѣтствуй на нихъ и, коли можешь, возрази. И, ежели счастливо его мудрованіе опровергнешь, пріобрѣтешь себѣ славу, а ему доставишь счастіе, выведши его изъ заблужденія.

Вотъ—мудрые резоны вольнодумца! Онъ говоритъ: „мы такъ же родимся, какъ и всѣ животныя; почему такъ же и умремъ“. Христіанинъ на то отвѣтствуетъ: видимое наше по тѣлу рожденіе, конечно, сходственно съ рожденіемъ прочихъ животныхъ; но по душѣ, оживляющей тѣло, есть величайшее различіе. Она вдохновлена отъ Бога; она есть, яко нѣкій потокъ, проистекшій изъ источника Божества; въ ней сіяетъ образъ Божій и подобіе; а потому должна быть Ему подобна какъ симъ, такъ и безсмертіемъ,—каковаго великаго преимущества прочія животныя не удостоены.

Вольнодумецъ настоитъ: „въ насъ души нѣтъ, а только одна плоть и кровь; одно тѣло, отъ натуры устроенное въ такой порядокъ, что можетъ и мыслить и чувствовать. Когда же сей порядокъ, какъ одежда, отъ времени изветшаетъ, или отъ случая издерется, то и все тѣло, а съ нимъ и весь человѣкъ, яко въ одномъ только тѣлѣ состоящій, разрушится и исчезнетъ“.

Христіанинъ на сіе отвѣтствуетъ: я тебя, не признающаго души въ человѣкѣ, имѣлъ бы право назвать бездушнымъ, ежели бы не зналъ, что ты сіе почтешь себѣ порицаніемъ и безчестіемъ. Но, оставивъ сіе

хочу знать, кто тебѣ открылъ сіе таинство, и чрезъ какую удивительную мудрость ты усмотрѣлъ, что всѣ дѣйствія въ человѣкѣ происходятъ отъ единаго тѣла, приведеннаго въ порядокъ отъ натуры? Посмотримъ мы вкупѣ съ тобою на человѣка и на дѣйствія его. Я вижу, что тѣло есть ограниченно; но дѣйствія человѣческаго размышленія, разумѣнія, знанія, мудрости суть неограниченны. Человѣческій умъ испытуетъ свойства всѣхъ тварей, проникаетъ въ глубину внутренности ихъ, которая никакому дѣйствію чувствъ совсѣмъ не приступна: восходитъ на небеса и выше ихъ, и смѣло изслѣдуетъ превыспренняя. Никакое разстояніе мѣстъ, никакая высота, ни глубина, никакая внутренность, никакая сокровенность нимало не препятствуютъ человѣческому уму производить свои испытанія, разсужденія, заключенія, положенія и все сіе дѣлаетъ онъ не иначе, какъ бы видѣлъ то своими очами, конечно, не тѣлесными. Какъ все сіе тѣлу, совершенно ограниченному самымъ малымъ кругомъ воздуха и мѣстнаго положенія,—какъ все сіе тѣлу присвоить возможно? Да не только таковыя, выше тѣла безконечно простирающіяся, испытанія и знанія тѣлу приписать не возможно, но ниже самыя дѣйствія чувствъ, яко-то видѣть, или слышать и прочее. Мы видимъ очами и слышимъ ухомъ, но что есть само по себѣ око? что есть ухо? Есть одна часть тѣла или, просто сказать, кусокъ мяса. Сей кусокъ самъ собою видѣть, самъ собою слышать никакъ не можетъ, такъ же, какъ и другая по всему подобная часть того же тѣла, яко-то рука, или нога. А чтобы око видѣло и ухо слышало, потребенъ въ тѣлѣ духъ животворящій и самодвижительный, который приводилъ бы въ движеніе и въ дѣйствіе органы ока и уха, съ различнымъ ихъ мудрымъ устроеніемъ.

Итакъ, око видитъ и ухо слышитъ, или, справедливѣе сказать, не око видитъ и не ухо слышитъ, но душа, чрезъ орудія ока и уха, видитъ и слышитъ. Орудія, безъ дѣйствующаго ими, ничего не дѣйствуютъ, такъ какъ всѣ орудія музыки, безъ управляющаго ими человѣка, молчатъ и ничѣмъ отъ всякаго другаго дерева, или металла не различествуютъ. Око и ухо безъ души ни видѣть, ни слышать не могутъ. И хотя такъ же и душа, когда разстроятся сіи орудія, чувственно чрезъ нихъ не видитъ и не слышитъ, но мыслію и умомъ безпрепятственно и тогда все видитъ, все слышитъ. То же сказать истина велитъ и о прочихъ дѣйствіяхъ чувствъ.

Сходственно съ симъ весьма глубоко мудрствуетъ святый Пророкъ и Царь: „Насаждей ухо, не слышитъ ли? или Создавый око, не смотряетъ ли? Учай человѣка разуму, не обличитъ ли“ (Псал., 93, 9 и 10)? Сіи слова хотя прямо доказываютъ, что если ты, человѣкъ, и видишь, и слышишь, и разумѣешь; кольми паче все видитъ, и все слышитъ, и

все знаетъ Тотъ, Который снабдилъ человѣка сими дарованіями. Но сіи же слова заключаютъ въ себѣ и ту силу, что когда Богъ все видитъ и слышитъ, то, конечно, не чрезъ око и не чрезъ ухо, но яко Духъ вездѣсущій, животворящій и нетлѣнный; подобно и человѣку, давъ око и ухо, отъ Духа Своего животворящаго и нетлѣннаго, вліялъ въ него духъ, который бы чрезъ око и ухо, яко чрезъ свои орудія, видѣлъ и слышалъ.

Изъ всего сего видимъ, что никакъ не можно присвоить таковыя дѣйствія единому тѣлу человѣка. А ясно и свободно мы можемъ и должны утвердить, что есть въ человѣкѣ душа, духъ нетлѣнный и неразрушаемый, яко отъ вѣчнаго, безсмертнаго Духа происшедшій и съ Нимъ сходственный, яко носящій Его образъ.

На сіе, не знаю, что еще вольнодумецъ изобрѣтетъ сказать. Вѣроятно, вызовется онъ, что всякъ можетъ разсуждать по своему и, имѣя острый оборотъ разума, можетъ и ложь представить, яко истину, и тѣмъ привести въ заблужденіе и себя и другихъ.

На сіе христіанинъ отвѣтствуетъ: конечно, всякъ можетъ разсуждать по своему; но никто не можетъ дойти до таковаго безумія, чтобы всякое разсужденіе почитать сомнительнымъ: не оставалось бы и никакого ни въ чемъ различія между ложью и истиною. Ежели наше разсужденіе было бы сомнительно и не твердо, то почему же бы твое было не таково? Но наше разужденіе о безсмертіи души и о будущей жизни, сверхъ оныхъ видимыхъ доказательствъ, утверждаютъ богодухновенные всѣхъ вѣковъ мужи, утверждаетъ Самъ Богъ словомъ Своимъ и Божественнымъ откровеніемъ Своимъ.

Но на сіе тотчасъ вольнодумецъ отзывается: „да почему, де, вы увѣрены, что почитаемое вами словомъ Божіимъ есть слово Божіе, и что предавшіе сіе мнѣніе были мужи богодухновенные“? На это христіанинъ отвѣтствуетъ, что увѣренія сего онъ ему объяснить не можетъ: ибо оно сокровенно въ душѣ и запечатлѣнно въ совѣсти, при свидѣтельствѣ единаго Бога. А говоря съ нимъ, яко съ человѣкомъ, ничему не вѣрующимъ, долженъ ему и отвѣтствовать по-человѣчески. Ты не вѣруешь слову Божію и мужамъ богодухновеннымъ, предавшимъ оное; дозволь же и намъ не вѣрить твоимъ мудрецамъ, называющимъ себя философами. По-человѣчески говоря, теперь обѣ стороны стали равны; и изъ сего выходитъ только то пагубное слѣдствіе, что и мы и вы равно остаемся въ неизвѣстности. Но, когда посмотримъ безпристрастно на обѣ стороны, видимъ, что съ нашей стороны всѣ вѣка, всѣ народы, всѣ ученія просвѣщеннѣйшихъ мужей, и писанія и преданія,—да и таковыхъ мужей, кои истину сію утвердили примѣрною святостію житія, а нѣкоторые даже вѣру сію запечатлѣли кровію своею. Съ вашей же

стороны нѣкоторая малая толпа, гордо и дерзновенно называющихъ себя философами, мудрованія коихъ тѣмъ меньше вѣроятны, что и они сами надменны самолюбіемъ и честолюбіемъ, жадны къ корысти хитростной души, и послѣдователи всѣхъ страстей, безъ угрызенія совѣсти,—какъ то недавно доказалъ всѣмъ въ одной странѣ страшный и несчастливый переворотъ. Итакъ, кто же, сколько-нибудь имѣя просвѣщенія и честности, не пристанетъ паче къ нашей достовѣрнѣйшей сторонѣ, нежели къ оной суемудренной и безчеловѣчной?

Выслушавъ таковый разговоръ между христіаниномъ и вольнодумцемъ, я не сумнюся, что вы, конечно, яко вѣрующіе, истину безсмертія нашей души и будущей жизни пріемлете за истину Божію; но и, яко благоразсудительные человѣки, никакъ не попустите уловлять себя слабыми и суетными мудрованіями новомодныхъ философовъ. Мы съ чистымъ сердцемъ празднуемъ вознесеніе Христово: ибо не сомнительно увѣрены, яко и мы въ свое время съ Нимъ вознесемся на небо, аще токмо поживемъ богоугодно, и подвигъ нашей вѣры запечатлѣемъ любовію къ Богу и ближнему. Аминь.

Слово на день св. Царевича Димитрія *).

Настоящій праздникъ есть свойственъ Церкви Россійской. Она, по случаю насильственной смерти Царевича Димитрія, оплакивала несчастіе тогдашняго времени, сѣтовала и рыдала, видя чадъ своихъ: иныхъ, неповинно страждущихъ,—другихъ, тогдашнимъ, почти общимъ развращеніемъ, прельщенныхъ и яко обуявшихъ. Почему и принадлежитъ Церкви Россійской праздновать и радоваться, получивъ послѣ таковой своей скорби избавленіе и утѣшеніе отъ Господа.

Кто же составляетъ Россійскую Церковь? Мы, мы, православные россіяне, ежели токмо есмы прямые и здравые члены сего священнаго и таинственнаго тѣла.

Читая исторію тогдашняго несчастливаго состоянія Россіи, иное въ ней усматриваетъ—„россіянинъгражданинъ“, иное—„россіянинъхристіанинъ“. Россіянинъ-гражданинъ видитъ, что тогда поколебался нужный чинъ Царскаго наслѣдія, природная его вѣтвь злобою насильственно исторжена. На таковое пролитіе неповинной крови открылся гнѣвъ Божій съ небесе. Волкъ возскочилъ на царскій престолъ, но въ одеждѣ овчей: руководствовалъ его враждебный намъ сосѣдній народъ. Все наполнилось возмущенія: злоба для помощи своей умѣла въ насъ про-

*) Говорено въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ, 1803 г., мая 15 дня.

извести междуусобіе, ибо безъ того никакъ бы успѣть не могла: стремилась, силилась, чтобы насъ себѣ покорить и возобладать нами. Да уже и достигли было своего намѣренія: собственныя наши руки на то устроили, чтобы на славный Россійскій престолъ посадить иноплеменника, дышащаго злобою и ненавистью къ Россійскому народу. Вотъ что въ исторіи тогдашняго времени примѣчаетъ и видитъ „гражданинъ россіянинъ“.

Но „россіянинъ гражданинъ“ примѣчаетъ и видитъ, кромѣ сего, и другое: христіанину любезно отечество и благосостояніе его; но еще любезнѣе ему безцѣнный залогъ вѣры. Вся его душа привержена къ сему залогу, ибо онъ увѣренъ, что отъ соблюденія сего залога зависитъ не токмо спасеніе его вѣчное, но и самое благосостояніе отечества его. Истреби вѣру, падетъ все, что подкрѣпляетъ общественное благоденствіе. Читая исторію тогдашняго времени, гражданинъ христіанинъ примѣчаетъ, или паче, ясно видитъ, что врагъ свое стремленіе напрягалъ наипаче на то, дабы нашу вѣру поколебать, или и истребить.

Злобный и коварный западъ, всегда враждебный православію, хотя на добро слѣпъ, но на зло весьма острозрителенъ и дальновиденъ: безпредѣльнымъ и антихристовымъ властолюбіемъ возбуждаемый, онъ испустилъ всѣ разженныя стрѣлы лукаваго на нашу святую Церковь. Употребилъ на то орудія діавольскія: тѣхъ, то есть, кои, повидимому, почитались отвергшимися міра, но болѣе всѣхъ человѣкъ были привержены къ міру властолюбіемъ и корыстолюбіемъ.

А враждебный намъ сосѣдній народъ, яко властолюбію западному совсѣмъ порабощенный, къ сему злому изобрѣтенію присталъ тѣмъ охотнѣе, что не иначе надѣялся совершенно поработить себѣ отечество наше, развѣ когда поколеблетъ въ немъ основаніе вѣры. Сей-то злой умыселъ въ тогдашней исторіи видитъ гражданинъ-христіанинъ.

Мы и нынѣ, читая сіе, содрогаемся; но и тогдашняго времени правовѣрные соотечественники наши видѣли сіе и трепетали, и уже усматривали начинанія злого умысла. Они, описывая то печальнѣйшими чертами, не столько черниломъ, сколько слезами наполнили свои описанія. „Но возгремѣ съ небесе Господь, и Вышній даде гласъ Свой“ (Псал., 17, 14),—и всѣ мечтанія рушились, бури утихли, и намять злоумышленниковъ погибла съ шумомъ. Отечество избавилось, Церковь успокоилась, яко залогъ ея вѣры остался невредимъ. Радуется россіянинъ-гражданинъ, но еще болѣе радуется россіянинъ-христіанинъ. И сію свою радость возвѣщаетъ вселенной симъ торжественнымъ ежегоднымъ празднованіемъ.

Празднуя же и радуяся, обязаны мы паче всего, чтобы быть благодарными къ Богу, Избавителю нашему. Ибо никакъ не можемъ быть

несмысленны до того, чтобы все то приписать или нашей силѣ, или храбрости, или изобрѣтеніямъ нашего разума; единственно все то устроилъ Богъ, яко всемогущій и милосердый, таковыми судьбами, каковыхъ мы и постигнуть не можемъ; а только можемъ дивиться, прославлять Божію благость и съ Пророкомъ воспѣвать: „возвеличилъ есть Господь сотворити съ нами: быхомъ веселящеся“ (Псал., 125, 3).

Но, чтобы сія радость наша была надежная и прочная, надобно знать, какимъ образомъ намъ изъявлять свою предъ Богомъ благодарность. Яко „граждане“, обязаны мы крѣпко хранить между собою любовь и согласіе, и общую пользу предпочитать собственной; а яко „граждане христіане“, обязаны всетщательно хранить священный залогъ вѣры и исполнять заповѣди ея.

Что до перваго нашего гражданскаго обязательства, то можемъ похвалиться не собою, но милостію Господнею. Ибо съ того несчастливаго времени даже доселѣ Россія постепенно возрастала и внутреннимъ благоустройствомъ, и изобиліемъ, и просвѣщеніемъ, и художествами, и промыслами, и мужествомъ воинства; и достигла до таковой высокой степени, что не токмо соблюла свои предѣлы въ цѣлости, но оные много и расширила; даже, покорила себѣ оный, прежде бывшій враждебный намъ, сосѣдній народъ, и присоединила къ своему благоустроенному тѣлу, а чрезъ то обратила на себя очи не токмо Европы, но и всѣхъ частей свѣта; и каждая страна почитаетъ себя счастливою, ежели почтена будетъ союзомъ и дружбою Россіи. Все сіе не могло бы никакъ послѣдовать, ежели бы особая къ намъ милость Божія не сохранила между нами любви и согласія, и ежели бы не расположила сердца всѣхъ такъ, что они собственною своею пользою охотно жертвовали общей.

Но что надлежитъ до другого обязательства, чтобы мы, яко граждане-христіане, сохраняли тщательно залогъ вѣры и исполняли бы заповѣди ея,—о семъ можемъ усумниться. „Смѣсишася языкомъ, и навыкоша дѣломъ ихъ“ (Псал., 105, 35), нѣгдѣ написано. Вѣра не можетъ хвалиться тѣмъ, чтобы она имѣла то уваженіе, какое соблюдали къ ней предки наши. Своевольство мыслей возобладало многими, а изъ того послѣдовало во многихъ и своевольство нравовъ; ослаблена священная узда вѣры. Не то, что утвердила древность, что освятила Церковь, не то—въ уваженіи; но суетныя мудрованія, внушаемыя отъ другихъ развратныхъ, и своихъ и чужихъ. Таковыя внушенія и примѣры тѣмъ соблазнительнѣе, что иныя происходятъ наиболѣе отъ людей, почитаемыхъ просвѣщенными.

Но не все то, что блеститъ, есть злато. Есть просвѣщеніе истинное, есть и ложное и пагубное. Все то просвѣщеніе есть вредное, ко-

торое разстраиваетъ святое правило вѣры, а чрезъ то и благонравіе. „Начало премудрости страхъ Господень, и совѣтъ святыхъ разумъ“ (Притч., 9, 10). А горькій плодъ таковаго ложнаго просвѣщенія мы и видимъ,—неограниченную роскошь. Всѣмъ жертвуютъ единой плоти и крови, и, чтобы вниманіе души не обратилось на что-нибудь лучшее, всю ее занимаютъ непрестанными увеселеніями и сладострастіями.

Ежели сіе правда (и дай, Богъ, чтобы мы обманывались въ семъ!), то что пользы въ той славѣ, которую Богъ по милости Своей даровалъ намъ? Такъ живя и поступая, мы, что одною рукою строимъ, то другою разрушаемъ, и благоустроенную храмину нечувствительно сами подкапываемъ. Ибо сія истина есть несумнительная и твердая, что ежели вѣра ослабнетъ, а съ нею вмѣстѣ и благонравіе, ибо они неразлучны: то не учинятъ никакой помощи ни просвѣщеніе, ни богатство, ни мужество. Все сіе есть сильно и дѣйствительно не иначе, какъ токмо на основаніи благочестія и благонравія; а безъ того они еще послужатъ средствомъ къ разрушенію. Когда врагъ человѣкъ нападалъ на отечество наше и на вѣру его, тогда, какъ видѣли мы, ничтоже успѣлъ: ибо Богъ, видя твердость вѣры нашей, вступился за насъ. Но когда Бога прогнѣваемъ, то откуда же останется намъ ожидать помощи? „Или раздражаемъ Господа? говоритъ Апостолъ, еда крѣпчайши Его есмы“ (1 Кор., 10, 22)?

Но, слава Богу! увѣренъ я, что есть еще между нами избранные Божіи и вѣрные рабы Его; и они-то, мню я, какъ и слово Божіе увѣряетъ, удерживаютъ мщеніе небесъ; и для нихъ-то щадитъ и насъ Господь. Но должны страшиться, дабы напослѣдокъ, по наполненіи чаши грѣховъ, не было намъ сказано: „Доколѣ буду съ вами? доколѣ терплю вы“ (Матѳ., 17, 17)?

О, Россіяне! о, православные Россіяне! возъимѣйте сіе святое честолюбіе, чтобы намъ тщательно хранить святую древность и священные ея законы. Пусть иноплеменные престанутъ намъ быть наставниками, а паче отъ насъ да научатся вѣрѣ къ Богу и благимъ дѣламъ. Чрезъ сіе единое средство явимъ мы прямую свою благодарность къ Богу за премногія Его къ намъ благодѣянія; отечество утвердимъ, Церковь утѣшимъ и праздники духовные будемъ совершать въ радости духовной. Аминь.

Слово на день Святителя Алексія *).

Се, днесь, Святителю Алексіе, предстала предъ тобою паства твоя и, узрѣвъ святые останки тѣла твоего изъ нѣдръ земныхъ откры-

*) Говорено въ Чудовѣ монастырѣ, 1803 года, мая 20 дня,

тыми, привѣтствуетъ тя радостно съ таковою благодатію Божіею: ибо сіе почитаетъ увѣреніемъ свыше, яко духъ твой опочиваетъ въ нѣдрахъ Божіихъ, егда и тѣло твое, яко святыня, предложена Церкви въ духовное благоуханіе. Ты убо благоволительно пріими наше усердное привѣтствіе и рцы, рцы намъ слово утѣшенія.

Но вижу, что сей долгъ возлагаеши ты на меня недостойнаго. Да возмогу ли я изрещи паствѣ твоей что-нибудь достойное тебя? Возмогу, ежели мои токмо будутъ уста и гласъ, но твой духъ и сила. О васъ же, благочестивое собраніе, увѣренъ я, что вы его слово чрезъ мои уста примете съ радостію. Ибо, по Евангелію, „овцы слушаютъ гласа добраго пастыря и по немъ идутъ; по чуждемъ же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа“ (Іоанн., 10, 4—5). Такъ, посему, есть гласъ „пастыря“, есть же гласъ и „чуждаго“; одного гласъ—„пастыря“ обязаны мы слушать, а другого—„чуждаго“ отвращаться и убѣгать. Но потребно великое благоразуміе, какъ узнать добраго пастыря, и какъ чуждаго; какія—примѣты того и другого, и какъ отличить одного отъ другого, дабы въ заблужденіи не принять одного за другого. „Никтоже“, написано, „пріемлетъ честь, токмо званный отъ Бога“ (Евр., 5, 4). Призываетъ Богъ или непосредственно Самъ Собою,—каковымъ образомъ призвалъ Онъ Моисея, Павла, пророковъ и всѣхъ апостоловъ, и многихъ другихъ; или чрезъ посредство другихъ, по Его же волѣ опредѣленныхъ. Такъ, напримѣръ, Апостолы, вмѣсто отпадшаго Іуды, съ призываніемъ имени Господня избрали въ апостольство Матѳея. И сей образъ призыванія Божія доселѣ соблюдается въ Церкви Христовой, и будетъ соблюденъ, доколѣ Церковь воинствующая пребудетъ на землѣ. Верховный Правитель Церкви поручилъ сіе священное право избранія и призыванія духовному правительству и паствѣ.

„Добрый“ убо „пастырь“ не только не ищетъ сей чести ли, или должности; но и не помышляетъ о томъ. Ревностно работаетъ онъ въ томъ упражненіи, какое ему поручено; а другого искать, или о томъ помышлять почитаетъ, что то было бы предвосхищать судъ Божій и самого себя дѣлать судіею или оцѣнителемъ своихъ заслугъ и достоинства. Сего онъ крайне остерегается, вѣдая, что сіе не можетъ происходить, развѣ отъ страсти честолюбія и корыстолюбія; проходитъ свою должность спокойно и во всемъ поручаетъ себя вышнему Божіему званію и поставленнымъ отъ Него. Сія есть первая примѣта „добраго“ пастыря. „И овцы гласа его слушаютъ, и по немъ идутъ“.

Но „чуждый“ не такъ поступаетъ. Онъ упреждаетъ званіе Божіе своими происками; у него въ виду—не трудъ, не спасеніе свое и другихъ, но одна наружная честь и корысть. Страсть имъ управляетъ, а огнь священной Божіей ревности сердца его не возжигаетъ, и потому онъ

лицемѣритъ, ласкательствуетъ, угождаетъ, подкупаетъ. Не ожидаетъ избранія другихъ, но самъ оцѣняетъ свои заслуги и выставляетъ ихъ великими, хотя нѣтъ никакихъ; а ежели и есть, то таковымъ самохвальствомъ ихъ уничтожаетъ. Евангеліе, о такихъ самозванцахъ разсуждая, говоритъ, что онъ „входитъ не дверьми, но прелазитъ инудѣ“, инымъ путемъ; и потому есть не пастырь, „но тать и разбойникъ“ (Іоанн., 10, 1). Есть „чуждый, и овцы по немъ не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа“.

„Добраго пастыря“ избираютъ тѣ, коимъ таковое избраніе поручено отъ Бога. Избраніе же совершаютъ не по страсти, не съ небреженіемъ и поспѣшеніемъ, но съ великимъ вниманіемъ и совѣтомъ. Разсматриваютъ всю жизнь избираемаго, какъ онъ препроводилъ отрочество, какъ—мужескій возрастъ,—оказалъ ли явные и ощутительные знаки благочестія и благонравія, силенъ ли дѣломъ и словомъ, и имѣетъ ли всѣ тѣ свойства, какихъ Апостолъ требуетъ отъ христіанскаго пастыря. Все сіе обрѣтши въ комъ, достойно его избираютъ; и таковымъ образомъ избраннаго „овцы гласа его слушаютъ, и по немъ идутъ“.

Но такъ ли избирается „чуждый“? Нѣтъ! его не другіе, но самъ себя избираетъ: употребляетъ всѣ тѣ происки и коварства, о конхъ мы выше упомянули. Ежели же онъ избирается, то или отъ таковыхъ же, каковъ онъ самъ, или отъ сильнѣйшихъ, кои также по страсти, или безъ осторожности къ сему избранію приступаютъ и смотрятъ болѣе на наружность, нежели испытуютъ внутренность; или видомъ святыни лицемѣрно онъ прикрываетъ себя и тѣмъ обманываетъ избирателей, и входитъ во дворъ овчій, яко волкъ, но во одеждѣ овчей. И потому овцы, узнавъ сіе, „по немъ не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа“.

„Добрый пастырь“, достойно избранный при собраніи всей Церкви, чрезъ молитвы и рукоположеніе законными пастырями посвящается Богу, и благословеніе Божіе изливается на него, яко муро, сходящее на главу Ааронову, сходящее даже на край священныя одежды его. И потому вся Церковь при семъ дѣйствіи громко и единодушно возглашаетъ: „ἄξιος“, то есть, „достоинъ“, и тѣмъ утверждаетъ его избраніе; и потому „овцы гласа его слушаютъ, и по немъ идутъ“.

Но „чуждый“ посвящается или незаконными пастырями, какъ не мало таковыхъ примѣровъ представляетъ церковная исторія, или и законными пастырями, но при рукоположеніи ихъ наружномъ не рукополагаетъ его внутренно Духъ Святый. И хотя при семъ обрядѣ и провозглашается также: „достоинъ“; но сіе провозглашеніе бываетъ гласомъ, а не духомъ; не по внутреннему увѣренію о его достоинствѣ, но по невѣдѣнію и по одному обряду. И потому „овцы по немъ не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа“.

„Добрый пастырь“ ревностно упражняется въ ученіи и въ наставленіи паствы своея. Онъ, съ Апостоломъ, и чувствуетъ и говоритъ: „Горе мнѣ, аще не благовѣствую“ (1 Коринѳ., 9, 16)! Вѣдаетъ онъ, что проповѣдуемое слово Божіе есть пища духовная,—и потому крайне страшится, чтобъ души христіанъ не попустить страдать и умирать отъ сего бѣдственнаго глада. Учитъ же не изъ блатныхъ потоковъ, но изъ источниковъ Израилевыхъ, то есть, не изъ своей головы, не по суевѣрнымъ преданіямъ, не по правиламъ мірскимъ, но единственно изъ слова Божія, Пророками и Апостолами намъ преданнаго; единственно на семъ незыблемомъ основаніи утверждаетъ всѣ свои слова, разсужденія и положенія, вѣдая, „яко никто же иного основанія можетъ положити, паче лежащаго, еже есть, Іисусъ Христосъ“ (1 Коринѳ., 3, 11). И потому „гласа его слушаютъ, и по немъ идутъ“.

А „чуждый“ или нерадитъ въ учительствѣ, или къ тому и неспособенъ, или препровождаетъ время въ праздности и убѣгаетъ труда. А ежели когда „чуждый“ и учитъ, то еще меньше пользы; а больше—вреда, ежели онъ учитъ. Выставляетъ свои нелѣпыя мудрованія за правила, выводитъ и заключаетъ все изъ гнилыхъ и суевѣрныхъ преданій. Нѣтъ въ словѣ его ни силы, ни благодати, яко нерастворенномъ солію премудрости Христовой. Изъ того удобно выходятъ суевѣрія, ереси и расколы: самъ, будучи слѣпъ, и другихъ слѣпыми творитъ; слѣпецъ слѣпца водитъ, и оба въ яму впадаютъ. И потому благоразумныя и добрыя „овцы по немъ не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа“.

„Добрый пастырь“ не ищетъ своего, но „яже ближняго, яже Господа Іисуса“. Великимъ пріобрѣтеніемъ почитаетъ для себя, аще и единаго заблудшаго обратитъ; а паче, аще паству свою сохранитъ цѣлу отъ разврата въ вѣрѣ и нравахъ. „Не ищу“,—вопіетъ съ Павломъ,—„вашихъ, но васъ“ (2 Коринѳ., 12, 14). Впрочемъ, живетъ скромно, воздержно, всякой пышности и расточительности убѣгаетъ; а къ корысти не только не жаденъ, но и свое праведное на бѣдныхъ и нищихъ расточаетъ; ищетъ токмо царства Божія и правды Его, а прочимъ всѣмъ нужнымъ Богъ снабжаетъ его. О таковомъ пастырѣ овцы радуяся, „гласа его слушаютъ и по немъ идутъ“.

Но „чуждый“ ищетъ только своего, а не Божіяго,—и не пользы ближняго: ищетъ только своей корысти и наружнаго величія. „Горе вамъ, книжницы и фарисее лицемѣри, яко одесятствуете мятву, и копръ, и кумінъ“, то есть, весьма прилежно наблюдаете, чтобъ не опустить—взять десятины съ послѣдней травки: „и остависте вящшая закона, судъ и милость и вѣру“ (Матѳ., 23, 23). „Горе вамъ, книжницы и фарисее лицемѣри, яко любите преждевозлеганія на вечеряхъ и первосѣданія на

сонмищахъ и цѣлованія“, то есть поклоны, „на торжищахъ, и зватися отъ человѣкъ: учителю, учителю!“ (Мато., 25, 6 и 7). По таковомъ, „чуждомъ“ благоразумныя „овцы не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа“.

„Добрый пастырь“ есть мужественъ и не боязливъ въ обличеніи развратныхъ и явныхъ преступниковъ. Говоритъ онъ огнемъ ревности Божіей, и все и самую жизнь за мало поставляетъ, только бы обличить и посрамить дерзкое преступленіе. Говоритъ съ Пророкомъ: „Глаголахъ о свидѣніихъ Твоихъ предъ цари, и не стыдяхся“ (Псал., 118, 46). „Азъ на сіе пріидохъ, да свидѣтельствую истину“ (Іоанн., 18, 37). Впрочемъ, „блаженъ есмь, аще поносятъ мя и ижденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ лжуще на мя, правды ради“ (Мато., 5, 11). Ревность таковаго пастыря овцы ублажаютъ, „и гласа его слушаютъ и по немъ идутъ“.

Но „чуждый“ есть малодушенъ, ласкатель и человѣкоугодникъ: елеемъ зловоннымъ умащаетъ главу грѣшника. Боязливъ, ибо, почитая паче всего свою наружную честь и корысть, страшится, чтобы чрезъ свободное обличеніе сильныхъ лицъ, всего того не потерять. Предательствуетъ все, да и санъ свой, и приноситъ Церкви соблазнъ; и потому добрыя овцы „по немъ не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа“.

Много бы еще можно было сказать о сей важной вещи; но и самъ изнемогаю силами, и васъ болѣе отяготить долготою слова не хощу. А только прошу, чтобы вы, узнавъ примѣты добраго пастыря и чуждаго, гласа перваго слушали бы и по немъ бы ходили, а по чуждемъ бы не ходили, но бѣжали бы отъ него, яко „не знающіе чуждаго гласа“.

И сіе мое увѣщаніе почтите не моимъ, но наставленіемъ святителя Алексія. Гласъ мой былъ токмо, а сила и духъ его, „добраго пастыря“. Сіе его угощеніе—вамъ, добрымъ пирователямъ! вкусите и видите, яко онъ—щедръ угоститель, добрый домовладыка и любящій своихъ овецъ пастырь. Вы же за сіе возблагодарите его. Онъ ничего болѣе не желаетъ, какъ чтобы вы, взирая на доброе его пастырство, на добрую его жизнь и на благую кончину его жительства, подражали вѣрѣ его. Аминь.

Слово на день Святыя Троицы *).

Храмъ священный! обратися днесь въ Сіонскую горницу. Да будетъ симъ обрадована вѣра наша. Явится, небесные огни, и горите

*) Говорено въ лаврѣ, въ Троицкомъ Соборѣ, 1803-го года, мая 24 дня.

на верхахъ главъ нашихъ; колебайся и возшуми, воздухъ, и тѣмъ приведи въ движеніе нашъ духъ и языкъ, дабы они могли возвѣщать величія Божія!

Но чего мы, братіе, желаемъ, то состоитъ въ нашей волѣ. Столькото Богъ все милосердо для насъ устроилъ! Чтобы сей храмъ перемѣнился въ Сіонскую горницу, перемѣни ты, христіанинъ, свою душу. Чтобы на верху твоей главы возгорѣлъ огонь небесный, возжги ты сердце свое любовію къ Богу и къ ближнему. Чтобы воздухъ поколебался и возшумѣлъ, да возгремятъ не столько изъ устъ, сколько изъ души твоея усердныя молитвы, пѣсни и пѣнія духовныя. Таковымъ образомъ ты произведешь сію вожделѣнную и чудесную перемѣну, таковая послѣдуетъ измѣна десницы Вышняго.

И самые Апостолы удостоились сего не потому только, что Богъ восхотѣлъ явить на нихъ особенное благоволеніе Свое; но и потому, что они къ принятію того расположили себя надлежащимъ образомъ. Ибо точно о нихъ пишутъ Дѣянія Апостольскія, что они, до сошествія на нихъ Святаго Духа, „въ горницѣ Сіонской терпѣли единодушно въ молитвѣ и моленіи“ (Дѣян., 1, 14). Вотъ, каково было ихъ расположеніе! Таковое должно быть и наше, ежели мы хочемъ удостоиться съ Апостолами того же дара. Такъ довольно для нынѣшней бесѣды нашей, ежели объяснимъ сіи четыре слова: „терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи“.

И во-первыхъ: Апостолы „терпѣли“. Что терпѣли они? Еще не были они ни въ какихъ гоненіяхъ и страданіяхъ: были по внѣшности спокойны, да и духомъ не смущались, а, напротивъ, радостны о Господѣ. Терпѣніе ихъ относилось до вѣры ихъ. Апостоламъ обѣщано многое и великое: „Пріимете“, сказано имъ, „силу, нашедшу Святому Духу на вы“ (Дѣян., 1, 8). Но какую силу? Утверждаетъ то Господь, даже съ клятвою: „Аминь, аминь, глаголю вамъ, вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ“ (Іоан., 14, 12). Столь великія и необыкновенныя обѣщанія не могли ли каждаго человѣка поколебать сомнѣніемъ? Господь творитъ столь великія дѣла и чудеса, каковыя можетъ творить токмо единъ Богъ: какъ! неужели и человѣку таковая сила можетъ быть дарована? да не таковая токмо, но еще и большая? Нѣтъ! сему статься не возможно: сіе есть или тщетное ласканіе, или хитростное льщеніе. Такъ подумалъ бы всякъ, коего душа не вся въ Богѣ, и въ душѣ коего не весь—Богъ.

Но Апостолы были одушевлены сею сильною вѣрою. Они слышали таковыя обѣщанія и приняли ихъ за неложныя. И, хотя проходило время, не видѣли тому исполненія, никакихъ къ тому не открывалось и слѣдовъ. А, напротивъ, оный великій Обѣщатлье и Самъ схва-

ченъ іудеями, ругательно мучимъ, безчеловѣчно распятъ и погребенъ, а потомъ и совсѣмъ ихъ оставилъ: облако навсегда скрыло Его отъ очесъ ихъ. Однако, со всѣмъ тѣмъ, они ни мало не колебались: ожидали съ несумнительнымъ увѣреніемъ, яко, столь явно и сильно доказавый Свое Божественное посольство, никакъ солгать не можетъ. Что же не такъ скоро, какъ они могли желать, Свое обѣщаніе исполняетъ, — почитали, что Господь, яко премудрый и благопромыслительный, знаетъ, въ какое время и когда для нихъ и для дѣла Евангелія полезнѣе исполнить то, а непремѣнно исполнитъ; и потому „терпѣли“ благодушно, ожидали съ терпѣніемъ, утверждаемымъ полною вѣрою.

Се—образецъ и для насъ къ подражанію! Да не сумнимся нимало, христіане, что Богъ непремѣнно и для насъ исполнитъ все то, что обѣщалъ намъ. Обѣщалъ Онъ, что, аще чего мы просимъ отъ небеснаго Отца во имя Его,—конечно, то дастъ намъ. Просимъ ли отъ Него просвѣщенія, отпущенія грѣховъ, помощи въ побѣжденіи страстей и въ различныхъ искушеніяхъ, избавленія отъ бѣдъ и напастей,—непремѣнно то дастъ намъ, ежели только просимъ съ добрымъ намѣреніемъ, съ твердою вѣрою и съ надлежащимъ расположеніемъ.

А съ какимъ расположеніемъ, паки посмотримъ мы на Апостоловъ. Они,—написано,—„терпѣли въ молитвѣ и моленіи“. Изъ каковаго сердца, съ какимъ напряженіемъ духа, съ какимъ жаромъ, съ какимъ восторгомъ происходила сія молитва, я сего не испытываю: ибо сіе была тайна, Духомъ Святымъ въ сердцѣ ихъ запечатлѣнная. А желалъ бы только знать, чего они въ молитвѣ своей отъ Бога испрашивали. Я мню, что они единственно размышляли о великомъ своемъ посольствѣ, возложенномъ на нихъ, чтобы идти и проповѣдывать Евангеліе всей тварп. Видѣли, какой великій подвигъ предстоитъ имъ, какія затрудненія, какія бѣды и напасти,—и потому пріуготовляли для сего всѣ оружія Божіи. Испытывали слово Его, просвѣщали мысль, очищали сердце и укрѣпляли духъ, собирали всѣ силы душевныя и тѣлесныя, чтобы соотвѣтствовать въ точности возложенному на нихъ Апостольству и не посрамить сего великаго званія Божія. А какъ ко всему тому признавали себя быть недовольными: то прибѣгали къ спасительному средству молитвы, ею испрашивали вразумленія, укрѣпленія, утѣшенія, защищенія у Того, Который призвалъ и опредѣлилъ ихъ на сію должность, вѣруя несомнѣнно, что Онъ, избравъ ихъ Апостолами, конечно споспѣшитъ и сотворитъ, что Апостольство ихъ будетъ и благоуспѣшно. Въ семъ, мню я, состояла ихъ молитва. А что прибавлено: „въ молитвѣ и моленіи“,—сіе „моленіе“ заключалось непрестанномъ ихъ упражненіи въ молитвѣ: не одинъ день, не

одинъ во дни часъ, но каждый день, каждый почти часъ Апостолы содержали себя въ семъ святомъ упражненіи.

Се—паки Апостолы суть для насъ образецъ къ подражанію! И мы, чего желаемъ получить отъ Бога, должны къ Нему прибѣгать молитвою и моленіемъ. Не пристойно думать, что Богъ даруетъ намъ по благости Своей, хотя бы мы и не просили Его. Конечно, Богъ даруетъ вся и всѣмъ по единой благости Своей; но къ принятію Его даровъ нужно къ тому пристойное расположеніе твоей души, или, по крайней мѣрѣ, чтобы съ твоей стороны не было къ тому препятствія и преграды: по крайней мѣрѣ съ усердіемъ прими даемую благодать, а не презирай и не отвергай оную. Кто же молитвою не испрашиваетъ отъ Бога надлежащихъ благъ и испрашивать не хощетъ,—есть явный знакъ, что его сердце ожесточено и развратно. А посему хотя бы и у дверей сердца его благодать сидѣла и толкала; но когда сердце таково, и дверей твоихъ не отверзаетъ, то и благодать въ него не входитъ, и съ сожалѣніемъ его оставляетъ; а чрезъ то онъ лишается и благъ спасенія, и болѣе ожесточается во злѣ и развращается. Почему не только должны мы къ Богу прибѣгать съ молитвою, но и съ моленіемъ, то есть, не временнымъ и часовымъ, но всегдашнимъ, ежедневнымъ и прилежнымъ въ молитвѣ упражненіемъ. Ибо, кто молится рѣдко и случайно, тотъ видимо доказываетъ, что онъ развлеченъ мыслями: объ одномъ молится, а о другомъ думаетъ,—что онъ молится съ нерадѣніемъ и съ холодностію духа; а потому, не имѣя въ душѣ надлежащаго расположенія, самъ себѣ препятствуетъ, чтобы благость Божія снабдила его дарами Своими.

Но паки намъ нужно обратиться къ Апостоламъ: ибо о нихъ не только сказано, что они пребывали, „терпяще въ молитвѣ и моленіи“; но и прибавлено: „единодушно“. Сіе слово весьма важно: ибо оно есть основаніе и печать и вѣры терпѣливой, и молитвы, и моленія.

Единодушіе Апостоловъ было почти безпримѣрное и неподражательное. О нихъ слово истины свидѣтельствуетъ, что была въ нихъ „душа едина и сердце едино“ (Дѣян. 4, 32),—хотя вѣрующихъ и къ вѣрѣ новообращенныхъ были многія тысячи.

О, чудо! мнѣ, размышляющему о семъ, представляется, что я вижу нѣкоторый прекрасный и Божественный образъ, который сліянъ во едино изъ злата и сребра и драгихъ камней премудрою и преискуснѣйшею рукою. Сіе сліяніе ихъ душъ и сердецъ во едино было столь чудесно, что собственныя свои имѣнія не почитали своими, но общими: никто изъ нихъ не говорилъ: „сіе мое, а то твое“; все общее обращалось на каждаго, какъ бы было его собственное. При такомъ едино

душіи, какъ не быть вѣрѣ ихъ терпѣливой? какъ не быть молитвѣ ихъ усердной? какъ не быть моленію ихъ безпрерывному? А потому какъ Богу не исполнить желанія таковыхъ святыхъ богомольцевъ?

Такъ отречемся ли мы подражать столь похвальному примѣру? Развѣ бы мы были столь отчаянны, чтобы никакихъ отъ Бога благъ получить не желали. Взирая на Апостольскій примѣръ, Церковь, при всякомъ моленіи, напоминаетъ намъ и вопіетъ: „Миромъ Господу помолимся; миромъ, миромъ“,—то есть, въ любви и согласіи. А безъ того и молиться намъ не велѣно, или молитва наша будетъ безплодна.

О, Боже! мы весьма удалены отъ единодушія Апостольскаго. Хотя бы уже то въ насъ было, чтобы мы не ссорились съ другими, не враждовали, не злобствовали, не искали бы всячески причинить другимъ обиды, или отомстить гораздо больше, нежели сколько мы опечалены... Но постой! когда въ тебѣ нѣтъ единодушія Апостольскаго, а, напротивъ, вражда и злоба—противъ брата своего: то уже не только молитва твоя будетъ отвержена, но и запрещено тебѣ съ таковою молитвою ступать и на порогъ церковный. Меньше бѣды оставить молитву, нежели съ таковымъ враждебнымъ сердцемъ дерзать—явиться предъ лице Божіе. „Аще принесеши даръ твой ко алтарю“, а между тѣмъ нѣчто въ сердцѣ имѣешь противъ брата твоего, остановись: поди, „прежде примирись съ братомъ твоимъ, и потомъ уже пренесеши даръ твой ко алтарю“ (Матѳ., 5, 23 и 24).

Теперь вспомнимъ начало слова нашего. Мы желали, чтобы храмъ сей обратился въ горницу Сіонскую,—чтобы небесные огни возгорѣли на верху главъ нашихъ, и воздухъ, поколебавшись, возшумѣлъ бы благочестивымъ въ насъ движеніемъ. Ежели сего желаемъ, да расположимъ себя, яко же Апостолы, „терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи“; тогда и оная чудесная перемѣна воспослѣдуетъ, и я васъ могу увѣрить отъ лица Божія, яко „пріимете силу, нашедшу Святому Духу на вы“. Аминь.

Слово на день преподобнаго Сергія *.

Празднуемый нами преподобный Сергій, сколько ни удалялся отъ міра, сколько ни скрывалъ себя въ пустынныхъ, безлюдныхъ мѣстахъ и въ лѣсахъ непроходимыхъ, думая, что едва ли и лучи солнечные могутъ проникнуть на него сквозь густоту дубравъ; однако, со всѣмъ тѣмъ, укрыться не могъ. А для чего?—для того, что все усиліе его

*) Говорено въ Троице-Сергіевой лаврѣ, іюля 5 дня, 1803 года.

превозмогла Евангельская правда, которая навѣки утверждаетъ, яко „не можетъ укрытися градъ верху горы стояй“ (Матѳ., 5, 14).

Пусть такъ! не столь удивительно, что укрыться не можетъ градъ, который стоитъ на высокомъ верху горы; но положеніе Сергіево, кажется, было совсѣмъ не таково. Онъ не на верху горы водрузилъ себѣ хижину, но въ глубокой долинѣ, закрытой отовсюду темнотою лѣсовъ, кои были никому непроходимы, и слѣдовъ человѣческихъ тутъ не было. Сіе-то можетъ удивить насъ, какъ онъ, спрятавъ себя въ таковое убѣжище, не могъ сокрыться отъ человѣковъ. Сего-то изыскать намъ требуетъ похвальное любопытство, и я, вашимъ усердіемъ побуждаемый, въ сіе взойти теперь намѣренъ.

Я скажу, что прямо добродѣтельные люди, по Апостольскому слову, „задняя забываютъ, а въ предняя простираются“ (Филип., 3, 13), то есть, сколько они ни подвизаются, сколько ни успѣваютъ въ подвигѣ своемъ, но о семъ мало, или и совсѣмъ не помышляютъ. Сколько благихъ дѣлъ ни дѣлаютъ; однако, по истинному о себѣ смиренномудрію, думаютъ, что они ничего еще добраго не сдѣлали, все признаютъ себя грѣшниками, все находятъ нужду болѣе и болѣе подвизаться, болѣе и болѣе умерщвлять страсти, и ни мало въ семъ славномъ ходу не останавливаться, но идти далѣе и далѣе, въ „предняя“ простираться дотолѣ, доколѣ не достигнутъ назначенной меты и не получатъ побѣдоноснаго вѣнца на небесѣ.

Что же, при таковомъ поступкѣ праведныхъ, дѣлаетъ Подвигоположникъ Богъ? Чѣмъ болѣе они смиряютъ себя, тѣмъ болѣе Онъ ихъ возвышаетъ; чѣмъ болѣе себя скрываютъ, тѣмъ болѣе Онъ ихъ открываетъ! Чудное и странное зрѣлище! Праведнымъ смиреннымъ очамъ представляется, что они все—въ одномъ скрытомъ и униженномъ положеніи; а того и не усматриваютъ, что они нечувствительно, но отчасу выше подымаются, возвышаются не на верхъ высочайшей горы, но на самое превыспреннее небо: ибо приближаются къ Богу столь близко, что даже соединяются съ Нимъ. И когда Промыслъ имъ откроетъ такое ихъ возвышеніе, они удивляются, признаютъ себя того быть недостойными, все приписываютъ не своимъ заслугамъ, но единому милосердію всеблагаго Бога, и въ восторгѣ вопіютъ: „Сія измѣна десницы Вышняго“ (Псал., 75, 11); „и есть дивно во очесѣхъ нашихъ“ (Псал., 117, 23).

Сія-то есть причина, что праведники сколько ни удаляются отъ міра, сколько ни скрываютъ себя отъ человѣкъ, но укрыться не могутъ. „Не можетъ градъ укрытися верху горы стояй“.

Такъ пусть умолкнутъ тѣ дерзновенія и безразсудныя уста, кои думаютъ и говорятъ, что аки бы таковые святые подвижники, удаляющіеся отъ міра, суть для міра безполезны. Когда Богъ толико ихъ

возвышаетъ, и сіяніе ихъ добродѣтели открываетъ всѣмъ: то пусть же они скажутъ, что и солнце, какъ крайне отъ насъ удаленное, есть для міра безполезно, и міръ не освѣщается имъ. Слышите вы привѣтствіе, коимъ избранный сосудъ величаетъ таковыхъ сокровенныхъ праведниковъ: „Вы являетеся, яко свѣтила въ мірѣ, посредѣ рода строптива и развращена“ (Филип., 2, 15)?!.

Еще меньше они видны были бы, если бы всѣ на землѣ были праведные, ибо свѣтъ при свѣтѣ не столько виденъ, но при тьмѣ виднѣе свѣтъ: „посредѣ рода строптива и развращенна“. Хотя бы открылось и малое сіяніе добродѣтели, она уже въ сей глубокой тьмѣ блистаетъ, яко звѣзда въ нощи на тверди небесней.

Но почтоже бы имъ удаляться отъ міра, гдѣ свѣтлость ихъ добродѣтели болѣе была бы открыта, а потому и болѣе бы пользовала?— для того, что они благоразумно опасаются, дабы, сближаясь съ родомъ строптивымъ и развращеннымъ, яко съ густѣйшею тьмою, не уменьшить своего сіянія, или и совсѣмъ не помрачить. Гласъ Божій непрестанно въ сердца ихъ вопіетъ: „Изыдите отъ среды ихъ, и нечистотѣ ихъ не прикасайтеся“ (Ис., 52, 11): „прикасаяйся бо смолѣ очернится“ (Сирах., 13, 1); „и съ беззаконнымъ беззаконенъ будеши, и со строптивымъ развратишися“ (Псал., 17, 27). Таковымъ образомъ поступая, и праведники добродѣтель свою отъ повреженія предохраняютъ,—и развратные, сквозь таковую вездѣ разлившуюся тьму, болѣе сіяніе ихъ усматриваютъ; а потому удаленіе праведниковъ отъ развратнаго міра не только не лишаетъ міръ ожидаемой отъ нихъ помощи, но еще тѣмъ болѣе пользуетъ.

Добродѣтель, сколько бы куда ни скрывалась, не можетъ быть удалена отъ міра; а удаляетъ отъ міра и скрываетъ каждаго его порокъ, хотя бы онъ всегда и жилъ среди міра. Удаляется же отъ міра развратный не тѣмъ, чтобы онъ самымъ дѣломъ удаленъ и сокрытъ былъ: нѣтъ! онъ очень близокъ и виденъ; но тѣмъ, что отъ него никто никакой пользы, кромѣ вреда, не получаетъ. А потому всѣмъ желательно, чтобы развратный человѣкъ отъ міра былъ удаленъ и сокрытъ, и никогда не былъ бы открываемъ,—чтобы зараза его беззаконія не совратила и другихъ.

А посему объ удаленіи отъ міра и объ уединенной жизни должны мы судить, что онѣ не сами по себѣ что-нибудь значатъ, или заслуживаютъ похвалу. Нѣтъ! и въ удаленіи отъ міра, и въ жизни уединенной иной можетъ быть развратенъ, или лицемѣръ, скрывающій только по наружности свою внутреннюю злость. Удаленіе отъ міра и уединенная жизнь не только не спасетъ таковаго, но болѣе осуждаетъ и погубляетъ. А при удаленіи міра, заключивъ себя въ уединенной жизни,

необходимо потребно, чтобы онъ удалилъ отъ себя всѣ прихоти міра, жилъ бы единъ для единаго Бога и, содержа душу въ чистотѣ, а сердце наполнивъ любовію къ Богу и къ ближнему, единственно стремился бы достигнуть вѣчнаго отечества, ничего для себя не желая и не ища въ мірѣ семъ. При таковомъ токмо расположеніи души, удаленіе отъ міра и уединенная жизнь есть богоугодна; и она хотя удаляетъ праведника отъ міра мѣстомъ, но непользованіемъ: далекъ онъ разстояніемъ мѣста, близокъ спасительнымъ примѣромъ и молитвами.

Но изъ отдаленныхъ и пустынныхъ мѣстъ прейдемъ мы въ общежительства и грады. Многіе и въ мірѣ суть добродѣтельны, но, къ несчастію, нерѣдко теряютъ цѣну своей добродѣтели: много подвизаются, но вотще, ибо они не удаляются отъ міра. Я здѣсь не разумѣю удаленіе въ пустынныя и уединенныя мѣста, но удаленіе отъ самихъ себя, отъ собственности своей, отъ пристрастнаго самолюбія. Кто творитъ добродѣтель, но въ виду имѣетъ свою страсть и свои выгоды, тотъ не удаляется отъ міра, ибо не удаляется отъ самого себя; тотъ слишкомъ близокъ къ себѣ, но далекъ отъ добродѣтели, далекъ отъ Бога.

Кто молится (что есть превосходнѣе сей бесѣды съ Богомъ?), кто молится, но съ тѣмъ, „да видимъ будетъ отъ человѣкъ“ (Матѳ., 6, 5), и чтобы его почитали за богомола,—того молитва будетъ безполезна, и трудъ его тщетенъ: ибо сія молитва есть лицемѣрна. Кто подаетъ милостыню, или даетъ немалые вклады въ церкви, но съ тѣмъ, чтобы всѣ видѣли то, и всѣ зато хвалили его, яко человѣка набожнаго и щедраго,—таковое подаяніе не заслуживаетъ никакой у Бога ни похвалы, ни награды. Кто другимъ дѣлаетъ добро, но съ тѣмъ, чтобы получить отъ нихъ равное или большее,— сіе истиною Божіею не похваляется.

Всякъ, какое бы доброе дѣло ни дѣлалъ, но ежели то дѣлаетъ не единственно отъ любви къ Богу и къ ближнему, а для своей какой либо сокровенной страсти,—тотъ не удаляется отъ міра, не удаляется отъ себя, не любитъ добро, не любитъ и ближняго и Бога, а только любитъ самого себя; и потому, какой бы подвигъ онъ ни имѣлъ, сколько бы умѣнія ни истощавалъ, все есть не богоугодно и тщетно.

И потому чистѣйшая истина Евангелія предписываетъ, чтобы мы, молимся ли, молились бы Отцу небесному въ тайнѣ,—творимъ ли милостыню, такъ расположили бы себя, чтобы не знала самая наша шуйца, что творитъ десница наша. Дѣлаемъ ли кому какое благодѣяніе, или одолженіе, дѣлали бы такъ, чтобы ничего за то отъ человѣкъ не ожидали, а отъ единаго Отца небеснаго, „Иже, видя дѣла наши въ тайнѣ, воздастъ намъ нѣкогда явѣ“ (Матѳ., 6, 6). А если мы, христіане, не такъ поступаемъ, Евангеліе почитаетъ насъ лицемѣрами, почитаетъ насъ язычниками, которые любящихъ ихъ любятъ и взаимъ даютъ, но съ

тѣмъ, да воспріимутъ равная, или и большая; а посему, по Евангелію, „воспріемлютъ они мзду свою“ (Матѳ., 6, 16). За свой трудъ и подвигъ, за снабженія получаютъ они въ награду отъ человѣкъ суетную похвалу, наружныя величанія, часовыя почести, глупое удивленіе и разглашеніе; но отъ Бога уже они ничего ожидать не могутъ: Богъ имъ ничѣмъ не одолженъ, поелику творили все не для Него, но для человѣковъ. „Воспріемлютъ мзду свою“.

Изъ таковаго нашего, основаннаго на истинѣ Божіей, разсужденія видимъ, возлюбленніи, что удаленіе отъ міра, при святомъ расположеніи души, не можетъ предъ свѣтомъ скрыть добродѣтели нашей и сдѣлать, чтобы она осталась безполезною. Но и въ міру живущіе не меньше одолжены удаляться отъ міра, или, что еще болѣе, отъ самихъ себя, отъ самолюбія, пристрастія и лицемѣрія, дабы добродѣтель наша была чиста, безъ примѣси всякаго порока. Итакъ, по тому ли, или по другому пути Богомъ расположенъ кто идти, да не останавливается нимало въ семъ святомъ подвигѣ; но, „задняя забывая, въ предняя“ непрестанно да „простирается“, побуждаемый святымъ примѣромъ празднуемаго нами преподобнаго Сергія, и вспомоществуемый ходатайствомъ его святыхъ молитвъ. Аминь.

Слово на день Преображенія Господня *).

„Ѳаворская“ гора удостоилась быть осіянна особеннымъ свѣтомъ преобразившагося на ней Господа; „особеннымъ“, говорю, ибо апостольскія очи не могли понести сіянія свѣта сего: бывъ поражены имъ, они „пали ницъ на землю“ (Мѳ. 17, 6). Слѣдовательно, сіяніе сіе было сильнѣе солнечнаго: поелику, взирая на солнце, мы хотя нѣкоторымъ образомъ аки ослѣпляемся, но на землю не падаемъ.

Гораздо прежде сего достопамятнаго случая, въ той же странѣ, удостоилась быть почтена также присутствіемъ Божіимъ другая гора, „Синайская“; но съ сею горою случилось совсѣмъ другое: она вся трепетала, громы и молніи въ густотѣ страшнаго дыма испускала. Далеко стоящіе люди, взирая на сіе, ужасались и не дерзали къ ней приближаться не только по таковому страшному явленію, но и по точному воспрещенію силъ Господа, что не токмо человѣкъ, но аще бы и звѣрь къ ней приблизился, долженъ тотчасъ смертію умереть.

Се—двѣ горы! Се—на обѣихъ ихъ присутствіе единаго Господа! Се—на обѣихъ ихъ удивительное чудодѣйствующаго Бога явленіе, но

*) Говорено въ Вненніи, 1803 года, августа 6 дня.

явленіе различное, и одно предъ другимъ совсѣмъ особаго свойства! На Ѳаворѣ Богъ—во свѣтѣ неприступнѣмъ, и на Синаи—то же; но на Ѳаворѣ—свѣтъ радостный, на Синаи—страшный; на Синаи—громъ, молніи и дымъ; на Ѳаворѣ—изліяніе свѣта сладчайшее и восхитительное. На Синаи всѣ, взирая на явленіе, ужасались и приближаться не дерзали, дабы не быть пораженнымъ смертію; на Ѳаворѣ, хотя и пали на землю Апостолы, но не отъ страха, а отъ восторга радостнаго: ибо они не только приблизиться къ сей горѣ не боялись, но еще желали и просили, дабы на сей самой горѣ водрузить три сѣни и вѣчное на ней утвердить пребываніе.

И потому гора Синай колебалась и трепетала, а Ѳаворъ скакалъ и игралъ отъ радости, какъ то Пророкъ, предвидѣвъ, давно припѣвалъ на Божественныхъ гусляхъ своихъ: „Ѳаворъ и Ермонъ о имени Твоемъ возрадуются“ (Псал., 33, 13).

Всякая гора на каждомъ мѣстѣ во вселенной есть единаго и того же естества и свойства, какъ Ѳаворъ и Синай. Единъ есть Богъ, едино Его существо, едино управленіе всѣхъ тварей Его, едино Его промышленіе о Церкви Своей; но различныя Его намѣренія, различныи дѣйствія, различныя судьбы. Мудрость Евангельская велитъ намъ—не токмо различныя дѣйствія и явленія Божіи, но и самыя слова Его разумѣть не по наружности, а по внутренности; брать ихъ не въ той силѣ, какъ мы или очами видимъ, или ушами слышимъ, но въ силѣ понятія разумнаго и въ смыслѣ духовномъ. „Глаголы,—говоритъ Спаситель,—яже Азъ глаголю, духъ суть и животъ суть, а плоть не пользуетъ ничтоже“ (Іоанн., 6, 63).

Такъ что же мы должны духовно разумѣть чрезъ оныя различныя Божіи явленія на Ѳаворѣ и на Синаи? На Синайской горѣ дарованъ былъ „законъ“; на Ѳаворской открывалась „Евангельская благодать“. Зная свойства закона и благодати, всякъ можетъ понять, что явленія тѣ на горахъ были приноровлены къ симъ двумъ свойствамъ; или, паче, своими сходствами они изображали ихъ, и какъ бы представляли предъ очи.

Законъ былъ ясное и точное повелѣніе Бога Вседержителя, что человѣку творить, и чего не творить. И если за совершенное исполненіе всего закона обѣщана жизнь вѣчная, то, напротивъ, за преступленіе онаго, хотя бы и въ малѣйшемъ, объявлено проклятіе, отчужденіе отъ Бога и осужденіе. Не заключалось тутъ никакой средины, не было мѣста помилованію, или раскаянію для преступника, да и не могло быть мѣста. Ибо миловать, снисходить, прощать не есть свойство закона; а вся сила и должность его состоитъ только въ томъ, чтобы наградить тебя жизнію вѣчною, ежели во всемъ точно его исполнилъ,—

или осудить, коли ты чѣмъ-либо преступилъ его. „Сотвори сіе, и живъ будеши“ (Лук., 10, 28); „но проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всемъ писанномъ въ книгѣ закона“ (Галат., 3, 10). Вотъ, точныя и существенныя опредѣленія закона Божія!

Ежели бы человѣкъ надѣялся, получивъ такой законъ, исполнить всѣ его заповѣди, онъ принялъ бы его безъ боязни и страха, а, напротивъ, съ радостію. Но, ахъ! пріемлетъ его человѣкъ рукою трепетною и съ духомъ боязни и страха. Ибо пріемлетъ его не въ состояніи своей неповинности, скоро по созданіи въ раю, но послѣ своего паденія, то есть, тогда, когда природа его повредилась, когда онъ сталъ преклоненъ болѣе ко злу, нежели къ добру, когда чувства его взяли верхъ надъ разумомъ, когда онъ седмижды на день падаетъ, когда піетъ беззаконіе, яко воду. Такъ какъ же ему въ такомъ состояніи принять законъ благодушно и радостно? Какъ не смутиться? Какъ не убояться и не устрашиться?..

Ты, ты, Синайская гора, вотъ уже напередъ обозначала то. Ты колеблешься и трепещешь; не ты, а человѣкъ трепещетъ. Ты громомъ все потрясаешь; не ты, а человѣкъ сотрясается. Ты блистаешь молніями: сіи молніи означаютъ гнѣвъ небесъ, имѣющій пасть на преступника. Ты покрываешься вся густотою мрачнаго дыма; не ты, но человѣкъ, помраченный пороками и отъ пути праваго заблудившій, остается въ густой тьмѣ невѣдѣнія и заблужденія. Ты, гора, представляешь одно только изображеніе, одно подобіе; а самая вещь падаетъ на человѣка, пріемлющаго законъ Божій въ страхѣ и ужасѣ: ибо ему, яко преступнику,—чего ожидать отъ него, какъ токмо проклятія и осужденія?

Такъ на что же законъ и данъ, когда видимо было, что человѣкъ его не исполнитъ, а будетъ всегдашнимъ преступникомъ его? Неужели только для того, чтобы тѣмъ удобнѣе осудить его? Нѣтъ! ты хотя и—человѣкъ, но о семъ пришелъ бы въ сожалѣніе, а, можетъ быть, по своей слѣпотѣ и дерзости, и предосудилъ бы таковый Божій поступокъ. Престань, несмысленный! Неужели ты сострадательнѣе и человѣколюбивѣе Бога? Неужели ты слабымъ своимъ разсудкомъ превосходишь премудрость Божію?

Такъ на что же законъ данъ? На что на горѣ Синайской—толикій ужасъ громовъ, молній, дыма и землетрясенія?—На то, что предуготована уже другая гора, гора Ѳаворская. Она осіянна свѣтомъ, совсѣмъ противнымъ свѣту горы Синайскія: свѣтомъ не молніи, но благодати; не осужденія громомъ, но провозглашеніемъ благоволенія; не трепетомъ осужденія, но восторгомъ милости и оправданія. О, гора Синайская! скройся отъ насъ. О, гора Ѳаворская! блистай и утѣшай очи наши.

Мы не для того желаемъ Синайской горѣ скрыться отъ насъ,

чтобы не признавали себя преступниками и въ томъ не каялись бы и не сокрушались; но для того, что, въ дѣлахъ своихъ не находя оправданія себѣ, единственно находимъ оное въ благодати Христовой, свѣтомъ Ѳаворскимъ объясняемой. Мы не для того желаемъ горѣ Ѳаворской блистать, дабы безразсудно думать, что, удостоившись получить благодать помилованія, аки бы уже вольны стали не исполнять законъ, а нарушать его. Нѣтъ! „пребудемъ ли,—говоритъ премудрый Павелъ,—во грѣхѣ“, для того, что мы стали уже „не подъ закономъ, но подъ благодатію“ (Римл., 6, 1 и 15)? Никакъ, никакъ! Мы, кои умерли грѣху смертію Христовою, мы будемъ ли паки жить имъ и жить въ немъ? Да не будетъ! Мы для того радуемся, осіяваясь свѣтомъ Ѳаворскимъ, что открылся на ней свѣтъ милосердія Божія, свѣтъ принятія нашего раскаянія и свѣтъ прощенія нашихъ грѣховъ, чего отъ закона мы ожидать не могли.

Радуйся убо со Пророкомъ, о Ѳаворъ! или паче вы, христіане, сею горою изображаемые; радуйтеся и веселитеся. Нѣтъ нужды, какъ Апостолы желали, на сей горѣ водружать сѣни и устроять себѣ на ней пребываніе. Ваше жилище на небесѣхъ есть, вамъ не три сѣни, но многія обители уготованы въ дому Отца небеснаго. „Прейде сѣнь законная, благодати пришедшей“. „Ни едино нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходящимъ, но по духу“ (Римл., 8, 1).

Послушайте, какъ Апостолъ, видя таковую радость вашу, сорадуясь вамъ и удивляясь тому, при семъ случаѣ привѣтствуетъ васъ; какъ какъ важно, какъ высоко, какъ восхитительно! „Не приступили вы, восклицаетъ онъ,—къ горѣ Синайской осязаемой и разгорѣвшемуся огню, и облаку, и бурѣ, и трубному звуку, и къ громовымъ словамъ, что слыша, человѣки отъ боязни трепетали и желали, чтобы болѣе того ни видѣть, ни слышать. Нѣтъ, вы, христіане, „приступили къ Сіонской горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и къ безчисленнымъ соборамъ Ангеловъ, и торжеству, Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу и духамъ праведниковъ совершенныхъ, и къ Ходатаю завѣта новаго Іисусу, и крови кропленія, лучше глаголющей и очищающей, нежели кровь Авелева“ (Евр., 12, 18--24). Можетъ ли мудрость человѣческая изобрѣсти что-либо величественнѣе и выразительнѣе, какъ сіе привѣтствіе Апостольское? Можетъ ли что-нибудь быть вожделѣннѣе и превосходнѣе нашего блаженства сего?

Прибавимъ мы къ сему, что на горѣ Ѳаворской огласилъ преобразившагося Господа сей гласъ съ небесе: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ“ (Матѳ., 7, 5). Сей гласъ, по благоволенію Божію, простирается и до насъ, христіане: ибо и мы, въ семъ возлюбленномъ единородномъ Его Сынѣ, усыновлены Богу Отцу. „Нѣси,

возглашаетъ свободно Павелъ, нѣси уже рабъ, но сынъ“ (Гал., 4, 7). Мы теперь мнимся стоять на горѣ, которая есть малѣйшее и весьма недостаточное изображеніе горы Θаворскія, но Богу все едино—въ великомъ и маломъ творить чудеса.

О, преобразивыйся Господи! „Кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ, или кто вселится во святую гору Твою? — Живяй непорочно“, — отвѣчаетъ отъ лица Его Пророкъ, „и дѣлаяй правду, глаголяй истину въ сердцѣ своемъ, иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла“ (Псал., 14, 1, 2 и 3). Творя сіе, отъ сей горы вознесшися на гору небесную, и тамо не подвижишися во вѣкъ. Аминь.

Слово въ день преподобнаго Сергія *).

Преподобне отче Сергіе! Празднованіемъ святыя памяти твоея, душевно воспользуй насъ и предначни духовную бесѣду нашу. Въ день сей, благословенніи христіане, Церковь уставила чести Евангеліе, кое обнадеживаетъ, что мы можемъ найти покой душамъ нашимъ, ежели надлежащэ будемъ искать его. Изъ сего, безъ сомнѣнія, видно, что празднуемый нами праведникъ обрѣлъ сей покой; а потому Церковь желаетъ и совѣтуетъ, чтобы и мы, по примѣру его, искали покой, съ надеждою обрѣсти его.

Какъ не искать таковаго сокровища? Ежели люди, для пріобрѣтенія тлѣннаго прибытка и временной славы, сносятъ всякіе труды, преплываютъ моря, не уважаютъ опасностей смертныхъ, то какъ же бы могло что-нибудь удержать насъ для пріобрѣтенія покоя душевнаго?

Вамъ извѣстно, какъ драгоцѣнно и нужно сіе сокровище. Всякое благо безъ него есть не благо, а тягость одна: поелику безъ него мы чувствовать не можемъ ни отъ какого блага никакой пользы. Здравъ ли кто? но что—въ томъ, ежели онъ внутри смущенъ и лишенъ покоя душевнаго? Богатъ ли кто? но что—въ томъ, ежели онъ, при всемъ изобиліи, внутренно мятется и терзается? Возвышенъ ли кто честію и достоинствомъ? но что—въ томъ, ежели мысль его между тѣмъ помрачена задумчивостію, а совѣсть мучится обличеніями, и душа наполнена бурею? Вотъ вся благая міра сего: то-есть, здравіе, богатство и почести! но могутъ ли они приносить хотя малѣйшее удовольствіе, ежели нѣтъ притомъ спокойствія душевнаго?

Я уже не говорю о благахъ вѣчныхъ, что оныхъ безъ душевнаго спокойствія никакъ пріобрѣсти не возможно. Ибо какъ можно или моле-

*) Говорено въ Троицкой лаврѣ, 1803 года, сентября 25 дня.

ніемъ вознестись къ Богу, или углубиться въ размышленіе закона Божія, или почувствовать истинное раскаяніе во грѣхахъ, когда мысль смущена, и духъ безпокоенъ и подобенъ нѣкоей бурѣ, колеблющей и раздирающей его? При покоѣ душевномъ можемъ мы чувствовать и цѣну здравія, и богатствомъ пользоваться, и честію наслаждаться. При покоѣ душевномъ, и помолимся усерднѣе, и о законѣ Божіемъ размыслимъ чище и вразумительнѣе, и грѣхи представимъ себѣ съ большимъ къ нимъ отвращеніемъ, и свободнѣе откроется источникъ слезъ умилительныхъ и спасительныхъ.

Но оставимъ доказывать пользу и драгоцѣнность покоя душевнаго, поелику я нимало не сумнюсь, чтобы въ томъ всякъ со мною согласенъ не былъ. Большее затрудненіе состоитъ въ томъ, какимъ образомъ можно искать и пріобрѣсть сіе сокровище. А для сего вникнемъ мы въ таковое разсмотрѣніе съ большимъ вниманіемъ и углубленіемъ. „И обрящете покой душамъ вашимъ“ (Матѳ., 11, 29).

Какой покой разумѣть мы должны здѣсь? земной или небесный? Конечно, не небесный: ибо по вѣрѣ извѣстны мы, что души, удостоенныя быть въ блаженствѣ вѣчномъ, наслаждаются покоемъ, коего смутить и нарушить ничто уже не можетъ: поелику тамо отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе. А должны мы разумѣть покой земный, то-есть: какъ на землѣ, въ семъ великомъ и многотрудномъ подвигѣ, въ семъ житейскомъ морѣ, волнуемомъ напастей бурею, можемъ мы соблюсти въ душѣ своей спокойствіе и тишину и уподобиться оной каменной горѣ, которую волны со всѣхъ сторонъ яростно ударяютъ, но нимало не колеблютъ ее; а она пребываетъ неподвижна и невредима, и всѣ наглости бури, какъ бы съ посмѣяніемъ, презираетъ. Сей-то покой разумѣть мы должны. „И обрящете покой душамъ вашимъ“.

Какъ же можемъ мы искать его, чтобы, наконецъ, обрѣсти его? Нигдѣ лучше не можемъ найти для сего наставленія, какъ въ томъ же самомъ Евангеліи, которое обнадеживаетъ насъ, что мы обрящемъ его. Премудрости сея Учитель, прежде нежели увѣрилъ насъ, что мы обрящемъ покой душамъ нашимъ, предварительно требуетъ отъ насъ, чтобы мы „взяли иго Его на себе, и научились бы отъ Него, яко кротокъ Онъ есть и смиренъ сердцемъ“ (Матѳ., 11, 29). Вотъ—способъ, вотъ—средство, какъ мы должны искать покоя душевнаго, чтобы обрѣсти его!

Потребны для сего кротость и смиреніе сердца. Что есть сія кротость? что есть сіе смиреніе сердца? Кротость есть тоже, что незлобіе, которое не воздастъ зла за зло: кроткій человѣкъ, яко овца на заколеніе, ведется, и, яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ. Кроткій, по Евангелію, „трости сокрушенны не преломитъ, и льна зажегшагося не погаситъ“, то-есть,

никого не оскорбитъ и никого не разгнѣвитъ. Ежели таково есть свойство кроткаго, то, безъ сомнѣнія, можетъ онъ соблюсти спокойство душевное. Духъ нашъ обыкновенно и наиболѣе смущается тогда, когда другіе напрасно нападаютъ на насъ, обижаютъ, причиняютъ намъ всякія оскорбленія и досады, униженія и посрамленія. А мы, возмущаясь симъ, скорбимъ, досадуемъ, гнѣваемся, жалуемся и отмстить ищемъ. Гдѣ же тутъ будетъ покой душевный? Но кроткій, яко незлобивый, когда все то или великодушно снесетъ, или пренебрегаетъ, или почитаетъ то для себя непринадлежащимъ, можетъ соблюсти тишину душевную.

Но какъ, скажетъ кто, причиняемыя мнѣ обиды почитать до меня непринадлежащими? Такъ, ежели ты съ кроткимъ человѣкомъ увѣришься, что сіе принадлежитъ не тебѣ, а Богу: Онъ попустилъ злому человѣку напасть на тебя, по премудрому и, конечно, полезному для тебя намѣренію попустилъ, праведно и милостиво. „Праведно“: ибо, конечно, твои какія-либо душевныя болѣзни чрезъ сіе исцѣлить хочетъ; „милостиво“: ибо Онъ попустилъ, Онъ и избавитъ; Онъ оскорбилъ, Онъ и утѣшитъ. Онъ и отмстить не тебѣ дозволяетъ, ибо ты не умѣешь въ томъ соблюсти мѣры, а отмщеніе беретъ на Себя: „Мнѣ“,—глаголетъ,—„отмщеніе, Азъ воздамъ“ (Римл., 12, 19). При таковомъ расположеніи кроткаго, душевная тишина не помутится, а пребудетъ, яко гора Сіонъ, бурею освистываемая, но непоколеблена.

Вамъ сіе не понятно, покажется, конечно, для того, что вы такой вѣры не имѣете и кротости сей не понимаете. Она есть тоже, что похваляемая Евангеліемъ „нищета духовная“ (Мато., 5, 10). Но вы и нищеты духовной не постигаете: вамъ, по суетному мудрованію, мнится, что нищій духомъ есть то же, что подлый человѣкъ. О, безуміе! Нищій духомъ, по Евангелію, есть тотъ, который о себѣ не высокомудрствуетъ, который почитаетъ себя предъ Богомъ бѣднымъ и ничего не заслужившимъ, а все приписываетъ единой благости Его, да и предъ человѣки не хвалится своими дарованіями и заслугами, не дѣлаетъ себя судіею своихъ дѣлъ, а почитаетъ себя довольнымъ тѣмъ, что Богъ опредѣлитъ о немъ, и отъ Бога поставленное начальство. Вотъ, что есть нищій духомъ: онъ есть или то же, что и кроткій; или между ними есть самое ближнее родство. И таковый нищій духомъ есть спокоенъ, блаженъ и богомудръ.

А подлѣ духомъ есть высокоумный, много о себѣ мечтающій, другихъ, яко худшихъ его, презирающій. Потому-то онъ и бѣденъ, по-велику всегда безпокоенъ, гнѣвенъ, роптателенъ, ибо, ею же мѣрою мѣритъ онъ, возмѣряютъ и ему: чѣмъ болѣе превозноситъ себя выше другихъ, тѣмъ болѣе подвергается осмѣянію и презрѣнію другихъ; и

чѣмъ болѣе рвется отмстить за свои обиды, тѣмъ болѣе раздражаемые имъ нападаютъ на него. Вотъ—настоящая подлость духа, и до какого состоянія она доводитъ! А кротость и нищета духовная есть основаніе покоя душевнаго. И сего уже, кажется, довольно.

Но Господь благоволилъ еще съ кротостію соединить и смиреніе. „Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“. Почти одно есть свойство кротости и смиренія; но кротость относится къ нравамъ, а смиреніе къ мысли. Ибо хотя оно названо смиреніемъ сердца, но сіе значитъ, что смиреніе должно быть не наружное и лицемѣрное, а внутреннее и сокровенное. Свойство кротости есть беззлобіе, а смиренія—покореніе и повиновеніе: кротости противна злоба и мщеніе, а смиренію—гордость и высокомудріе. Видѣли мы, что кротость съ своимъ беззлобіемъ можетъ соблюсти покой душевный среди бѣдъ и напастей, но также и смиреніе соблюдетъ его,—или, паче, смиреніе предшествуетъ, а кротость послѣдствуетъ. Чтобы быть кроткимъ, надобно начать быть смиреннымъ; чтобы быть беззлобнымъ, надобно прежде изъ мысли изгнать излишнее о себѣ мечтаніе и высокомудріе. Смиришь гордую о себѣ мысль, пріобрѣтешь чрезъ то и кротость и беззлобіе. А вознесешься о себѣ высокоумiемъ, потеряешь беззлобіе; начнешь искать мщенія, а чрезъ-то потеряешь спокойствіе душевное. Итакъ, истинно слово Господне; спасительно есть Его правило, что, кротости и смиренію научившися отъ кроткаго и смиреннаго Учителя, мы обрящемъ покой душамъ нашимъ.

Но, присемъ, можно полюбопытствовать, почто Спаситель сію самую кротость и смиреніе назвалъ „игомъ“, то-есть, тяжкимъ бременемъ?—для того, что пріобрѣсть крототь и смиреніе требуетъ не малаго труда и подвига. Великій трудъ, великій подвигъ—отвергнуть лестное о себѣ мечганіе, почитать себя ниже другихъ, не злобиться, получая отъ враговъ ударъ за ударомъ, и не мстить имъ, хотя злобствуютъ безъ конца, да еще и любить ихъ и благотворить имъ.

О, великое и тяжкое иго! однако, оно довольно вознаграждается тѣмъ, что доставляетъ покой душевный на земли и покой вѣчный на небесѣхъ; его же да сподобитъ насъ Господь, молитвами преподобнаго, и на землѣ спокойно пожившаго, и на небеси покоемъ вѣчнымъ награжденнаго. Аминь.

Слово на день Рождества Христова *).

„Благословенъ Богъ, Иже посѣти и сотвори избавленіе людемъ Своимъ“ (Лук., 1, 68)! Благословенъ Богъ, оставивый небесный пре-

*) Говорено въ Троице-Сергіевой лаврѣ 1803 года, декабря 25-го дня.

столь славы Своея! Благословенъ Богъ, посѣтивый землю, сію юдоль плачевную! Благословенъ Богъ, попустивый, по премудрому промышленію, пасть человѣку! Благословенъ Богъ, возставивый падшаго! Благословенъ Богъ, приведый человѣка несравненно въ лучшее состояніе, нежели въ какомъ онъ былъ до паденія! Благословенъ Богъ, преизобильно открывшій благодать тамо, идѣже умножися грѣхъ! Возвеселися, земля! восторжествуй, человѣческій родъ! удивись таковому премудрому и благому устроенію! Поклонися толикому снисхожденію, воспрослави таковое о тебѣ чудное промышленіе!

Сказано въ Евангеліи, что „небо есть престолъ великаго Царя, а земля подножіе Его“. Но нынѣ можемъ въ восторгѣ радости сказать: „земля есть престолъ великаго Царя“ (Мато., 5, 34 и 35). Вся Его премудрость, вся благость, вся сила чудесъ Его какъ бы оставила небо и переселилась на землю: небеса преклонились къ намъ. Ангели, сойдите къ намъ, оставьте небо: ибо земля сотворилась небомъ. Гдѣ есть Богъ въ открытіи всей Своей благости и премудрости, тамо есть и небо. Богъ есть не ограниченъ и безпредѣленъ; мы, смертные, не можемъ Его индѣ гдѣ узрѣть и обрѣсти, развѣ гдѣ Онъ приближаетъ Свое соединеніе съ тварями. Симъ соединеніемъ Онъ какъ бы ограничиваетъ Самого Себя; сіе Его соединеніе съ тварію есть блаженство ея, но особливо блаженство наше: „не отъ Ангелъ убо когда пріемлетъ, но отъ сѣмене Авраамова пріемлетъ“ (Евр., 2, 16). Обходитъ Онъ всѣ Ангельскіе чины, обходитъ всѣ твари видимыя и невидимыя, а облекается нашею плотію отъ сѣмени человѣческаго, отъ сѣмени Авраамова; уже и самые Ангелы поютъ: „миръ на небеси и на земли“ (Лук., 2, 14). Уже чрезъ сіе съ нами соединяется Богъ столь близко и тѣсно, что становится съ нами едино.

Возглашай убо, Павле, и проповѣдуй наше счастіе. Восклицай сіи чудесныя и восхитительныя слова: „Понеже убо дѣти,“ то есть, „мы пріобщишася плоти и крови“,—и Той пріискренѣ пріобщися тѣхъ же, да смертію“, то есть, принесши принятую нашу плоть въ жертву на крестѣ и изліявъ всю кровь, „упразднитъ имущаго державу смерти, сирѣчь, діавола, и избавитъ сихъ, иже чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ“ (Евр., 2, 14 и 15) грѣха и осужденія. А, такимъ образомъ, соединившись съ нами и ставъ съ нами единаго естества, Онъ уже не стыдится братіею нарицати насъ, глаголя: „Возвѣщу имя Твое братіи Моей“ (Евр., 2, 12).

Теперь, христіане, слыша таковое Божіе снисхожденіе, таковое безпримѣрное и чудесное промышленіе о насъ, что творить должны мы? Неужели оставаться въ безчувствіи? Неужели продолжать нашъ азвратъ, безумно думая, что будто благодать Божія должна произ-

водить наше спасеніе въ насъ такъ, какъ въ безчувственномъ деревѣ или камнѣ? Неужели не одолжены мы дѣлать для сего никакого расположенія и пріуготовленія?

Сказано, подлинно, что „идѣже умножися грѣхъ, тамо презбыточествова благодать“ (Римл., 5, 20), то есть, чѣмъ мы грѣшнѣе, тѣмъ большая открылась для насъ милость. Но сіе сказано не съ тѣмъ, что, сколько бы мы ни грѣшили и сколько бы во грѣхѣ ни были ожесточены, однако, Богъ тѣмъ болѣе намъ явитъ Свою милость. Нѣтъ! сіе было бы богохуленіе, сіе было бы отъ насъ непреодолимое препятствіе къ дѣйствію въ насъ милости Божіей. По крайней мѣрѣ должны мы признать свои грѣхи, по крайней мѣрѣ должны въ своихъ грѣхахъ раскаяться и искренно пожелать—принять таковую великую, приносимую намъ отъ Бога, благодать.

Самъ уже Богъ, оставивъ небо, снисходитъ на землю; Самъ Богъ открываетъ безмѣрное богатство благости Своея. Чтоже требуется отъ тебя въ семъ спасительномъ случаѣ? Люди, когда ожидаютъ къ себѣ великаго и благодѣтельнаго гостя, очищаютъ домъ, выметаютъ его, по возможности убираютъ, благоуханіемъ его окуриваютъ, пріуготовляютъ трапезу, чтобы по возможности его угостить лучшею пищею и питіемъ. А, притомъ, всякій часъ ожидаютъ, чтобы срѣтить его при дверяхъ съ усердіемъ и радостію. И ты, христіанинъ, поступи таковымъ же образомъ.

Посмотри на жень—сестеръ, на Мароу и Марію. Одна изъ нихъ явила жажду напоиться изъ источника душеспасительнаго слова Христова; а другая пріуготовляла столъ, чтобы угостить по возможности таковаго дражайшаго Гостя. И ты таковымъ же образомъ поступи. Еще для тебя было бы затрудненіе, если бы сей великій Гость требовалъ отъ тебя великой издержки и богатой трапезы. Нѣтъ! Онъ сего не требуетъ: ожидаетъ отъ тебя угощенія не тѣлеснаго, но душевнаго,—входитъ не въ домъ твой вещественный, но въ домъ души твоея. Вмѣсто того, чтобы тебѣ учреждать Его пищею и питіемъ, Онъ Самъ учреждаетъ тебя. Самъ ищетъ напоить и насытить тебя; а отъ тебя требуетъ только того, чтобы ты возжелалъ Его пищею наслаждаться, и Его небеснымъ питіемъ упояваться. „Вкусите и видите, яко благъ Господь“ (Псал., 30, 9). Неужели ты будешь столь ослѣпленъ и ожесточенъ, чтобы не явилъ и самаго сего желанія?

Знаю я, о! знаю, что несчастливый грѣшникъ сего не желаетъ. Онъ, какъ нѣгдѣ написано, говоритъ: „я—богатъ и сытъ, и ни въ чемъ нужды не имѣю“ (Апокал., 3, 17),—и потому сему благодатному Гостю, при дверяхъ сердца его сѣдящему и, чтобы отверзъ, толкающему, отказываетъ, говоря: „я—богатъ и сытъ, и ни въ чемъ нужды

не имѣю; имѣй мя отреченна“ (Лук., 14, 18). О, страшная слѣпота и ожесточеніе человѣка грѣшника! Отъ чего же происходитъ сія слѣпота?—Отъ того, что онъ другаго удовольствія не знаетъ, кромѣ тѣлеснаго. Когда по тѣлу одѣтъ, сытъ, пьянъ, когда домъ всѣмъ изобиленъ, нѣтъ ни въ чемъ недостатка, а притомъ и здоровъ и ни кѣмъ не тревожится,—говоритъ: „чего мнѣ болѣе надобно“? „Душе! имаши блага многа, лежаща на лѣта долга: яждь, пій, веселися“ (Лук., 12, 19). А что онъ душею бѣденъ, закона Божія не знаетъ, связанъ страстями, корыстолюбіемъ, сластолюбіемъ, завистію, ненавистію, злобою, ложью, клеветою, обманами, невоздержаніемъ и піянствомъ, потому душу свою, а чрезъ сіе и временное имущество, готовитъ къ погибели,—о томъ и не помышляетъ. И для сего-то, сшедшему съ небесъ и ищущему посѣтить насъ и вселиться въ насъ, Господу онъ отказываетъ.

Такъ какой же будетъ плодъ сошествія Его къ намъ? какая сила—въ нынѣшнемъ Его празднованіи? Видя таковое наше развратное положеніе, Онъ скажетъ намъ: „Во Своя пріидохъ, и Свои Мене не пріяша“ (Іоанн., 1, 11). „Се, оставляется домъ вашъ пустъ“ (Мато., 23, 38). Боже! соблюди, чтобы не постигло насъ такое несчастіе. Мы, возчувствовавъ всю силу благости Его, пріуготовимся; отворимъ Ему двери сердца нашего, пожелаемъ воспользоваться толикимъ сокровищемъ, рцемъ Ему: „Готово, Боже, сердце наше, готово“ (Псал., 56, 8); взойди въ него и рцы, яко же Закхею: „Днесь спасеніе дому сему бысть“ (Лук., 19, 9). Закхею, сказалъ я: ибо Закхей, принявъ Его въ домъ свой и въ душу свою, изрекъ: „Се полъ имѣнія моего, Господи, дамъ нищимъ: и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею“ (Лук., 19, 8).

Господу нѣтъ нужды въ имѣніи нашемъ, Онъ не требуетъ возврата какого; но есть у Него—„братія“, братія бѣдные и нищіе. Онъ требуетъ, чтобы мы удѣлили имъ что-нибудь изъ достатковъ своихъ,—называетъ Онъ ихъ братіею Своею не для того, чтобы они были братія Его. Богъ—выше всякаго естества; они—братія наши, а не Его: поелику—съ нами единаго естества и ближніе наши. Однако, называетъ ихъ Своею братіею, чтобы хотя симъ умягчить наше жестокосердіе и развязать нашу скупость. Когда нищіе суть братія Христовы, то, конечно, какъ мы все дѣлаемъ по корыстолюбію, таковый и пребогатый Братъ заплатитъ намъ за то сторицею.

Симъ-то образомъ, братіе, воспразднуемъ мы Божіе къ намъ пришествіе. Бѣдныя ясли украсимъ златомъ милостыни, изготовимъ пелены изъ нетлѣнной ризы щедротъ, пещеру освѣтимъ свѣтлостью вѣры и любви. Потомъ спросятъ насъ съ Иродомъ, гдѣ Христосъ рождается; готовъ будетъ отвѣтъ: не въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, но въ таковыхъ боголюбивыхъ и милостивыхъ душахъ. Аминь.

Слово на день Срѣтенія Господня *).

Священная Евангельская исторія предстaвляетъ намъ днесь двухъ престарѣлыхъ и святыхъ особъ, Симеона и Анну. О Симеонѣ говоритъ, что онъ имѣлъ извѣщеніе, яко не умретъ, „доколѣ не увидитъ Христа Господня“ (Лук., 2, 26). Слѣдовательно, должно положить, что онъ жилъ сверхъ естественныхъ, свойственныхъ человѣку, предѣловъ; а именно, какъ нѣкоторые пишутъ, жилъ триста шестьдесятъ лѣтъ. Анна же во вдовствѣ была восемьдесятъ четыре года, съ мужемъ жила семь лѣтъ; а потому можно положить ей, по крайней мѣрѣ, сто десять лѣтъ. Оба были престарѣлостью лѣтъ отличные, но не въ томъ—сила. Случается, что и нынѣ гораздо долѣе ста лѣтъ нѣкоторые проживаютъ; но, чтобы кто дожилъ до трехъ соть шестидесяти лѣтъ, тому нынѣ уже примѣровъ нѣтъ. Не въ томъ, однакоже,—сила, а вотъ что должно удивить насъ.

Симеонъ въ толикой глубокой старости могъ придти въ церковь, принять Христа Господня на свои руки, принести Его, яко жертву, Святѣйшую Вышнему и пророческимъ духомъ произнести о Немъ, что Онъ многимъ будетъ „во спасеніе“, и многимъ въ случай „погибели“ (Лук., 2, 34); а о себѣ бодрымъ духомъ изрекъ, что съ радостію теперь умираетъ, „яко узрѣли очи его спасеніе Господне“ (Лук., 2, 29). Анна же, въ подобной старости и съ подобнымъ духомъ бодрости, проповѣдывала о Немъ радостное „всѣмъ, чающимъ избавленія во Іерусалимѣ“ (Лук., 2, 38).

Видите двухъ зѣло престарѣлыхъ особъ, но паче разсуждайте, что они въ такой глубокой старости были еще бодры духомъ и крѣпки тѣломъ. Отъ чего—сіе, что они превзошли предѣлы, пророкомъ Давидомъ предписанные, яко человѣкъ, „аще въ силахъ восемдесятъ лѣтъ, а множае сего трудъ и болѣзнь“ (Псал., 89, 10)? отъ чего—сіе? Я, во-первыхъ, скажу, что сіе было отъ младости ихъ лѣтъ, то есть, что они вели младую свою жизнь въ трезвости, въ воздержаніи, въ цѣломудріи и въ недаваніи воли своимъ страстямъ. Пророкъ Давидъ задаетъ вопросъ: „Въ чесомъ исправитъ юнѣйшій путь свой?“ То есть, младый человѣкъ чѣмъ можетъ въ порядкѣ сохранить свои младыя лѣта? Отвѣчаетъ онъ на то: „Егда сохранити словеса Твоя“ (Псал., 118, 9), то есть, когда онъ будетъ поступать точно по правилу заповѣдей Господнихъ.

Посему примѣчайте и углубляйте въ сердцѣ своемъ, христіане, что ежели желаете, дабы жизнь ваша была многолѣтна, и старость

---

*) Говорено въ Троицкой лаврѣ, 1804 года, февраля 2 дня.

безболѣзненна, и смерть спокойна, то берегите свои младыя лѣта, берегите всеприлежно. Берегите ихъ отъ праздности, отъ невоздержанія, отъ страсти блудной, отъ пьянства, отъ объяденія, отъ роскоши и мотовства,—и вы проживете весьма много лѣтъ, и умрете смертію не мучительною и отъ болѣзней страдальческою, но смертію неболѣзненною, тихою и спокойною. Вы умрете, какъ созрѣвшее яблоко, которое, по совершенномъ созрѣніи, не принужденно отрывается отъ стебля, а отпадаетъ само собою тихо и сладко,—и тѣмъ не огорчаетъ никого, а паче вкусомъ своимъ услаждаетъ уста вкушающихъ.

Сокращается бо жизнь и приключаются болѣзни отъ младыхъ, неисправно прожитыхъ, лѣтъ. Чего престарѣлый имѣетъ опасаться, когда въ младыхъ лѣтахъ онъ былъ воздержень въ пищи и питіи, удаляясь праздности, жилъ всегда въ пристойномъ упражненіи, алчбою корысти себя не истощалъ, завистію, злобою и гнѣвомъ себя не изсушалъ, сладострастіемъ себя не разстраивалъ? чего ему опасаться? при такой воздержной и безстрастной жизни болѣзней имѣть онъ не будетъ, проживетъ болѣе ста лѣтъ и умретъ спокойно, въ той мысли святой, что онъ пожилъ довольно въ сей жизни, и пора ему начинать жизнь вѣчную, блаженную.

Думаю, вы, много видѣли точныхъ примѣровъ моему слову, что оно есть истинно. Иные умираютъ, долго лѣтъ поживъ, и весьма спокойно, благочестиво; а другіе умираютъ, мучась многими болѣзнями и великимъ страданіемъ, даже и зрящихъ на нихъ приводятъ въ сожалѣніе и страхъ. Отъ чего сіе?—отъ того, что младыя лѣта препроводили въ невоздержаніи и своевольствѣ, а не хранили правила заповѣдей Божіихъ, да еще и счастливы они, ежели милостивый Богъ замѣнитъ имъ сіи временныя при смерти болѣзненныя ихъ страданія, вмѣсто будущихъ, вѣчныхъ казней, за ихъ худую и нечестивую жизнь.

Но мало сего, чтобы въ младыхъ лѣтахъ желать только быть воздержну и удерживать страсти свои, разрушающія порядокъ души и тѣла; мало сего: ибо кто бы сего не желалъ? Всякъ желаетъ, развѣ кто захотѣлъ бы быть врагъ себѣ; всякъ желаетъ, но не всякъ того желаетъ совершенно, или и желаетъ, но исполнить того не можетъ. Что же къ сему потребно? Посмотрите на Симеона и Анну, что о нихъ Божіе слово свидѣтельствуетъ? О Симеонѣ говоритъ, что былъ онъ „человѣкъ праведенъ и благочестивъ, чая утѣхи Израилевы: и Духъ бѣ Святъ въ немъ“ (Лук., 2, 25); а объ Аннѣ, что она „не отходила отъ церкве, постомъ и молитвами служащи Богу день и нощь“ (Лук., 2, 37). Се, видите корень, изъ коего произрасли прекрасные цвѣты и плоды животворные!

Когда кто праведенъ и благочестивъ, возможно ли, чтобы онъ не

былъ воздержень, цѣломудръ и тѣмъ не удерживалъ бы страстей своихъ? Когда кто отъ младыхъ лѣтъ чрезъ восемьдесятъ четыре года служитъ Богу постомъ и молитвами день и нощь, возможно ли, чтобы чистый его духъ не былъ спокоенъ? Возможно ли, чтобы и тѣло его, отъ страстей очищенное, не было неприступно болѣзнямъ и припадкамъ? Молитвы очищаютъ духъ, а воздержаніе и постъ изсушаютъ всѣ мокроты гнилыя, и чрезъ то истребляютъ матерію болѣзней.

Такъ желаете ли вы, чтобы въ младости сохранить и духъ въ покоѣ, и тѣло въ здравіи; и чрезъ то пожить долголѣтно и умереть спокойно? Такъ подражайте святымъ Симеону и Аннѣ, такъ будьте праведны и благочестивы, какъ Симеонъ: „и Духъ Святъ будетъ въ васъ“, Онъ и духъ вашъ и тѣло очиститъ. Подражайте Аннѣ: не отходите отъ церкви, служа Богу молитвами и постомъ день и нощь.

Но сіе, скажутъ лѣнивцы и по правиламъ мірскимъ живущіе; „но сіе, де, невозможно: поелику, де, мы обязаны разными житейскими нуждами, и ими всегда заниматься заставляютъ насъ содержаніе дома, дѣтей и прочія гражданскія обязанности“. Но развѣ Симеонъ и Анна не въ такомъ же міру жили? развѣ таковыми же нуждами мірскими не были обязаны?..

Все то же были они: человѣки, граждане, между людьми жили; но то все имъ не препятствовало, однако, быть праведными и благочестивыми, прибѣгать къ Церкви и служить Богу постомъ и молитвами день и нощь. Да и какъ сіе можетъ воспрепятствовать? Что бы ты ни дѣлалъ, воздержаніе и постъ тому не воспрепятствуютъ, а паче помогутъ: при всякомъ дѣлѣ и на всякій часъ мыслію и духомъ возносись молитвою къ Богу,—и сіе твою работу или облегчитъ, или еще и болѣе успѣха доставитъ. Ежелибы съ такою молитвою никакъ не можно было тебѣ идти въ церковь, такъ ты всякое мѣсто—и домъ свой, и приказъ, и пашню, и лавку учини церковію. Вмѣсто престола поставь сердце свое: на немъ зажги огнь вѣры нелицемѣрной, положи на немъ благовонный ѳиміамъ добродѣтели, чтобы куреніе его достигло небесъ и, присемъ, буди самъ и жрецъ и жертва. Ибо благодать Господа нашего Іисуса Христа содѣлала всѣхъ „царями и іереями“ (Апокал., 1, 6): царями, по владычеству надъ легіонами страстей; іереями, потому что мы можемъ быть, по апостолу Петру, „святительствомъ святымъ, приносити жертвы духовны, благопріятны Господеви“ (1 Петр., 2, 5).

Се, до коликаго величія возведенъ ты, христіянинъ! Ежели, какъ ап. Павелъ говоритъ, „нѣси ты рабъ, но сынъ“ (Галат., 4, 7): то какъ сынъ не возъимѣетъ свободности во всякое время приступать со дерзновеніемъ къ усыновившему его Отцу, и къ престолу Его благодати? Но ты одержимъ страхомъ; такъ „нѣси сынъ, но рабъ“, рабъ

страстей, а не рабъ Божій; поступай не по праву раба, но по праву сыновства, въ свободности духа.

Однако, для сего нужно еще едино свойство, а именно, сказанное о Симеонѣ, что онъ мало, что былъ праведенъ и благочестивъ, но, притомъ, чаялъ „утѣхи Израилевы“. Что есть сія утѣха Израилева?—она есть милосердіе Божіе, заслуженное намъ Его вочеловѣченіемъ, страданіемъ и смертію во плоти нашей. Сколько бы мы ни подвизались, сколько бы ни постились, сколько бы ни молились; но совершенно праведными сами собою стать не можемъ. Страсти ежечасно совращаютъ насъ съ пути, и даже самыя добрыя наши дѣла опорочиваютъ худыми намѣреніями. Міръ, плоть и діаволъ нечувствительно уловляютъ насъ въ разставленныя отъ нихъ всюду сѣти. „И праведникъ седмижды на день падаетъ“ (Притч., 24, 16); и „аще праведникъ едва спасется, а грѣшный и нечестивый гдѣ будетъ“ (1 Петр., 4, 18)?

Такъ, въ семъ тѣсномъ и прискорбномъ случаѣ, да ожидаемъ съ Симеономъ и Анною „утѣхи Израилевы“, да ожидаемъ съ вѣрою и любовію, да прибѣгаемъ къ милосердію Божію, да каемся. И Онъ покаяніе наше приметъ не по силѣ нашего покаянія: ибо оно слабо,—не по силѣ нашихъ добрыхъ дѣлъ: ибо они несовершенны,—не по силѣ нашего удовлетворенія: ибо оно недостаточно; но по силѣ великія оныя, на крестѣ принесенныя, жертвы, которая великою своею силою обезоружила для насъ правосудіе Божіе и заслужила намъ все богатство благости Господа нашего и въ небесныхъ и въ земныхъ и въ преисподнихъ. Аминь.

Слово въ день Святыя Пасхи *).

Въ сіи святые дни часто въ пѣніяхъ церковныхъ повторяется сіе достопамятное слово—„Пасха“; но мню, что не всѣ разумѣютъ силу сего слова. А разумѣть оное полезно и нужно, дабы познали, сколь великій даръ отъ Господа получили мы; а потому болѣе почувствовали бы въ себѣ радости и большую благодарность принесли бы Благодѣтелю своему.

„Пасха“ значитъ по нашему „прехожденіе“, или „переходъ“. Наименованіе сіе произошло отъ сего случая. Израильтяне жили нѣкогда въ Египтѣ; они были пришельцы въ землѣ сей: перевелъ ихъ туда оный великій и святый мужъ Іосифъ, когда имѣлъ полную власть въ Египтѣ. По смерти его, Египтяне стали утѣснять ихъ, яко пришельцевъ, а, яко идолопоклонники, ненавидѣли ихъ, яко почитателей истин-

*) Говорено въ Троицкой лаврѣ, 1804 года, апрѣля 24 дня.

наго Бога и гнушающихся Египетскихъ боговъ, яко ложныхъ,—мучили всякою работою безчеловѣчно дотолѣ, что Израильтяне, вышедъ изъ терпѣнія, стали просить Египетскаго царя, чтобы онъ изъ своей земли выпустилъ ихъ, яко вольныхъ, и далъ бы имъ свободу служить Господу Богу не въ горести души, но въ отрадѣ и спокойствіи. Царь Фараонъ на сіе не только не согласился, но еще болѣе сталъ мучить всякими работами и притѣсненіями; даже довелъ тираннію свою до того, что повелѣлъ каждаго младенца, кто вновь родится мужеска пола, умерщвлять, дабы ихъ родъ совсѣмъ искоренить. Сему жребію подпалъ было Моисей, но дивными судьбами Божіими сохраненъ, да еще воспитанъ въ домѣ царскомъ. Хотя Богъ, вступившись за притѣсняемую неповинность, различными казнями уже каралъ царя и все его царство, дабы смягчить ихъ жестокосердіе и склонить—дать свободу народу, Его почитающему, но мучимому; однако, ожесточилось сердце Фараоново и всѣхъ египтянъ такъ, что уже Фараонъ взрыгалъ и хулы, говоря: „что за Богъ Израилевъ, чтобы я послушалъ Его“ (Исх., 5, 2)? Напослѣдокъ, Богъ, преклонившись милосердіемъ къ людямъ Своимъ и открывъ мстительную всемогущую силу Свою, одною рукою вывелъ Израильтянъ изъ Египта и, открывъ глубину морскую, провелъ ихъ чрезъ море, яко по суху; а другою поразилъ Фараона и всѣхъ слугъ его, потопивъ ихъ въ морѣ, яко олово въ водѣ зельнѣй. Видя таковое чудо, чувствуя таковое избавленіе, восхитившись таковымъ безпримѣрнымъ дѣйствіемъ Божія милосердія и правосудія, Израильтяне, возскакали отъ радости, восторжествовали, воспѣли всѣ единою душею и едиными устами: „Поимъ Господеви, славно бо прославися“ (Исх., 15, 1). А Маріамъ, сестра Моисеева, собравъ ликъ дѣвъ, тоже пѣніе умножали, при радостномъ шумѣ тимпановъ, кимваловъ, органовъ и всѣхъ мусикійскихъ орудій. И сей славный день положили они, по повелѣнію Божію, праздновать каждый годъ и назвали его „Пасха“ или перехожденіе, то есть прехожденіе изъ земли Египетской, изъ мѣста несносной работы, въ землю покоя, въ землю обѣтованную, да и прехожденіе, соединенное съ чудомъ: „Огустѣ бо, яко стѣна море, и сынове Израилевы проидоша сушею посредѣ моря“ (Исх., 15, 8). Таковъ былъ праздникъ древній Іудейскій, и посему онъ именованъ „Пасхою“.

Егда „прейде сѣнь законная, благодати пришедшей“; егда явился на земли не Моисей, но и Самъ Моисеевъ Господь; егда открылось избавленіе гораздо большее, нежели каково было оное Израильтянъ; егда явились чудеса Божія милосердія и правосудія несравненно превосходнѣе, нежели прехожденіе Израиля чрезъ море и избавленіе его изъ Египта: тогда, тогда-то, помазанные духомъ Христовымъ, христіане удивились, изумились, пришли въ восторгъ: ибо, просвѣтившись Духомъ

Святымъ, узрѣли, что все то, что было въ Египтѣ, есть единъ только образъ, а не самая вещь; едина только тѣнь, а не сущее тѣло.

Какъ! начали они размышлять въ себѣ. Какъ! неужели Богъ промышлялъ объ однихъ только Израильтянахъ, а весь прочій человѣческій родъ, и бывшій и настоящій и будущій, пренебрегалъ? Ужели Онъ помышлялъ только объ Египтѣ и объ одномъ избавленіи отъ работы Египетской, да о землѣ только обѣтованной, гдѣ всякое плодовъ земныхъ изобиліе послужило бы къ насыщенію тѣла? Никакъ! Сіе не можно согласить ни съ высотою величества Божія, ни съ Его благостію, чтобы Онъ только пекся, дабы насъ освободить отъ работы тѣлесной и доставить удовольствіе одному тѣлу. Никакъ! работа тѣлесная укрѣпляетъ духъ: чѣмъ болѣе внѣшній человѣкъ, то есть тѣло, тлѣетъ, тѣмъ болѣе внутренній человѣкъ, то есть душа, обновляется. Чѣмъ болѣе пресыщается тѣло, тѣмъ болѣе ослабѣвастъ духъ: ибо и сами оные Израильтяне, когда взошли въ землю обѣтованную, утыли, отолстѣли и забыли Бога, спасшаго ихъ. Не пресыщеніемъ тѣла, но многими скорбми входятъ въ истинное блаженство; и путь, вводящій въ оное, есть не пространенъ, но тѣсенъ.

Такъ что же намъ нужды до Египта и до работы его? что намъ нужды до земли обѣтованной,—что все относится только къ тѣлу? Нѣтъ! Богъ предопредѣлилъ о насъ что-нибудь высшее и лучшее. Видимъ мы,—говорятъ христіане, просвѣщающу ихъ Духу Святому,—видимъ, что Египетъ есть міръ сей, прелюбодѣйный и грѣшный; Фараонъ и рабы его есть діаволъ съ своими служителями; работа Египетская есть грѣхъ: ибо „всякъ творяй грѣхъ, есть рабъ грѣха“ (Іоан., 8, 34). Сія-то работа есть мучительская и страшная. Земля обѣтованная есть царство благодати на земли и царство славы на небеси. Прехожденіе чрезъ Чермное море есть таинство святаго крещенія, яко перерождающее насъ въ новую святую жизнь и подающее надежду вѣчной жизни. Ибо, сколько бы мы ни жили на землѣ въ изобиліи, однако, наконецъ, должны умереть и все оставить: что же пользы, если послѣ сей жизни ничего лучшаго не предвидимъ и не уповаемъ? Да и на землѣ живучи, если мы состоимъ подъ работою грѣха, совершеннаго удовольствія имѣть не можемъ. Страсти и пороки безпокоятъ совѣсть, смущаютъ духъ, отягощаютъ тѣло различными болѣзнями; а непрестанныя бѣды и напасти и всю сію жизнь обращаютъ въ едину горесть.

Нѣтъ, намъ потребна лучшая и совершеннѣйшая жизнь; Божіе милосердіе ведетъ насъ къ блаженнѣйшей участи. Пусть мы будемъ во Египтѣ, въ семъ мірѣ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ; но вѣра наша есть побѣда, побѣдившая міръ. Пусть различныя работы Египетскія изнуряютъ наше тѣло; но духъ непорочный радуется и въ страданіяхъ

своихъ. Пусть непстовствуетъ адскій фараонъ—діаволъ; но онъ не смѣетъ прикоснуться къ помазанникамъ Божіимъ. Пусть не будетъ изобилія земли обѣтованной для тѣла; но духъ, въ Бозѣ опочивающій, хлѣбомъ небеснымъ укрѣпляется и напоявается потокомъ сладости райской. „Отъ потока“,—поетъ Пророкъ,—„на пути піетъ, сего ради вознесетъ главу“ (Псал., 109, 7). Есть море Чермное; но есть еще пространнѣе его и страшнѣе, море житейское.

Когда сіе житейское море мы проходимъ безъ смущенія и всѣ его бури сносимъ великодушно, уповая съ радостію прейти огнь и воду и потомъ взойти въ покой вѣчный; таковое наше прехожденіе моря житейскаго есть чудеснѣе, славнѣе и спасительнѣе, нежели прехожденіе Израильтянъ чрезъ море Чермное. И такъ сіе-то прехожденіе есть истинная „Пасха“. Сію-то Пасху мы, христіане, всегда памятовать и торжественно оную праздновать обязаны.

Сіе-то избавленіе отъ работы діавольскія и изъ Египта адскаго днесь, братіе, празднуемъ мы. Сіе есть прехожденіе наше, сіе есть истинная Пасха и Пасха наша. „Пасха Господня, Пасха: отъ смерти бо къ жизни и отъ земли къ небеси преведе“ насъ не Моисей жезломъ, но Христосъ Богъ крестомъ, истинный Моисей, прямый вождь Израиля Божія. О, день радостный! о, день не земли, но небесъ достойный! „день, его же сотвори Господь, да возрадуемся и возвеселимся въ онь“. „Поимъ Господеви, славно бо прославися“ (Исх., 15, 1). Поистинѣ, можемъ мы съ Павломъ апост. проповѣдывать, яко „не прославися прославленное въ части сей“, то есть, въ части закона и Моисея, „за превосходящую славу“ (2 Кор., 3, 10) благодати Евангельской, Христа Господня.

Но не оставимъ еще рѣшить единъ вопросъ: какъ избавленіе наше устроено всѣмъ снисхожденіемъ и домостроеніемъ Христовымъ, яко-то Его зачатіемъ, рожденіемъ, страданіемъ, смертію, вознесеніемъ и прочими Его дѣйствіями, то почему же не другіе праздники, а единъ сей праздникъ Христова воскресенія нарицается „Пасха“?—Для того, братія мои, что какъ воскресеніе Христа Господа есть окончаніе и совершеніе всѣхъ дѣлъ Его, такъ и наше здѣсь воскресеніе отъ грѣха благодатію и уповаемое воскресеніе души нашей и тѣла въ славу есть окончаніе и совершеніе всѣхъ дѣлъ нашихъ.

Радуйся убо и веселися днесь, вѣрная душа! Ты—невѣста Христова; и, яко же женихъ радуется о невѣстѣ, тако Господь радуется о тебѣ. Онъ столь нѣжно любитъ тебя, что, кто прикасается къ тебѣ, хотя озлобити тя, Онъ то почитаетъ такъ, какъ бы кто касался ока Его. Буди убо благодарна Ему, радуйся Господеви, но со страхомъ, боясь, да не оскорбиши чѣмъ толико возлюбившаго тя. „Мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ“. Аминь.

Слово въ день св. Царевича Димитрія *).

Сей день для Россіи есть зѣло достопамятенъ, и мы обязаны его праздновать и съ благоговѣніемъ, и съ удивленіемъ судьбамъ Божіимъ. Вамъ извѣстно, что Царевичъ Димитрій былъ царская отрасль, и сія отрасль благородная увяла отъ руки насильственной и злоумышленной. Что же потому воспослѣдовало? Оказалось явно, что есть мстительная неповинной крови всемогущая рука, и что есть Богъ судяй на земли. Исполнилось, притомъ, слово Божіе, что, яко же отстоитъ небо отъ земли, тако отстоятъ мысли Божіи отъ помышленій нашихъ. Сіи судьбы Вышняго были тѣмъ непостижимѣе, что фіалъ гнѣва Его излился всею силою не на убійцу токмо неповиннаго отрока и на весь родъ его, но и на всю Россію.

Дерзнемъ, колико можемъ, открыть завѣсу судебъ Божіихъ, судя по самому событію, почему гнѣвъ небесный разлился на все отечество наше.

Убійца Царевича Димитрія былъ въ Россіи не важный изъ подданныхъ, однако дерзнулъ и на истребленіе царскаго рода, и на восхищеніе престола всероссійскаго. Такъ се! Божія судьба неисповѣдимая воздвигла и противъ его тварь ничтожную, нѣкотораго разстригу, который отважился стать самозванцемъ, то-есть, присвоить себѣ имя Царевича Димитрія. Кто бы могъ подумать, чтобы таковый ничтожный человѣкъ могъ дерзнуть выдать себя подъ великимъ и священнымъ именемъ? Да и кто изъ Россіянъ могъ повѣрить таковому странному и неимовѣрному вымыслу? Не тотчасъ ли всѣ, яко едиными усты, не только отвергли бы сію басню, но и посмѣялись бы оной съ негодованіемъ? Однако, нѣтъ! всѣ почти повѣрили, всѣ приняли; даже нѣкоторые, по простотѣ своей, еще и удивлялись судьбамъ Божіимъ, сохранившимъ чудеснымъ образомъ неповиннаго Царевича. Буйство сіе, или ума изступленіе, разлилось по всей Россіи. И хотя малое число нѣкоторыхъ благоразумнѣйшихъ и честныхъ христіанъ и гражданъ познали сію прелесть и старались и другихъ вывести изъ сего забужденія: однако, большая, или почти общая приверженность Россіянъ къ самозванцу, заглушила слабый гласъ малаго числа благоразумныхъ.

Отъ чего сіе?—Отъ того, что такъ положено въ предвѣчномъ и неизмѣняемомъ совѣтѣ Божіи, чтобы отомстить пролитіе крови неповинной. Волѣ Вышняго не сильна воспротивиться никакая, ни мудрость, ни сила человѣческая. На небеси опредѣлено и должно быть непре-

*) Сказано въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ, 1804 г., мая 15 дня.

мѣшно исполнено то на земли. Говорятъ простонародно, но справедливо, что, кого Богъ хочетъ наказать, отъ того умъ отъиметъ. Сходно съ симъ и Апостолъ говоритъ объ язычникахъ мудрыхъ и преученыхъ, что они впали въ разныя безмѣстныя заблужденія и въ безчинныѣйшія страсти; для чего?—для того, что „осуетишася помышленіи своими: мняще себе быти мудры, объюродѣша“. Таковый страшный судъ постигъ и Россіянъ. Открылся гнѣвъ Божій: разверзлись всѣ хлѣбія ярости Его.

Во-первыхъ, поразилъ онъ убійцу, съ явнымъ открытіемъ чудныхъ судебъ своихъ. Убійца, будучи единъ изъ подданныхъ, возсталъ противъ своего государя,—и Богъ воздвигъ противъ его тварь ничтожную, и къ смерти осудилъ. Сына его, хотя младолѣтняго и добродѣтельнаго и непорочнаго, предалъ въ жертву за то, что убіенъ отцемъ его также непорочный и неповинный отрокъ. Отецъ-убійца думалъ сѣмя свое и родъ свой утвердить на престолѣ Россійскомъ во вѣки; но сынъ его, надежда умноженія его рода, умерщвленъ,—да и умерщвленъ такимъ образомъ, что сѣмя, умножающее родъ, раздавлено. Мать, жена убійцы, хотя также неповинная, но лишена жизни за то, что мать Царевича, лишившись единороднаго сына, еще премного пострадала и на изгнаніе осуждена. Самая дщерь убійцы также много пострадала и обругана, и осуждена на безплодство, чтобы отъ нечестивой крови не было продолженія. Весь родъ убійцы разнымъ страданіямъ и казнямъ былъ подверженъ для того, что весь родъ Царевича былъ гонимъ, мучимъ и умерщвляемъ. Не видите ли явно, по самому событію, колико страшна и чудесна есть мстительная рука Божія, что Онъ отмщаетъ по правосудію Своему, нами непостижимому, но поклоняемому, „отцемъ на чадѣхъ до третіяго и четвертаго рода“ (Исх., 20, 5); но благотворитъ добрымъ отцамъ и святому поколѣнію „до тысячи родовъ“.

Но пусть такъ, что гнѣвъ Божій поразилъ съ толикою зѣльностію убійцу и весь родъ его. Кажется, сіе и человѣческому правосудію можетъ быть совмѣстно. Но почему же и вся Россія поражена была безпримѣрно симъ бичемъ гнѣва Божія? Она не является виновною въ убіеніи неповиннаго и святаго отрока: всѣ сожалѣли о томъ, скорбѣли, негодовали и роптали на таковое богопротивное предпріятіе. За что же они, почти всѣ, яко убійца, испили горчайшую чашу страданія, разоренія и смерти? Всѣ прочіе страдали не за убіеніе неповинное, но за свои собственныя беззаконія и развраты. Богъ, располагающій все „числомъ, вѣсомъ и мѣрою“,—благоизволилъ правосудно къ сему несчастному случаю присоединить и всѣхъ другихъ, коихъ беззаконія преливались чрезъ край и требовали, дабы правосудная рука Вышняго Судіи подвергла ихъ тому же наказанію: тѣхъ, коихъ признала быть нераскаянными, лишить жизни, яко для нихъ вредной; а тѣхъ, кои еще

подавали надежду къ исправленію, наказать временнымъ несчастіемъ, дабы привести ихъ къ покаянію и исправленію.

Изъ повѣствованія объ общемъ, причиненномъ чрезъ самозванца, разореніи отечества нашего видно, что самозванцу, аки бы онъ былъ Царевичъ Димитрій, едва ли кто вѣрилъ, а приставали къ нему и принимали его единственно, или сей случай находя способнымъ къ грабежу и обогащенію,—или по честолюбію, не хотя быть подданнымъ царствовавшаго тогда, бывшаго равнаго, или меньшаго ихъ,—или по злобѣ къ нему же отъ зависти,—или отъ нѣкоторыхъ, почитаемыхъ отъ него обидъ. Сіе-то дало полное наклоненіе прелестника признать Царевичемъ, а не другое что: ибо Царевичъ былъ единъ, а его именемъ открылось самозванцевъ до семи. Неужели всѣ они были Царевичи Димитріи, вмѣсто единаго? Однако всѣ почти къ нимъ приставали, всѣ всѣхъ принимали, яко единаго сына Царевича. А какъ всѣ таковыя побужденія, по жадности ли къ грабительству, или по гордости честолюбія, или по злобѣ, были побужденія несовмѣстныя и беззаконныя, то они и заслужили мщеніе гнѣва Божія.

А другіе, страдавшіе отъ нихъ, конечно, опорочили свою жизнь какими-либо Богу извѣстными развратами; посему и опредѣлилъ праведный Богъ и сихъ ввергнуть въ огонь искушенія и напастей, дабы, очистившись симъ огнемъ, напослѣдокъ, возблистали, яко во огни злато, покаяніемъ и исправленіемъ жизни. И сіе по благости Божіей и воспослѣдовало.

Когда ихъ воздыханія и вопли достигли до небесъ, когда слезы изъявляли ихъ сердечное раскаяніе во грѣхахъ, когда учредили постъ, яко Ниневитяне, и воздержались отъ пищи чрезъ три дня не только возрастные и старцы, но и самые сосущіе младенцы стономъ покаянія и молитвъ ударяли въ своды небесные: тогда Россіи открылось тоже милосердіе, каковое Ниневитянамъ. Ниневитяне получили приговоръ съ небесъ, чтобы ихъ граду быть всеконечно разорену и истреблену. Но сей небесный приговоръ отмѣненъ, когда Ниневитяне во вретищѣ и пепелѣ покаялись вседушевно, учредивъ постъ чрезъ три дни, не дая пищи ни старымъ, ни младенцамъ, ни самому скоту. Такъ призрѣлъ Богъ тогда на Россію, и отяготѣвшая на ней рука Его облегчилась. Богъ рекъ изъ тьмы свѣту возсіяти,—и возсіялъ; Богъ запретилъ вѣтрамъ и бурѣ,—и бысть тишина велія. Наступило время спокойствія и благополучія, да еще такъ, что безъ числа пролитая кровь какъ бы угобзила нашу землю, и она принесла плодъ несравненно изобильнѣйшій, нежели когда-либо прежде. Ибо Россія съ того времени начала возрастать и достигла толикой славы, въ каковой она никогда не бывала, такъ что можемъ, къ радости нашей, а къ зависти враждебныхъ, съ Евангеліемъ

воскликнуть: „Камень, его же небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла: отъ Господа бысть сіе, и есть дивно во очію нашею“ (Лук., 20, 17).

И поистинѣ, „дивно, и отъ Господа бысть сіе!“ Ибо, какъ ничтожная тварь причинила Россіи толикое несчастіе, такъ и возстановленіе ея воспослѣдовало отъ нѣкоторыхъ людей низкаго состоянія, но великаго духа и вѣры, какъ-то сіе извѣстно знающему Россійскую исторію. „Да не похвалится всякая плоть предъ Богомъ“ (1 Кор., 1, 29).

Но наиболѣе, при семъ достопамятномъ случаѣ, намъ, держащимся благочестія, прилежно примѣтить надлежитъ, что все враждебное нападеніе враговъ Россіи стремилось противъ святой нашей вѣры, чтобы истребить оную, а ввести неправославную и развратную, латинскую, такъ что вся война (по лѣтописцамъ и по ходу браней и козней разсматривая) казалась воспріята быть не столько для завладѣнія Россіею, или отторженія нѣкоторыхъ частей ея, сколько для того, чтобы восхитить отъ насъ святое и драгоцѣнное сокровище вѣры. Словомъ, была война за вѣру и противу вѣры нашей. Но здѣсь-то зубы зміины напали на камень, который разгрыть не могли.

Россіяне, при всей своей простотѣ, или, можно сказать, и невѣжествѣ, при всемъ своемъ неустройствѣ нравовъ и жизни, были тверды и непоколебимы въ вѣрѣ. Колебалось все зданіе и разрушалось, но основаніе его стояло незыблемо. Весь свѣтъ Россіи покрытъ былъ густымъ непломъ, но священная искра вѣры подъ симъ непломъ крылась неугасима. Дхнулъ Духъ Божій и развѣялъ пепелъ; а искра возгорѣла и воспламенилась, и сіяніемъ своимъ тьму прогнала: освѣтила сыновъ Россіи благопріятнымъ лучемъ, а враговъ ея пожгла и истребила, яко халдеевъ пещь Вавилонская, святыхъ же отроковъ, истинныя вѣры хранителей, сохранила цѣлыхъ, прославила и расширила уста ихъ къ пѣнію пѣсни побѣдной. Не было по всему лицу земли нашей ни единаго, отъ мала и до велика, чтобы всею душею не ревновали по своей вѣрѣ, и лучше желали всѣ пасть подъ развалинами своего отечества и своего тѣла, нежели, чтобы предать дражайшій залогъ своея вѣры и принять вѣру иноплеменную и развращенную. Сіе-то спасло и возвысило отечество наше!

Что, если бы случилось сіе въ нынѣшнія времена? чего не дай, Боже, ни видѣть ни слышать! что? вѣра наша могла ли бы быть преградою непреоборимою противъ всѣхъ вражескихъ покушеній? Не вѣмъ, что сказать. Слабость нашей вѣры осязаема, маловѣріе многими овладѣло; даже нѣкоторые, можетъ быть, и невѣріемъ заражены. Столь прохладѣлъ жаръ вѣры, что едва ли не всякая вѣра почитается за едино; и сей драгоцѣнный залогъ столь пренебреженъ, что онъ оцѣняется очень дешево, и едва ли не всякое другое предпочитается ему.

Да кажется, какъ будто нарочно употребляются способы, дабы важность вѣры уменьшить, или сравнять ее со всѣми въ свѣтѣ вѣрами, сколько бы онѣ ни были заблуждающими.

Если бы таковая вѣра была въ тѣ несчастливыя времена, о коихъ говорили, то едва ли бы не пало совсѣмъ наше отечество подъ игомъ иноплеменныхъ, и едва ли бы мы имѣли радость видѣть его въ нынѣшнемъ состояніи.

Но почто я много унываю? Живъ Господь Богъ Израилевъ! есть у Него еще семь тысячъ людей, иже не преклониша колѣна предъ Вааломъ. Милосердое Божіе обѣщаніе есть, чтобы и для десяти праведниковъ пощадить весь градъ.

Ты же, блаженне Димитріе, своими къ Богу молитвами поддержи ослабѣвающую вѣру нашу. Сей твой священный гробъ всегда намъ будетъ свидѣтельствомъ, что не токмо всяко преступленіе пріемлетъ праведное воздаяніе; но что онъ намъ выставленъ, яко нѣкое побѣдоносное знамя, подъ которое всѣ воины Христовы должны собираться, дабы ревновать по вѣрѣ своей и мужественно стоять противу всѣхъ козней вражіихъ. Аминь.

Слово на день святителя Алексія *).

Взошедъ въ вертоградъ, разными цвѣтами испещренный, очи наши заблуждаютъ, не зная, куда обратить взоръ свой, коимъ болѣе цвѣтомъ усладиться, и который изъ нихъ предпочесть одинъ другому. Подобно и мы, взошедши въ сей вертоградъ священный и разсматривая различныя добродѣтели празднуемаго нами Святителя, яко прекрасные цвѣты, не знаемъ, на которую изъ нихъ болѣе обратить взоръ нашъ и которую изъ нихъ одну предпочесть другой.

Воззримъ ли на его благочестіе? Онъ, такъ сказать, отъ пеленъ младенческихъ былъ посвященъ Богу; даже самое имя—„Алексій“ удостоился получить отъ гласа небеснаго. Испытаемъ ли чистоту его тѣла? Былъ онъ побѣдитель страстей тѣлесныхъ и учинилъ себя достойнымъ храмомъ Духа Святаго, такъ что прославилъ Бога, по Апостолу, „не въ душѣ своей токмо, но и въ тѣлѣ своемъ“ (1 Коринѳян., 6, 20). Приникнемъ ли въ непорочность его нравовъ? Всѣ душевныя дарованія въ немъ были яко струны на богоустроенныхъ гусляхъ, издающія пѣніе согласное, услаждающее Бога и ангеловъ Его. Разсудимъ ли о его просвѣщеніи? Былъ онъ скрижаль, перстомъ

*) Говорено въ Чудовѣ монастырѣ, въ 1804 году, мая 20 дня.

Божіимъ вся исписанная: ибо, какъ онъ былъ другъ Христовъ, то Сынъ Божій, сый въ нѣдрахъ Отчихъ, „вся, елика слышалъ отъ Отца Своего, сказалъ ему“. Поищемъ ли въ немъ человѣколюбія и благости?— Всего себя истощавалъ онъ на благотвореніе ближнему своему. Пожелаемъ ли въ немъ прилежанія и бодрости въ званіи пастырскомъ?— Былъ онъ пастырь добрый, не щадящій положить душу свою за овцы своя: „былъ свѣтильникъ горяй и свѣтяй“ (Іоанн., 5, 35). Сія ревность его къ должности своей простиралась столь далеко, что даже промышлялъ, дабы и по кончинѣ его паства его была поручена доброму же пастырю, преподобному Сергію; а наемника, противъ всѣхъ усилій державныхъ лицъ, никакъ избраніемъ своимъ одобрить не согласился: и тѣмъ запечатлѣлъ блаженную свою кончину.

Но можемъ ли мы исчислить всѣ добродѣтели Святителя? Онѣ извѣстны единому Богу, и Онъ исполнилъ на немъ Свое, Пророкомъ сказанное, слово: „прославляющія Мя, прославлю“. Мы видимъ сіе очами своими, видимъ и удивляемся, удивляемся и радуемся, яко „благъ Богъ Израилевъ для правыхъ сердцемъ“ (Псал. 72, 1), и яко у Него для нихъ „мзда многа на небесѣхъ“ (Матѳ., 5, 12).

Трудился Святитель подвигомъ добрымъ въ жизни сей, по нашему мнѣнію, не малое время, ибо жизнь его продолжилась за восемьдесятъ лѣтъ. Но что сіи восемьдесятъ лѣтъ, въ сравненіи неконча́емой вѣчности? Весь его подвигъ, сколько ни великъ и многотруденъ, можно уподобить каплѣ противъ океана вѣчности, въ услажденіи коего онъ днесь, яко погруженъ, пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ пребываетъ. Не столь удивительно, что Святитель днесь пребываетъ въ Богѣ: насъ должно изумлять то, что и Богъ пребываетъ въ немъ, Богъ безконечный и неизмѣримый весь въ немъ вмѣщается. Вмѣщается, ибо Онъ избраннымъ Своимъ говоритъ: „Вся Моя твоя суть“ (Іоанн., 17, 10).

Что же праведникъ нашъ пребываетъ въ Богѣ, не дозволяетъ о томъ сомнѣваться вѣра наша, не дозволяетъ мыслить иное и самый сей гробъ. Прошло уже четыреста лѣтъ по кончинѣ его, и вся Россія почитаетъ святые останки его. Да какъ же почитаетъ? Всѣ почести и уваженія, какія воздаются здѣсь державнымъ земли, не могутъ сколько-нибудь сравняться съ симъ. Всѣ почести земнымъ владыкамъ воздаются краткое время, а сему чрезъ толико вѣковъ, да еще, можетъ быть, множество вѣковъ приложится къ таковому почитанію. Владыкъ земныхъ почитаютъ живыхъ, а умершихъ или забываютъ, или и пренебрегаютъ, а сего и умершаго не иначе любимъ и величаемъ, яко живаго. Владыкъ земныхъ и въ жизни почитаютъ не рѣдко, не столько по внутренности и сердцемъ, сколько по наружности и видомъ; а сему праведнику воздаемъ мы почитаніе нелицемѣрное, сердцемъ и

духомъ къ нему привержены, даже и самый его гробъ объемлемъ, яко сокровище безцѣнное.

Положимъ, что добродѣтельному мужу не было бы никакой на небеси вѣчной награды,—положимъ сіе, хотя сему быть не возможно; однако, сіе самое вѣчное прославленіе на земли имени его въ праведныхъ, сіе благочестивое празднованіе памяти ихъ, сіе благоговѣйное всѣхъ уваженіе къ самымъ гробамъ не сильно ли возбудить насъ—творить добродѣтель и исполнять заповѣди Божія, отвергать и гнушаться жизнью порочною и нечестивою?

Посмотрите вы на подобныхъ себѣ человѣковъ, но ищущихъ славы не Божіей, а мірской. Колико сносятъ они трудовъ и бѣдствій, даже добровольно стремятся на смерть! А иные вымышляютъ различные памятники, чтобы сколько-нибудь продолжить память свою въ потомствѣ. Но что же они чрезъ то пріобрѣтаютъ? Лишаются своей надежды. Какъ скоро восхититъ ихъ смерть, всѣ забываютъ ихъ и вспоминать о нихъ почитаютъ излишнимъ. А весьма не рѣдко, коимъ въ жизни удивлялись и коихъ прославляли, тѣхъ по смерти презираютъ, иногда и проклинаютъ. Въ повѣсти писаніемъ вносятъ ихъ дѣянія, чтобы хотя на тлѣнной бумагѣ продолжить память ихъ, но и сіи повѣсти суть тщетны. Выходятъ они отъ разныхъ разныя: одни похваляютъ, а другіе ругаютъ; одни прославляютъ, а другіе поносятъ. Кому же вѣрить? Едва ли кому. Ибо люди обыкновенно управляются пристрастіями: одни хвалятъ по ласкательству, другіе поносятъ по злобѣ, а всѣ по недостатку доброты сердца и истиннаго разсужденія.

Что же скажемъ о воздвизаемыхъ памятникахъ? Время, все разрушающее, и ихъ скоро опровергаетъ. А ежели они и долговременно стоятъ, то нѣкоторые, по любопытству мало посмотрѣвъ на нихъ, удивляясь не имъ, а искусной работѣ гробницъ,—мимо проходятъ и тотчасъ перестаютъ мыслить о нихъ. А нѣкоторые, еще указывая на нихъ перстомъ, говорятъ: „вотъ, сей-то былъ злотворный и пагубный человѣкъ, а воздвигло ему памятникъ сей тщеславіе“; да что онъ былъ богатъ богатствомъ неправеднымъ. Ахъ, какъ жалко! скажетъ честный человѣкъ, что иной жилъ благочестиво и добродѣтельно; но могила его ни чемъ не возвеличена для того, что онъ никакого богатства послѣ себя не оставилъ, поелику все оное истощилъ на бѣдныхъ. Такъ, посему, ихъ ли бѣдныхъ, но добродѣтельныхъ людей, почитать неславными и несчастливыми? О! не дай Богъ! вѣра наша есть драгоцѣнна, есть Божественна. Она всѣ выставки мірской славы и разсказы пренебрегаетъ, яко знаки пристрастія и суеты, а выдаетъ славною и любезною одну богоугодную жизнь.

Но меня паки обращаетъ къ себѣ сей священный гробъ

На сей славный памятникъ мы взираемъ съ любовію, съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, и ради бы къ нему пригвоздить сердца свои. Но кто же воздвигъ таковый памятникъ сему праведнику? Оставшійся ли послѣ него знаменитый родъ? или оставилъ онъ самъ много богатства, на сооруженіе себѣ памятника? Ахъ, нѣтъ! ни родъ, ни богатство воздвигли ему сей памятникъ, а родъ его духовный, чада его духовныя, „иже не отъ крови, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася“ (Іоанн., 1, 13). Воздвигло ему сей памятникъ богатство вѣры и благочестія. Украсилъ раку его благовѣрный великій князь Василій Ивановичъ. Долгое время не имѣя чадъ, онъ молилъ усердно насадителя и расширителя тварей, Бога, да благословитъ его симъ даромъ и царства Его наслѣдникомъ. Прибѣгалъ и ко гробу сему, дабы, въ немъ опочивающій, ходатайствомъ своимъ испросилъ ему сіе благословеніе Божіе. Напослѣдокъ, получивъ оное и приписывая его милости Божіей и ходатайству Святителя, не хотѣлъ отяготить совѣсть свою, чтобы остаться предъ нимъ неблагодарнымъ. Не зная, чѣмъ другимъ воздать, за благо разсудилъ гробъ его украсить дорогимъ среброкованнымъ окладомъ, не столько оцѣняя свое приношеніе, сколько изъявляя свою вѣру, усердіе и благодарность. Потомъ и другіе, движимые благочестіемъ, всякъ по мѣрѣ своей прилагали къ украшенію животворнаго гроба. Вотъ—отъ кого и почему воздвизаются памятники мужамъ, богоугодно пожившимъ! И побужденіе святое, и приношеніе богоугодное, и прославленіе ничѣмъ непресѣкаемое!

Но пусть бы и сіи самыя внѣшнія украшенія или истлѣли, или временемъ истребились, тѣмъ не меньше „въ память вѣчную будетъ праведникъ“. Все земное гораздо ниже возвышенной и всегда пребывающей славы праведника. Вспомните, что о нихъ говоритъ богодухновенный Апостолъ, что они „въ пустыняхъ скиталися, въ горахъ и въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ“; слѣдовательно, какіе тутъ были памятники надъ гробами ихъ? Даже и мѣста ихъ погребенія отъ человѣкъ были сокровенны; однако, со всѣмъ тѣмъ, какое заключеніе дѣлаетъ о нихъ Апостолъ?—„Яко ихъ не бѣ достоинъ весь міръ“ (Евр., 11, 38). Какъ! весь міръ,—и небо, и земля, и воздухъ, и всѣ твари не могли никакъ сравняться съ ихъ достоинствомъ. Такъ, „ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ“.

Такъ, посему, какіе бы памятники ни устрояли надъ гробами ихъ, сколько бы они ни были преогромны, сколько бы ни были драгоцѣнны, были бы они несравненно унизительнѣе, нежели требуетъ достоинство ихъ. О, коль „честни суть друзи Твои, Боже, зѣло утвердишася владычествія ихъ“ (Псал., 38, 17). Да тотъ же Апостолъ и рѣшитъ дивленіе

наше: онъ о нихъ же объявляетъ, что они были, „яко ничтоже имуще, а вся содержаще“ (2 Кор., 6, 10). Ежели такъ, что они вся содержали, ежели возобладали всѣмъ; а, конечно, всѣмъ возобладали Богомъ: то уже нѣтъ ничего на землѣ, что мы могли бы принести святымъ соразмѣрное достоинству ихъ.

Ахъ, мы такъ несчастливы, несчастливы, что не можемъ ничего въ приношеніе посвятить угодникамъ Божіимъ, что сколько-нибудь было бы сходно съ ихъ достоинствомъ! Но остановимся и помыслимъ, и скорбь нашу облегчимъ. Потому-то святые и должны быть намъ любезнѣе. Люди міра сего требуютъ отъ насъ даровъ, злата, сребра, богатыхъ угощеній и приношеній имъ всякаго рода; а безъ того, сколько бы ты къ нимъ усерденъ и почтителенъ ни былъ, не очень благосклонно принимаютъ, а иногда и изгоняютъ; но святые—не такого духа. Они, подражая Господу своему, „благихъ нашихъ не требуютъ“. Такъ чего же требуютъ?—того, чтобы мы были подобны имъ въ чести и въ славѣ Божіей. Въ святыхъ нѣтъ зависти: хотятъ, чтобы все богатство ихъ было сообщено и намъ; даже неимовѣрно сказать, желали бы, колибъ можно, сами лишиться спасенія, только бы мы получили спасеніе. Моисей просилъ Бога за прегрѣшившаго Израиля, чтобы Онъ простилъ и помиловалъ его, а ежели не благоволитъ явить ему Своего милосердія, то его бы самого изгладилъ изъ книги живота. Чудесная рѣшимость духа! А Павелъ, подобно ему, желалъ быти самъ анаѳема, или отлученъ отъ Христа, только бы всѣ братія его, израильтяне, спаслися. О, какъ велики и недомыслимы души святыхъ!

Такъ, посему, мы удобно можемъ приносить таковымъ праведникамъ угодные дары, сколько бы кто бѣденъ ни былъ. Принеси ему усердіе, вѣру, любовь, добродѣтель: аще же грѣшникъ—ты, принеси покаяніе и исправленіе не ему, но чрезъ него Богу. Сіе приношеніе угоднѣе святымъ, нежели сокровища всего міра. Аще же и въ сихъ добродѣтеляхъ ты скуденъ, то займи ихъ у самихъ же святыхъ: они въ томъ щедры и податливы. Угасающую твою искру вѣры зажги отъ ихъ пламеннаго свѣтильника вѣры. Скудную твою любовь къ Богу и ближнему умножи и возрасти отъ ихъ изобильнаго сокровища любви. Колеблющуюся твою добродѣтель подкрѣпи столпомъ ихъ великаго подвига. Жестокость твоего нераскаяннаго сердца умягчи и разогрѣй размышленіемъ объ ихъ дѣлахъ богоугодныхъ. Сіе приношеніе весьма будетъ благопріятно имъ, и радость ихъ небесную умножитъ. Ибо радуются Ангели, а съ ними и всѣ святые о „единомъ грѣшницѣ кающемся“ (Лук., 15, 7).

Ты же, Святителю Божій, подкрѣпи насъ своими молитвами въ благочестивомъ рѣшеніи нашемъ. Пріими малое сіе и скудное украшеніе гро-

ба твоего не для того, чтобы сія наружность сама по себѣ была тебя достойна, или тебѣ угодна; но сію наружность пріими знаменіемъ внутренняго нашего къ тебѣ усердія. А за сіе ты самъ даруй намъ, чтобы лучшій даръ, а именно, вѣру, любовь, добродѣтель и покаяніе во грѣхахъ мы могли принести Богу чрезъ ходатайство твое. Аминь.

Слово на возобновленіе Соборнаго храма въ Коломнѣ *).

Нынѣшнее празднованіе Церкви приводитъ намъ на память оный торжественный день, въ который великій царь Константинъ, въ христіанскихъ государяхъ первый, и мать его, благочестивая царица Елена, создали великолѣпный храмъ въ Іерусалимѣ, и освященіе его совершили съ великою славою, собравъ многихъ знаменитыхъ епископовъ изъ разныхъ странъ земли, какъ описываетъ то Евсевій, ученѣйшій епископъ, бывъ самъ очевидецъ всего того и любимецъ Константиновъ. Сіе торжество и великолѣпіемъ отличный обрядъ, и самаго храма безпримѣрная огромность и красота удивленіемъ и услажденіемъ столь поразили сердца всѣхъ, что сама Церковь за благо судила день тотъ предать вѣчной памяти, опредѣливъ ежегодно праздновать его, что теперь и продолжается слишкомъ тысяча четыреста лѣтъ.

Не можемъ ли и мы, благочестивые жители града его, что-либо подобное обрѣсти въ обновленіи и сего священнаго храма? Безъ мала пятьсотъ лѣтъ, какъ здѣсь устроенъ епископскій престолъ, и на семъ мѣстѣ приносима была Богу безкровная жертва отъ многихъ богоугодныхъ святителей, изъ коихъ первый былъ Аѳанасій, въ сіе служеніе посвященный отъ святаго Алексія, митрополита московскаго и всея Россіи. Нынѣ, по обыкновенному въ теченіе времени обращенію, хотя свойственный сему престолу пастырь и переселенъ въ другой градъ; но вмѣсто того, по чудесному устроенію судьбы Божіей, епископскій престолъ града сего учиненъ зависящимъ отъ самаго того царствующаго града, откуда онъ воспріялъ начало свое, и препорученъ правленію преемниковъ святителя Алексія, посвятившаго Аѳанасія въ перваго епископа сему граду.

Вѣдаю, колико опечаленъ былъ духъ благочестивыхъ жителей града сего, лишившихся собственнаго своего пастыря и чести града, епископскимъ престоломъ возвеличеннаго и толикою древностію утвержденнаго. Въ таковой прискорбности вы возмнили, что и устроеніе самаго сего престольнаго храма лишится красоты своей, и слѣды пастыр-

*) Говорено въ г. Коломнѣ, въ Соборной церкви, 1804 г., сентября 13 дня.

скаго пребыванія будутъ заглажены. Можно было опасаться сего; но ваша вѣра, ваше усердіе, ваша щедрота, ваши молитвы все то удержали и подкрѣпили. Се, видимъ мы нынѣ сей Божественный храмъ, въ лучшей красотѣ и благолѣпіи, нежели что было отъ самаго созданія сего храма, отъ самаго устроенія епископскаго престола. Откуду сіе, откуду? Поистинѣ, „отъ Господа бысть сіе, и есть дивно во очію нашею“ (Марк., 12, 11).

Пусть Іерусалимскій храмъ великаго царя Константина будетъ огромнѣе, будетъ великолѣпнѣе, и слава его знаменитѣе; но вѣрую, что ваше усердіе и ваша вѣра суть не меньшія. То былъ царь, и великій царь, но Христосъ Господь благоволитъ принимать и двѣ лепты убогой вдовицы паче приношенія богатыхъ. Да еще могу сказать, что въ сравненіи вашего достатка съ богатствомъ, всею вселенною обладавшаго, царя,—щедрота ваша никакъ не была меньшая. Аще мы умолчимъ, каменіе сіе возопіютъ. Се, всюду на стѣнахъ сихъ сіяетъ красота, всюду—искусство художества, всюду—ваше щедрое подаяніе; всюду—сколько священныхъ изображеній, столько языковъ, проповѣдующихъ ваше благочестіе.

Поистинѣ, нынѣ вы устроили новыхъ въ Церкви проповѣдниковъ. Совершаемыя во храмѣ семъ чтенія, пѣнія, поученія, тайны всѣ служатъ къ просвѣщенію, къ наставленію, къ исправленію нравовъ и къ насажденію въ сердцахъ христіанскихъ страха Божія. Но сіи священныя изображенія, живо и въ самыхъ лицахъ представленныя, и на стѣнахъ, и на столпахъ, и всюду, молчатъ ли? Нѣтъ! Они не молчатъ, они разглагольствуютъ съ нами: они учатъ насъ, наставляютъ насъ, обличаютъ, исправляютъ своими святыми взорами на насъ; и тѣмъ дѣйствительнѣе, что когда гласы церковные умолкнутъ, и сила учителей ослабѣетъ, а они вопіютъ непрестанно.

Открой только очи свои и виждь! се, иной учитъ благочестію, иной—терпѣнію, иной—нестяжанію, иной—нищелюбію, другой—кротости и смиренію, сей—воздержанію, той—чистотѣ и цѣломудрію, а всѣ, чтобы мы, проходя подвигъ сей, не пристрастны были къ землѣ; а возносили бы и мысль свою, и сердце, и духъ къ небеси, къ вѣчному нашему отечеству. Се, колико вы для себя и для всѣхъ устроили учителей и проповѣдниковъ! вы имъ будете одолжены своимъ въ жизни наставленіемъ; но и они нѣкоторымъ образомъ имѣютъ почитать себя должниками вамъ, что вы, поставивъ ихъ, яко свѣтильниковъ на свѣщницѣ, не попустили, да сокрыты они будутъ подъ спудомъ, но да свѣтятъ всѣмъ, иже суть въ сей священной храминѣ.

Великая и святая взаимная связь! Они—учители, вы—ихъ ученики; они желаютъ васъ учить, а вы желаете учиться отъ нихъ. Великая

похвала ученику, когда охотно пріемлетъ наставленіе учителя, а еще большая похвала ученику, когда онъ самъ тщательно изыскиваетъ учителя для своего обученія; изыскавъ, посажаетъ его на каѳедрѣ учительской, а самъ предъ нимъ благоговѣйно стоитъ, отверзаетъ уста, уши и сердце свое къ принятію его спасительныхъ поученій и горняго просвѣщенія, и отходитъ отъ сего источника, яко губа муромъ напоенная.

Таковую вы заслужили похвалу отъ Бога и человѣкъ; и не должно ли опасаться, дабы вы симъ не возгордились, аки бы посвятили Богу столь великое приношеніе, что уже Онъ большаго отъ насъ и требовать не можетъ. Нѣтъ, благочестивые христіане, хотя я и не опасаюсь, дабы отъ васъ сіе было; однако, въ предосторожность, почитаю за пастырскій долгъ сказать вамъ нѣчто въ наставленіе ваше.

Се, храмъ сколько бы преукрашенъ и великолѣпенъ ни былъ, но онъ есть вещественный и наружный; а есть другій храмъ, духовный и внутренній. Сей храмъ есть „сами вы“. Послушайте, что возглашаетъ Апостолъ: „Храмъ Божій святъ есть, иже есте вы. Вы есте церкви Бога жива, и Духъ Божій живетъ въ васъ“ (1 Кор., 3, 16). Ежели вы украшаете толико сей вещественный храмъ, то колико несравненно болѣе долженъ украшенъ быть храмъ вашъ внутренній! Постыдно намъ будетъ взирать на самыя сіи преукрашенныя стѣны, ежели душа наша будетъ безобразнѣе ихъ; стѣны тогда возопіютъ: „мы благолѣпны, а вы отвратительны; мы позлащенны, а вы замарапы; мы сіяемъ, а вы помраченны. Всякъ, взирая на насъ, любуется; а на васъ взирая, Богъ и Ангелы оскорбляются. Мы представляемъ видъ пріятный и веселый, а вы—смущенный и унылый“. Не дай Богъ, чтобы таковое посрамленіе пало на насъ, и все иждивеніе, на украшеніе сего храма употребленное, осталось бы тщетнымъ. Не дай Богъ, чтобы между симъ храмомъ вещественнымъ и нашимъ внутреннимъ было такое несогласіе и раздоръ.

Мы теперь празднуемъ обновленіе храма сего, вкупѣ съ празднованіемъ обновленія славнаго храма Іерусалимскаго. Совершимъ же обновленіе и самихъ себя. Сей храмъ обновляется перемѣненіемъ вида, изъ худшаго въ лучшее, изъ малоцѣннаго въ драгоцѣнное; обновляется призываніемъ святѣйшаго имени Божія и благодареніемъ за Его поданную помощь и содѣйствіе. Но обновленіе внутренняго нашего храма бываетъ инымъ образомъ; а какимъ, послушайте о томъ не меня грѣшнаго, а Пророка Исаіи. „Взыщите Господа, и внегда обрѣсти вамъ Того, призовите: егда же приближится къ вамъ, да оставитъ нечестивый пути своя, и мужъ беззаконенъ совѣты своя, и да обратится ко Господу, и помилованъ будетъ, яко попремногу оставитъ грѣхи ваша“ (Ис., 55, 6 и 7). Се, истинное обновленіе внутренняго храма!

Кто, бывъ неблагочестивъ, положилъ въ сердцѣ своемъ—отселѣ во храмѣ служить Богу духомъ и истиною и поучатися въ законѣ Его день и нощь,—тотъ обновилъ храмъ сердца своего. Кто, невоздержный, рѣшился впредь хранить воздержаніе и трезвость,—тотъ обновилъ храмъ свой душевный. Кто, блудникъ и сладострастенъ, положилъ обѣщаніе отселѣ хранить чистоту и цѣломудріе,—тотъ обновилъ внутренній храмъ свой. Кто, скупъ и сребролюбивъ, рѣшился впредь быть человѣколюбивъ и податливъ для бѣдныхъ и неимущихъ,—тотъ обновилъ духовный храмъ свой. Кто, враждебенъ и злобенъ, возжелалъ прервать вражду, отложить злобу и со всѣми жить мирно и кротко,—тотъ празднуетъ обновленіе храма своего душевнаго. Кто, гордъ и вознесливъ, смиритъ себя предъ Богомъ и человѣки,—тотъ съ мытаремъ оправдится, обновится. Кто, безпеченъ и привержень только къ землѣ, отселѣ и мысли и сердце будетъ возносить къ небеси и не столько о счастіи земномъ, сколько о блаженствѣ вѣчномъ помышлять станетъ,—тотъ въ радости духа будетъ праздновать праздникъ обновленія своего. Таковаго-то обновленія требуетъ и взыскиваетъ отъ насъ Богъ!

Любезные братія! соедините обновленіе храма сего, молю, соедините съ таковымъ обновленіемъ души вашея. Тогда-то обновленіе наше будетъ полное, тогда-то празднованіе наше будетъ совершенное и торжество по всему радостное. И я предусматриваю, что нѣтъ великаго затрудненія продолжить вамъ и совершить сіе внутреннее обновленіе. Ибо вы уже начали оное, когда столь горячо возусердствовали обновить храмъ сей и на украшеніе его учинили столь щедрое подаяніе, каждый по силѣ своей. Сіе какъ иначе принять, развѣ что оно проистекло изъ источника благочестія вашего, и изъ усердія къ Богу и къ святому жилищу Его? Когда же такъ, то уже, вотъ, и положено святое основаніе обновленія внутренняго, духовнаго храма.

Украшая сей храмъ, вы украсили свои души и изъ храма сего рукотвореннаго проложили себѣ путь во храмъ вѣчный, нерукотворенный на небесѣхъ. Не обидливъ Богъ, чтобы забыть трудъ вашъ и усердіе и щедроту. „Се Господь грядетъ, и мзда Его съ Нимъ“ (Апок., 22, 12). Да уже и вижу я Господне воздаяніе вамъ за сіе. Сему вашему тщанію и усердію восписую я, что Богъ подвигнулъ сердце Помазанника Своего въ сіе же самое время даровать граду сему облегченіе въ тѣлесныхъ и житейскихъ нуждахъ его.

Пріидите убо, возрадуемся Господеви, и возвѣстимъ дѣла Его съ веселіемъ и благодареніемъ. Пріидите и вы, нѣкоторые жалкіе жители града сего, сихъ священныхъ церковныхъ соборовъ нашихъ чуждающіеся; пріидите, возвеличите Господа со мною, и вознесемъ имя Его вкупѣ. Единъ Господь, едина вѣра, едина Церковь, единъ градъ,

едина во градѣ да будетъ душа, яко столпъ бурею заблужденій непоколебимый, сходственно съ своимъ именемъ: ибо „Коломна“, по нашему нарѣчію, означаетъ „столпъ“,—да вси едиными усты и единымъ сердцемъ прославимъ и воспоемъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

Слово на день св. Архангела Михаила *).

Нынѣшній день, можно сказать, есть праздникъ Церкви не столько земной, сколько небесной, или паче, Церковь земная беретъ участіе въ торжествѣ небесной Церкви. По разсужденію богослововъ, есть Церковь земная и есть Церковь небесная: ибо вообще „Церковь“ есть соборъ избранныхъ Божіихъ.

А сіи Божіи угодники раздѣляются на два рода. Одни на земли подвизаются, другіе, по совершеніи своего подвига, на небеси уже увѣнчаны. Одни воюютъ на земли противъ моря, плоти и діавола; другіе съ высоты небесъ взираютъ на сію славную борьбу, и своими молитвами и содѣйствіемъ имъ воспомоществуютъ. Земные еще воюютъ, но разнымъ образомъ: одни изъ нихъ мужественнѣе, другіе слабѣе; одни неутомленно, а другіе изнемогаютъ. Одни иногда подъ симъ тяжкимъ подвигомъ и упадаютъ, но возстаютъ; другіе, яко исполины крѣпкіе, текутъ путь, ни мало не ослабѣвая, и каждый день, по Пророку, „восхожденія полагаютъ въ сердцѣ своемъ“ (Псал., 83, 6) и приближаются къ небесамъ, приближаются къ Церкви небесной. Въ сіе время подвига Церкви земной, небесные побѣдоносцы не остаются праздны. Они, по благоволенію Подвигоположника Бога, къ симъ земнымъ своимъ собратіямъ снисходятъ: слабыхъ подкрѣпляютъ, изнемогающихъ ободряютъ, падшихъ возставляютъ и паки на борьбу вооружаютъ. Ибо, по слову нынѣ чтеннаго Апостола, „вси служебніи дуси въ служеніе посылаются для хотящихъ наслѣдовати спасеніе“ (Евр., 1 14).

И сему должно быть: ибо Церковь земная и небесная суть единаго существа, единаго состава, различествуютъ онѣ токмо степенями. Одни возвышенны и побѣду свою уже совершили; другіе стремятся къ возвышенію и ревнуютъ стать побѣдителями. Они между собою суть собратія: оба они суть въ числѣ Богомъ избранныхъ, съ тѣмъ различіемъ, что одни уже совершили подвигъ и оканчиваютъ въ нѣдрахъ Божіихъ; другіе ихъ братія поспѣшаютъ къ тому же, съ содѣйствіемъ Бога и съ предстательствомъ небожителей, желаютъ и надѣются быть участны той же славы.

*) Говорено въ Москвѣ. въ Архангельскомъ соборѣ, 1804 года, ноября 8 дня.

Такъ не основательно ли Церковь опредѣлила, чтобы, подъ именемъ Архангела Михаила и всѣхъ безплотныхъ Силъ, въ торжествѣ Церкви небесной взять и намъ нѣкоторое участіе? Сіе для Церкви земной есть дѣло полезное. Я вѣдаю, что воинамъ, здѣсь на землѣ воюющимъ, къ ободренію ихъ духа, весьма много содѣйствуетъ, когда они или взираютъ, или хотя воображаютъ и воспоминаютъ тѣхъ храбрыхъ героевъ, кои одержали славныя побѣды надъ непріятелями, и содержатся у всѣхъ въ удивленіи и устами всѣхъ прославляются. И для того же, какъ нѣгдѣ я читалъ, у древнихъ храбрыхъ Римлянъ въ обыкновеніи было, что они у себя въ домахъ, и приватныхъ и публичныхъ, выставляли изображенія и статуи славныхъ побѣдоносцевъ, дабы тѣмъ младыхъ воиновъ, взирающихъ на сіе, возбудить и воспламенить къ подобному мужеству и славѣ.

Церковь земная имѣетъ свой подвигъ, своего рода войну, да и воюетъ противъ непріятелей самыхъ сильныхъ и самыхъ страшныхъ. „Ибо нѣсть наша брань противу плоти и крови“, то есть, противъ непріятелей плотскихъ, коихъ побѣдить есть лишить ихъ той жизни, которая не рѣдко однимъ ударомъ можетъ быть отъята; но наша брань есть „противу началъ, и властей, противу міродержителей тьмы вѣка сего, противу духовъ злобы поднебесныхъ“ (Ефес., 6, 12). Наша брань есть противъ „міра, плоти и діавола“, чтобы всѣ прелести мірскія преодолѣть, чтобы всѣ плотскія страсти укротить, чтобы всѣ козни діавольскія посрамить.

Ни копіе, ни мечъ, ни всякое оружіе, ни огнь, ни крѣпость тѣлесная, ни хитрость военная противъ сего нимало не сильны. Потребны иного рода мужество, иное искусство, иные обороты, иныя оружія, иной духъ.

Воина Церкви земной, великій и искуснѣйшій ея военачальникъ, Павелъ вооружаетъ къ сей брани слѣдующими оружіями: вмѣсто меча даетъ ему „глаголъ Божій“ (Ефес., 6, 17); вмѣсто военнаго пояса, опоясуетъ его „истиною“; вмѣсто грудной брани, укрѣпляетъ его перси „правдою“; вмѣсто щита, ограждаетъ его „вѣрою“, дабы не быть уязвленнымъ стрѣлами ядовитыми; вмѣсто шлема, на защиту главы возлагаетъ „спасеніе“, то есть просвѣщенное знаніе своего истиннаго блаженства. Самыя ноги его обуваетъ „благовѣствованіемъ мира“, то есть, быть не утружденну, дабы всѣхъ примиряти съ Богомъ. Что же остается или такъ вооруженному воину, чтобы не могъ онъ одержать побѣду; или непріятелю, чтобы дерзнуть выступить противъ таковаго воина? „Оружія воинства нашего“,—восклицаетъ духовный герой Павелъ,—„суть не плотская: во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуемъ, но сильны Богомъ на разореніе твердемъ: помышленія низлагающе и

всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій, и плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово, и въ готовости имуще отмстити всяко преслушаніе“ (2 Кор., 10, 3—6).

Конечно, извѣдавъ самымъ опытомъ силу сихъ оружій, великій Павелъ съ таковою свободностію выхваляетъ сіи оружія и въ войнѣ сей обнадеживаетъ побѣдою несумнительною.

А мы что скажемъ на сіе? Скажемъ, что и самое дѣйствительное оружіе бываетъ не сильно, когда оно попадается въ руки неискусснаго, слабаго и малодушнаго воина. И для того мудрый Апостолъ, выхваливъ силу оныхъ оружій и сказавъ, что готовы мы отмстить всяко преступленіе,—не оставилъ тотчасъ приложить: „аще исполнится ваше послушаніе“,—то есть, если такъ расположите себя, чтобы умѣть управлять сими оружіями, и будете поступать точно по опредѣленному правилу, или дисциплинѣ духовной. Если же должнаго къ сему расположенія не будетъ, и дисциплина духовная не будетъ наблюдаема: то и самыя тѣ оружія, сколь они ни укрѣплены силою Божіею, не будутъ дѣйствовать въ рукахъ слабаго воина. Ибо сколько съ Своей стороны Богъ укрѣпляетъ подвижника Своего, столько же противникъ и искуситель—міръ, плоть и діаволъ усиливаются ослабить силу оружій Божіихъ. А какъ, посмотримъ.

Остроту меча глагола Божія притупляетъ онъ мудрованіями вѣка, или правилами мірскими, которыя правила называетъ Павелъ „стихіями или началами міра“, противными стихіямъ Христовымъ. Препоясаніе истиною развязываетъ ложью, лестію, лукавствомъ. Грудную броню правды ослабляетъ неправдою, корыстолюбіемъ, хищеніемъ и алчбою богатства. Щитъ вѣры разстроиваетъ невѣріемъ, маловѣріемъ, суевѣріемъ и излишнимъ мечтаніемъ о своемъ разумѣ. Шлемъ спасенія съ главы свергаетъ невѣжествомъ, заблужденіемъ и безпечностію. Самыя ноги, обутыя благовѣствованіемъ мира, творитъ поспѣшными на ссоры, на брани, на вражды и несогласія. Вотъ—вооруженный оружіями Божіими воинъ Христовъ; вотъ—онъ же и обезоруживаемый, или по крайней мѣрѣ ослабляемый кознями діавольскими! Съ одной стороны, зрѣлище прекрасное и боголюбезное,—съ другой, печальное и пагубное.

Чѣмъ же пособить ослабѣвающему воину Христову? Особливо, что мы здѣсь представляемъ сего воина, уже въ воинство Христово записавшагося, уже вкусившаго сладость грядущаго вѣка, уже подвизавшагося, уже до вѣнца достигающаго, но, при всемъ томъ, ослабѣвающаго. Нельзя смотрѣть на таковаго воина безъ жалости и безъ желанія, чтобы ему какъ-нибудь помочь. Много пособій открываетъ слово Божіе въ таковомъ случаѣ.

Но, оставивъ за краткостію времени исчислять всѣхъ ихъ, се, видимъ, что въ сіе вступается сама Церковь Божія. Она подъемлетъ таковаго ослабѣвающаго воина и велитъ ему взирать на Церковь небесную, на тѣхъ его собратій, которые уже подвигъ совершили, побѣду одержали и вѣнцами побѣдоносными увѣнчались. „Зри“, — говоритъ она ему,—„зри, подвижниче, и не ослабѣвай. Зри: се, святіи вси побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія, заградиша уста львовъ, угасиша силу огненную, избѣгоша острея меча, возмогоша въ немощи, быша крѣпцы во бранехъ, обратиша въ бѣгство полки чуждихъ“ (Евр., 11, 33—34), и прочія славныя дѣла. Какъ же они проходили сей великій подвигъ? А вотъ какъ! „Руганіемъ и ранами искушенія пріяша, еще и узами и темницею: каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша: проидоша въ милотехъ и въ козіяхъ кожахъ, лишени всего, скорбяще, озлоблени“ (Евр., 11, 36 и 37). Не смутись, что тебѣ предлагаю я таковый трудный путь въ теченіе подвига твоего. Точно, слово въ слово, и въ мірѣ семъ возбуждаютъ воиновъ къ мужеству и храбрости, напоминая, какіе труды, бѣдствія, страданія претерпѣли тѣ, кои, наконецъ, стали побѣдителями и въ роды прославились. „Зри“, что тѣ, трудный подвигъ коихъ устрашаетъ тебя, нынѣ составляютъ Церковь небесную; на главахъ ихъ—побѣдоносные вѣнцы, и они прославлены славою Божіею, яко другіе боги. Ибо „побѣждающему“, — глаголетъ Богъ, „дамъ сѣсти на престолѣ Моемъ“ (Апок., 3, 21). Не сильно ли все сіе ободрить тебя, дабы проходить подвигъ безъ ослабленія?

Ты скажешь, что представляешь ты мнѣ въ небесной Церкви ангеловъ, кои, бывъ безплотны, не были подвержены тѣмъ искушеніямъ, коимъ—мы, будучи въ немощной плоти. Однако, они тебѣ— предстатели, помощники и молитвенники о тебѣ. Но пусть такъ: се, въ Церкви небесной суть и человѣки! Тамо—Авраамъ, тамо—Павелъ, тамо—Петръ, тамо—Антоній, тамо—Сергій, тамо—безчисленные святые. Они всѣ были въ подобной тебѣ плоти, тѣмъ же немощамъ, тѣмъ же страстямъ подлежали. Но сіе въ подвигѣ богоугодномъ ихъ не удержало, не ослабило; вознеслись выше плоти, выше человѣчества, восторжествовали надъ всѣми вражіими силами. Они и въ жизни сей за сіе почтены были отъ Бога силою чудотвореній; но о семъ не радовались, „яко дуси имъ повинуются“, а радовались, „яко имена ихъ написаны на небесѣхъ“ (Лук., 10, 20). И се, зриши, яко не только имена ихъ написаны въ книгѣ животной, но и сами они наслаждаются жизнію блаженною и некончаемою. Что убо остается тебѣ къ извиненію? или паче, чего уже не достаетъ къ ободренію твоему? Иди, иди: подвизайся, побѣждай, увѣнчивайся и царствуй во царствіи Божіемъ.

Таковое Церковь даетъ наставленіе воину Христову; такъ его вооружаетъ и ободряетъ; такъ его напутствуетъ къ славѣ небесной. Всякъ христіанинъ есть воинъ Христовъ, всякому говоритъ слово Божіе: „Толикъ имѣя облакъ“ увѣнчанныхъ подвижниковъ, „терпѣніемъ теки на предлежащій тебѣ подвигъ, взирая на Начальника вѣры и Совершителя Іисуса, Иже вмѣсто предлежащія радости претерпѣ крестъ“ (Евр., 12, 1—2); и симъ путемъ вниде въ славу Свою.

Благодаримъ убо тебѣ, Церковь Божія, яко, учрежденіемъ сего празднованія Церкви небесныя, ты подала намъ толико побужденія и ободренія. Молимъ же тя, или паче главу твою, Христа, да пошлетъ Онъ всѣмъ намъ, а паче нашему тезоименитому младому князю Михаилу, военачалъника Михаила, къ обученію его въ воинствѣ духовномъ, дабы онъ, обучившись въ славномъ семъ училищѣ, отъ таковаго великаго учителя, сталъ храбрымъ воиномъ Іисуса Христа, къ чести Церкви, и мужественнымъ поборникомъ отечества нашего. Аминь.

Слово въ недѣлю пятнадцатую по Пятидесятницѣ *).

Вопросъ Фарисея искусителя былъ, какъ мнѣ мнится, безразсудный. Онъ вопрошалъ: которая заповѣдь изъ многихъ заповѣдей закона есть „большая“. Вопросъ—безразсудный. Ибо всѣ заповѣди составляютъ единъ священный составъ, едину божественную цѣпь, изъ коихъ ежели прервать едино звено, разрывается вся цѣпь, по свидѣтельству апостола Іакова, глаголющаго: „Иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ“ (Іаков., 2, 10). Всѣ добродѣтели между собою суть союзны: вмѣстишь въ нихъ хотя единъ порокъ и беззаконіе,—и разрушишь весь благоустроенный порядокъ.

Однако небесный Учитель, Христосъ Господь, не возгнушался отвѣтствовать на искусителевъ вопросъ и объявилъ, что первая и большая всѣхъ заповѣдей есть: „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію твоею“ (Матѳ., 22, 37). А другая заповѣдь подобна ей, есть сія: „Возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе“ (Матѳ., 22, 39). И къ сему еще приложилъ, что „отъ сихъ двухъ заповѣдей весь законъ и Пророцы зависятъ“ (Матѳ., 22, 40), то-есть, что ни предписываетъ законъ, чему ни учили Пророки, Апостолы и всѣ богопросвѣщенные мужи,—все то заключается въ тѣхъ двухъ заповѣдяхъ. Сіи двѣ заповѣди когда совершенно исполнишь, тогда все ты исполнилъ. Ничего отъ тебя ни

*) Говорено въ Виеаніи, 1805 года.

законъ, ни всѣ учители, ни Самъ Богъ требовать не можетъ, развѣ только исполненія двухъ оныхъ заповѣдей.

Но я, благоговѣя ко Господу моему и премудрости Его, дерзну сказать, что заповѣдь есть едина токмо, а именно сія: „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію твоею“. Сія заповѣдь есть единственный Божественный источникъ; а другая и прочія всѣ заповѣди суть священные потоки, изъ сего источника проистекающіе. Сію заповѣдь ежели совершенно сохранишь, непремѣнно и ближняго возлюбишь, и всѣ прочія заповѣди исполнишь; а ежели сію заповѣдь не сохранишь, то и вторая и прочія всѣ останутся безъ исполненія.

Никакъ нельзя что-либо доброе не только сотворить, но и помыслить, ежели не положишь прежде въ душѣ своей сего священнаго основанія любви къ Богу. Да и было бы весьма странно, чтобы мнѣ любить ближняго и что-нибудь другое доброе сотворить, ежели сердце мое не воспламенено любовію къ Богу. Откуда будетъ во мнѣ добро, когда нѣтъ во мнѣ источника всѣхъ благъ?

Сіе я говорю не безъ намѣренія: ибо слышу, что многіе мудрецы міра сего отзываются, что „вѣра состоитъ въ добродѣтели“: „довольно-де для меня той вѣры, что я дѣлаю добро“. Таковое мнѣніе есть весьма погрѣшительное и есть сѣть, распростертая отъ непріязненнаго духа, чтобы ослабить вѣру, или паче отвести отъ нея; а чрезъ то дать волю развратности человѣческой и, подъ видомъ дѣланія добра, отворить дверь всѣмъ страстямъ каждаго.

Но прежде, нежели приступаю къ опроверженію сего вреднаго мнѣнія, долженъ я объяснить оную великую заповѣдь: „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію твоею“. Видимо, что сія заповѣдь, любовь къ Богу, требуетъ трехъ отъ человѣка главныхъ его частей: „сердца, души и мысли“. Другіе Евангелисты къ сему еще прибавляютъ: „и всею крѣпостію твоею“; но сія крѣпость не есть особая часть, а только обозначаетъ, что любовь къ Богу въ сердцѣ, душѣ и мысли должна быть самая крѣпкая. Такъ сіи три части разберемъ мы, каждую особь. И хотя въ Евангеліи сказанъ порядокъ, что прежде положено сердце, потомъ душа, а послѣ сего мысль; но мы прежде скажемъ о мысли, потомъ о душѣ, а послѣ сего о сердцѣ,—да и не оставимъ объяснить, почему Господомъ положено прежде сердце, потомъ душа и мысль.

Возлюбить Господа всею мыслію никакъ нельзя, ежели прежде не познаешь Его въ самой истинѣ, и каковъ Онъ есть Самъ въ Себѣ. Ибо не можемъ мы любить то, чего не знаемъ; о добротѣ, красотѣ и пользѣ чего еще не увѣрены. Сердце наше не привлекается любовію,

развѣ къ добротѣ и красотѣ, которую познали и восчувствовали мы. Итакъ, прежде всего мысль, или умъ нашъ долженъ быть просвѣщенъ познаніемъ Бога.

Но что есть „познать Бога?“ Познать траву, дерево и послѣднѣйшую тварь, въ ея существѣ и по всѣмъ ея свойствамъ, не только есть трудно, но и едва ли возможно. Величайшіе, какіе были въ свѣтѣ мудрецы, едва ли познали какую-либо вещь въ той точности, какъ она познана быть можетъ, такъ, чтобы уже о ней ничего болѣе узнать было не можно. Такъ что же сказать о Богѣ, о семъ безначальномъ, безконечномъ, вездѣсущемъ, присносущномъ Существѣ? Обще всѣ признаютъ, что Богъ есть непостижимъ; сіе святый Златоустъ ясно и весьма сильно доказалъ въ своихъ словахъ „О непостижимомъ“.

Ежели же сіе есть самая истина, то какъ же можно утвердить, что язычники, не имѣвшіе другой силы къ познанію, развѣ только, какія остались въ поврежденной природѣ,— какъ можно утвердить, чтобы они познавали Бога? Ни Платонъ, ни Сократъ, ни Аристотель, ни прочіе всѣ философы не имѣли совершеннаго познанія о Богѣ.

Я не спорю, что они имѣли нѣкоторое о томъ понятіе, какъ и Апостолъ утверждаетъ, говоря: „Яко разумное Божіе“, то-есть, что человѣку развращенной природы можно познать о Богѣ; „явѣ есть въ нихъ“, то есть, не могло быть безызвѣстно имъ: „Богъ бо явилъ имъ есть“ (Римл., 1, 19), то есть, оставилъ нѣкоторыя въ природѣ человѣческой способности къ познанію Бога, и присносущной Его силы и Божества. И это—только для того, чтобы имъ остаться „безотвѣтными“, или неизвинительными, ежели бы совсѣмъ не имѣли никакого понятія о Богѣ; или, нѣсколько понимая, почитали бы Его не такъ, какъ должно, или не такъ бы жительствовали, какъ бы сходственно съ тѣмъ понятіемъ надлежало. Итакъ, мудрецы міра сего или не понимали Бога, или и понимали, но весьма недостаточно.

Я сіе говорю не только о существѣ Божіемъ и о свойствахъ Его, что и самые философы сего не понимали, но даже ни самаго бытія Божія. Понимали изъ нихъ нѣкоторые, что есть единъ Богъ, и нѣкоторыя Его безконечныя свойства; но сіе понятіе было въ нихъ несовершенное, не было оно сильнымъ и неколебимымъ убѣжденіемъ въ ихъ совѣсти. Почитали они то истиною вѣроятною, но не точною и убѣдительною, чтобы нимало не колебались о томъ. Сіе доказываетъ, во-первыхъ, то, что ежели бы они совершенно познали Бога, то сходственно съ тѣмъ Его и почитали бы. Но они, какъ Апостолъ говоритъ, „измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и птицъ и четвероногъ и гадъ“ (Римл., 1, 23). Возможно ли сей безмѣстности и гадкости быть при совершенномъ и убѣдительномъ познаніи Бога?

Скажутъ на сіе защитники философовъ, что въ таковомъ заблужденіи были простой народъ, а не философы. Я соглашусь, что сіи мудрецы имѣли о Богѣ лучшее понятіе, нежели простой народъ; однако, со всѣмъ тѣмъ, вмѣстѣ съ простымъ народомъ ходили во храмы скверныхъ изображеній Божества; вмѣстѣ съ ними приносили жертвы, вмѣстѣ съ ними любовались сочиненіями стихотворцевъ, которые боговъ описывали самыми постыдными и скверными красками.

Но они-де сіе дѣлали по наружной благопристойности, или, какъ нынѣ говорятъ, „по политикѣ“. Ежели по политикѣ, такъ сіе самое весьма сильно доказываетъ, что они не имѣли въ сердцѣ убѣдительнаго увѣренія о Богѣ и свойствахъ Его: ибо, ежели бы имѣли, никакъ не могли бы и по наружности согласиться съ простымъ народомъ въ толь безумномъ и пагубномъ заблужденіи. Возстали бы противъ таковаго заблужденія съ истинною ревностію, всѣ силы употребили бы отвести другихъ отъ таковаго заблужденія; и лучше бы захотѣли умереть, нежели пристать къ такому пагубному заблужденію.

Осмѣлился было нѣкогда противъ сего возстать Сократъ философъ, но, какъ погрозили ему за то смертію, тотчасъ оказалъ низкость своего духа, убоялся, заперся въ признанной истинѣ и, вмѣсто того, чтобы въ томъ умереть, при самой смерти призналъ боговъ, да еще и послѣ себя завѣщавалъ принести Ескулапію жертву.

Таковы ли были христіане? таковы ли—святые мученики? Они за истину Божію не устрашились никакихъ ужасныхъ мученій, ни самой смерти; но исповѣданіе своей совѣсти запечатлѣли собственною жертвою своею, и то для того, что въ истинѣ познанія Божія и свойствъ Его неколебимо и убѣдительно были увѣрены въ душѣ своей, конечно, несравненно лучше, нежели всѣ философы.

Во-вторыхъ, что всѣ язычники и мудрѣйшіе заблуждали въ познаніи о Богѣ Апостолъ доказываетъ тѣмъ, что они не меньше, какъ и простой народъ, вели житіе нечестивое, мерзкое, беззаконное, и еще болѣе гнусное, нежели самый простый народъ,—каковыя беззаконія и мерзости, именно, и исчисляетъ онъ въ первой главѣ, въ посланіи къ римлянамъ. Ежели бы, разсуждаетъ богомудренно Апостолъ, язычники и мудрѣйшіе имѣли истинное и убѣдительное понятіе о Богѣ и свойствахъ Его, никакъ сей свѣтъ пресвѣтлый не допустилъ бы помѣститься въ душѣ ихъ таковому мраку нечестія. Сіи суть неоспоримыя доказательства, что язычники и всѣ ихъ философы истиннаго и убѣдительнаго о Богѣ познанія не имѣли, а потому основательно имъ въ самое лице премудрый Павелъ свободно сказалъ, что они были, „яко безбожны въ мірѣ“ (Ефес., 2, 12).

Мы въ таковое объясненіе о мудрецахъ языческихъ взошли для

того, что слово наше есть „о любви къ Богу“. Ибо непознанной, или несовершенно познанной, вещи любить не возможно. Такъ откуда же мы можемъ занять сей спасительный свѣтъ? Единственно, христіане, отъ вѣры. Разсудокъ нѣсколько озаряется мыслію, а сердце убѣждается и укрѣпляется вѣрою. Но что есть вѣра? Многія суть знаменованія ея, но не имѣя теперь времени взойти въ сіе пространнѣйшее разсужденіе, скажу только, что премудрый Павелъ, опредѣляетъ вѣру такъ: „Вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ“ (Евр., 11, 1), или, тоже сказать простѣе, вѣра есть несомнительное и убѣдительное увѣреніе о тѣхъ вещахъ, кои получить мы надѣемся: „уповаемыхъ извѣщеніе“; и открытіе, или представленіе предъ самыя очи тѣхъ вещей, видѣть коихъ мы не можемъ: „вещей обличеніе невидимыхъ“. Такъ что же есть невидимое?—Невидимое и самое сокровенное есть Богъ. Что есть уповаемое?—Уповаемое есть блаженство наше и временное и вѣчное, по Божію благоволенію и милосердію намъ доставляемое. Едина вѣра открываетъ намъ сіе невидимое, едина вѣра о семъ уповаемомъ увѣряетъ насъ и оное намъ непогрѣшительно доставляетъ.

Сія-то единая таинственная вѣра приводитъ насъ къ неложному познанію о бытіи Бога и объ Его Божественныхъ свойствахъ. Она открываетъ всѣ совершенства Божіи, всю красоту Его, всю Его премудрость, всю силу, всю Его благость, всю Его любовь къ намъ и ко всѣмъ тварямъ, все Его неусыпное промышленіе о насъ и о всѣхъ тваряхъ; всѣ Его чудныя и страшныя и любезныя судьбы, коими ведетъ къ Своему предѣлу каждую тварь и всѣ ея дѣла, и вообще движенія, дѣйствія и намѣренія всѣхъ приводитъ къ общему концу, и во всемъ хранитъ премудрый и удивительный порядокъ.

Я желалъ бы показать, какимъ образомъ вѣра доставляетъ познаніе сіе, но помѣстить то въ семъ словѣ не достанетъ времени. А только изъ сего вы сами уже можете узрѣть, что Богъ, таковымъ образомъ вѣрою познанный,—совершенство Его, такимъ образомъ открытое,—красота Его премудрости, таковыми очами вѣры усмотрѣнная,—судьбы Его, до внутренности достигшія, займутъ всю душу, всѣ ея силы, всѣ ея чувства, и тѣлесныя и душевныя. Никакой уже твари ни красота, ни прелесть тронуть и привлечь къ себѣ таковую душу не могутъ: ибо вся она будетъ занята совершенствомъ, красотою и неизреченною сладостію Бога. А потому таковый просвѣщенный вѣрою человѣкъ возлюбитъ Бога „всею мыслію своею и всею душею своею“.

А какъ чувство сей неизглаголанной Божіей любви есть въ благочестивомъ сердцѣ, и въ семъ святомъ хранилищѣ блюдется сіе Божественное сокровище: то, потому, Спаситель и далъ любви къ Богу первое мѣсто „въ сердцѣ“; а потомъ душѣ, поелику дѣйствіе про-

свѣщенной мысли она прежде всего почувствуетъ. Итакъ, сія святѣйшая троица—просвѣщенная вѣрою „мысль“, чувствующая совершенство и красоту Божію „душа“, а чрезъ то, возженное любовію къ Богу и никогда непогасающее, „сердце“ составитъ человѣческое блаженство и временное и вѣчное.

Такъ не дерзай ты, безразсудный, говорить, что вѣра состоитъ въ добродѣтели: вѣра состоитъ въ любви къ Богу, а добродѣтель есть святая струя, изъ сего Божественнаго источника проистекающая. Не дерзай говорить: „довольно-де для меня той вѣры, когда я дѣлаю добро“. Но ты добра не только дѣлать, а и помыслить не можешь, ежели основанія всѣхъ благъ, „любви къ Богу“, не положишь въ сердцѣ своемъ; сіе же основаніе изобрѣтаетъ и утверждаетъ вѣра.

Заключимъ убо слово свое со Христомъ Спасителемъ, что не только первая и большая, но и единственная заповѣдь, яко источникъ всѣхъ добродѣтелей, есть сія: „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію твоею, и всею крѣпостію твоею“ (Матѳ., 22, 37). Аминь.

Слово въ недѣлю шестнадцатую по Пятидесятницѣ *).

Таланты Евангельскіе суть различныя дарованія, коими Богъ снабдилъ всякаго человѣка; различныя, говорю: ибо иному даровалъ пять талантовъ, другому два, а иному единъ.

Спроситъ кто: почему Богъ даровалъ не всѣмъ таланты равные, но иному больше, иному меньше? Евангеліе объясняетъ то, что таланты даны „каждому по силѣ его“ (Матѳ., 25, 15), то есть, сколько кто вмѣстить могъ, сколько кто къ чему способенъ.

Но какъ природа каждаго зависитъ отъ воли и устроенія всемогущаго Творца, то почему,—паки вопроситъ кто,—Творецъ не всѣмъ устроилъ равную природу? На сіе можемъ отвѣтствовать, что различныя суть состоянія людей, различныя воспитанія, различныя сложенія тѣла и души,—какъ по различности состоянія, такъ и по различности родителей и странъ, гдѣ родились, и по многимъ многочисленнымъ причинамъ; а паче—по Божіимъ неиспытаннымъ судьбамъ, кои совершенно изслѣдовать и познать мы не можемъ.

Не можемъ, да и не должны: ибо что—нужды, когда иному дано пять талантовъ, другому два, а тебѣ единъ? Можетъ ли имѣть тутъ мѣсто зависть? Употребивъ въ пользу и единъ талантъ, ты столько

*) Говорено въ Вneaніи, 1805 г.

же получаешь награды, какъ и тотъ, который, получивъ пять талантовъ, употребилъ ихъ въ добро. Сіе мы видимъ на принявшемъ два таланта, что онъ столько же равномѣрно похваленъ и награжденъ, какъ и получившій пять талантовъ. Такъ что же за нужда завидовать пріемшему больше талантовъ?

Еще я смѣю сказать, что пріемшій единъ талантъ, нѣкоторымъ образомъ, счастливѣе человѣка, принявшаго пять талантовъ: ибо, кто больше принялъ, болѣе обязанъ трудиться, подвизаться, заботиться и опасаться, чтобы не подпасть отвѣту за неупотребленіе тѣхъ талантовъ, или за злое ихъ употребленіе; а пріемшій единъ талантъ, Промысломъ Божіимъ, болѣе облегченъ и меньше подверженъ опасности: ибо, по Евангельскому слову, „ему же дано много, много и взыщется отъ него“ (Лук., 12, 48).

Такъ не въ томъ—сила, чтобы желать больше, или меньше талантовъ; но, сколько бы ни благоволилъ праведный и милосердый Распорядитель вещей даровать тебѣ талантовъ—пять, или единъ, всеприлежно старайся, чтобы данный тебѣ талантъ не остался безъ дѣйствія и тщетнымъ; а употребленіе изъ него дѣлай полезное и для себя, и для другихъ.

Я долженъ бы еще трудиться, изыскивая, какіе-то суть различные таланты и дарованія, кои даетъ Богъ каждому человѣку; но Божіе слово, безъ моего труда, исчисляетъ и объясняетъ оные. Апостолъ Павелъ въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ пишетъ: „Комуждо дается явленіе Духа на пользу. Овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Дусѣ: другому же вѣра, тѣмъ же Духомъ: иному же дарованія исцѣленій, о томъ же Дусѣ: другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо яко же хощетъ“ (1 Кор., 12, 7—11). Видимъ мы различныя Духа Святаго дарованія, или таланты,—видимъ и слышимъ; но мало то слышать и видѣть, а не умѣть, какъ ихъ употреблять. Вотъ, какимъ образомъ употреблять ихъ научаетъ насъ тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ.

А дабы для каждаго было то понятнѣе, я объясню самое наставленіе Апостола. „Имуще“, говоритъ онъ, „дарованія по благодати даннѣй намъ различна“ (Римл., 12, 6), такъ да употребляемъ ихъ. „Пророчество ли“ кто получилъ, то есть предусматривать и предсказывать, что изъ чего впредь случиться, или выдти можетъ,—долженъ онъ просвѣтить разумъ свой вѣрою, то есть, истиннымъ познаніемъ Бога, Который есть зерцало всѣхъ истинъ—и прошедшихъ, и настоящихъ, и будущихъ. Да и не просто сказалъ Апостолъ—по вѣрѣ, но: „по мѣрѣ

вѣры", ибо мѣра вѣры есть различна и многочисленна. Иная малая и скудная, иная превосходная или высочайшая. Высочайшая—та, которая весьма сближаетъ таковаго человѣка съ Богомъ, и изъ бездны Его всевѣдѣнія онъ свободною рукою черпаетъ познаніе и будущаго. Какова въ человѣкѣ мѣра вѣры, таково его и пророчество: или мало, или весьма много и сокровенныхъ вещей Богъ открываетъ ему. До сего убо дарованія чтобы достигнуть, умножай свою мѣру вѣры.

Получилъ ли кто должность каковаго-либо служенія? „Аще ли служеніе, въ служеніи" (Римл., 12, 7); то есть, труды свои обращай въ пользу другихъ, и даръ въ самомъ себѣ не скрывай. Получилъ ли кто должность учительства? „Аще учай, во ученіи": сію должность свято наблюдай, чтобы проходить оную со всякимъ тщаніемъ нелѣностно, просвѣщая другихъ свѣтомъ, отъ Бога дарованнымъ тебѣ. Получилъ ли кто даръ утѣшенія? „Аще утѣшаяй, во утѣшеніи". Даровалъ ли тебѣ Богъ сердце сострадательное и несчастіями другихъ трогательное? Утѣшай другихъ, почитая, что сей даръ данъ тебѣ не напрасно; и, возставляя скорбящаго брата, не меньше самъ въ себѣ возчувствуешь удовольствіе и утѣшеніе. „Аще подаваяй, и въ простотѣ". Снабдилъ ли тебя Богъ имѣніемъ? алчущаго накорми, жаждущаго напой, нагаго одѣнь, бѣдному во всемъ помоги; да и дѣлай сіе не по хвастовству, не ожидая отъ людей похвалы или награды, но отъ признательной къ Богу благодарности, что ты даешь не свое, а Его, яко вѣрный распорядитель Его даровъ, ожидая отъ Него единаго похвалы и воздаянія.

„Аще подаваяй, въ простотѣ: предстояй, со тщаніемъ". Поставленъ ли кто отъ Бога начальникомъ, духовнымъ или мірскимъ? требуется отъ него тщательность, чтобы единственно помышлялъ о томъ, какъ бы чего не упустить, чего требуетъ отъ него начальство; недостаточное поправить, а достаточное довершить и заслужить отъ Бога и человѣкъ имя правосуднаго, человѣколюбиваго и вѣрнаго начальника. „Милуяй, съ добрымъ изволеніемъ" (Римл., 12, 8). Рану всякаго приложи къ самому себѣ, скорби и страданія другихъ почитай своими. Сіе расположитъ тебя сожалѣть о другихъ и помогать имъ не иначе, какъ бы ты дѣлалъ то для самого себя.

„Любы нелицемѣрна". А она требуетъ, по Апостольскому же толкованію, чтобы „ненавидѣть злое и прилѣпляться къ благому" (Римл., 12, 9). Зло само собою отвратительно, а добро привлекательно; доброй душѣ зло отвратительно, а добро привлекательно. Злой душѣ—напротивъ: она ко злу болѣе стремится, яко оно сродно ея злой природѣ; а ежели кажется, и добро любитъ,—сіе дѣлаетъ по лицемѣрію, дѣлаетъ одинъ видъ. Наружность кажется благовидна, а внутренность развращенна; таковою любовію она болѣе вредить можетъ, нежели самою

явною злобою. Таковая любовь святаго имени святой любви не достойна.

„Братолюбіемъ другъ ко другу любезни“. Всѣ мы—единаго Отца чада, да таковаго праведнаго и чадолюбиваго Отца, яко Онъ равно всѣхъ любитъ, равно обо всѣхъ печется. Неравенство Его любви и попеченія о насъ мы сами причиняемъ: ибо не равно Его любимъ, не равно Его волѣ послѣдуемъ. Онъ любитъ насъ, но мы любви Его не пріемлемъ; Онъ печется о насъ, но мы попеченіе Его злымъ своимъ житіемъ тщетно творимъ. По праву таковаго чадолюбиваго и попечительнаго общаго нашего Отца, и мы должны всѣхъ почитать братіями своими и любить ихъ, какъ свою братію, и тѣмъ соотвѣтствовать любви Отца нашего къ намъ. Любовь братолюбія не рѣдко нарушается нами, когда по судьбамъ Божіимъ, иной—въ высокомъ, другой—въ низкомъ состояніи; одинъ богатъ, другой скуденъ. Обыкновенно возвышенный презираетъ низкаго, а богатый отвращается скуднаго. Нѣтъ тутъ любви, не можетъ быть братолюбія.

Отъемля сіе преткновеніе, Апостолъ любви желаетъ, „да мы честію другъ друга больша творимъ“ (Римл., 12, 10). О! свято желаешь, Апостоле! но едва ли и не напрасно. Гдѣ намъ, возвышеннымъ достоинствомъ, напыщеннымъ гордостію, отдѣленнымъ отъ бѣдныхъ богатствомъ,—гдѣ намъ другъ друга больше почитать? Довольно было бы, когда бы мы униженныхъ и бѣдныхъ почитали равными себѣ.

Но, чтобы не отяготить гордыхъ и богатыхъ таковымъ несноснымъ для нихъ снисхожденіемъ, — скажемъ, что не сего требуетъ Апостолъ, чтобы мы другихъ, низкихъ и бѣдныхъ, выше себя почитали; но чтобы почитали ихъ болѣе, нежели сколько ихъ есть уничиженное и бѣдное состояніе, чтобы мы не презирали ихъ и не отвращались, яко ничтожныхъ, и не позабывали бы, что они хотя униженны и бѣдны, но по единому Отцу и по единой вѣрѣ суть наши братія и наслѣдники единаго съ нами упованія.

Сего бы довольно къ изъясненію, какъ мы должны употреблять дары Божіи; но не терпитъ Апостолъ, чтобы изъ полноты своего святаго сердца не приложить къ тому еще. „Тщаніемъ,“ говоритъ, не „лѣнивы“: гдѣ потребны прилежаніе и трудъ, не предавайтесь нѣгѣ и разслабленію; „духомъ горяще“: ревность къ расширенію благочестія есть священный огонь, возжигаемый свѣтомъ вѣчнымъ. Сей огонь да пылаетъ въ васъ; и почитайте, что въ васъ ослабѣваетъ вѣра, ослабѣваетъ добрая жизнь, ежели вы попустите погаснуть сему небесному огню. „Господеви работающе“ (Римл., 12, 11). Видитъ все сіе Господь нашъ, видитъ Своихъ подвижниковъ, знаетъ и можетъ Онъ васъ прославить и вознаградить; да и обѣщается прославляющихъ Его прославить.

„Упованіемъ радующеся“. Трудны подвиги, тягостны труды, „скорби терпяще“: много скорби праведнымъ“. Но кто когда, подвизаясь, не отягощается? Награда, покой и слава не бываютъ во время подвига, а по благополучномъ окончаніи подвига. „Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ“ (Мато., 5, 12).

Жизнь сія сама собою есть кратка, но пребывающимъ въ гоненіяхъ, въ трудахъ и скорбяхъ можетъ показаться тягостною и долгою. Пусть праведницы обнадежены великою наградою на небеси, но, доколѣ откроется сія небесная награда, чтобы, между тѣмъ, подвижники не ослабѣвали въ своихъ подвигахъ и скорбяхъ, Богъ имъ въ облегченіе и помощь назначилъ „молитву“ (Римл., 12, 12). Ибо что есть молитва? „Молитва есть бесѣда наша съ Богомъ и Божія съ нами“. Въ печали твоей, ежели побесѣдуешь съ другомъ вѣрнымъ и благоразумнымъ, печаль твоя не мало облегчается. Какого же долженъ ожидать ты себѣ облегченія, когда почасту будешь бесѣдовать съ Богомъ и Бога возбудишь бесѣдовать съ тобою? Сія бесѣда сладчайшая изліетъ медъ сладости и исцѣленія по всѣмъ костемъ твоимъ. Да „усладится“,—говоритъ къ Богу Пророкъ о молитвѣ,—„Тебѣ бесѣда моя“ (Псал., 103, 34). Ежели молитвенная бесѣда твоя есть сладость Самому Богу, то какъ не будетъ сладостна тебѣ къ ободренію твоего духа и къ мужественному терпѣнію подвига и скорбей?

При молитвѣ, „требованіямъ святыхъ пріобщающеся, страннолюбія держащеся“ (Римл., 12, 13). Нужды труждающихся для васъ благочестивыхъ мужей примѣчайте и дополняйте ихъ своимъ доброхотнымъ подаяніемъ, странныхъ пришельцевъ принимайте благодушно и довольствуйте ихъ всѣмъ, по возможности, съ своей охотою. Ежели вы будете такъ поступать съ другими,—и васъ, въ скудость пришедшихъ и въ изгнаніе на землю чужую осужденныхъ, не оставитъ Богъ: Онъ возбудитъ другихъ, чтобы и вамъ въ нуждахъ равно помогали, и въ изгнаніи благопріятно принимали.

А чтобы и самые враги ваши умягчили злость свою и не столько бы свирѣпствовали на васъ, никого само по себѣ врагомъ себѣ не дѣлайте. А какъ?—„Благословляйте гонящія вы: благословите, а не клените“ (Римл., 12, 14). Онъ—съ огнемъ, ты—съ водою; онъ—съ гнѣвомъ, ты—съ кротостію; онъ—съ свирѣпостію, ты—съ терпѣніемъ. А еще, коли можеши, „аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его: сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его“ (Римл., 12, 20). То-есть, таковымъ поступкомъ, яко огнемъ, опалишь его совѣсть и приведешь въ стыдъ и раскаяніе. Сіи-то суть таланты и различныя дарованія Божія! такимъ-то образомъ должно употреблять ихъ истинному христіанину.

Но, наконецъ, не оставимъ помянуть объ ономъ Господнемъ словѣ:

„Имущему вездѣ дано будетъ, и преизбудетъ: отъ неимущаго же, и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него“ (Матѳ., 25, 29). Имущій разумѣется тотъ, который данные таланты употребилъ благоразумно, въ пользу свою и другихъ. А неимущій почитается тотъ, который данный и единъ талантъ не только не употребилъ въ пользу, но и пренебрегъ его, и сдѣлался яко неимущимъ ничего: ибо сіе значитъ: „мнится имѣя“, то-есть, „кажется, что онъ имѣетъ“, но самою вещію не имѣетъ ничего, ноелику самъ себя и послѣдняго лишилъ.

Великое ободреніе—для употребляющихъ таланты Господни во благое, такъ же, какъ и великое несчастіе—для того, который лишается и малаго даннаго таланта. Получилъ благоразумный пять только талантовъ, а Богъ даруетъ ему и десять и болѣе. Ибо благое употребленіе дарованій Божіихъ есть подобно текущей водѣ, которая самымъ непрестаннымъ теченіемъ своимъ чиститъ и увеличиваетъ саму себя, а вода не текущая загниваетъ и изсыхаетъ.

О, блаженъ тотъ, который не закопалъ таланты Господни въ землѣ забвенія или нерадѣнія, но пустилъ ихъ въ торгъ, то-есть, далъ имъ надлежащее движеніе и теченіе! И они принесли ему безчисленный прибытокъ, да еще съ привѣтствіемъ самымъ желаннымъ и ласковѣйшимъ отъ Бога: „Добрый рабе, благій и вѣрный! о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю; вниди въ радость Господа твоего“ (Матѳ., 25, 21). Аминь.

Слово въ недѣлю семнадцатую по Пятидесятницѣ *).

„Нѣсть добро“,—сказалъ Спаситель женѣ Хананейской,—„нѣсть добро отъяти хлѣбъ чадомъ, и повергти псомъ“ (Марк., 7, 27). Подлинно, безразсудный и немилосердый былъ бы тотъ отецъ, который попустилъ бы дѣтямъ своимъ истаявать отъ глада, а кормилъ бы своихъ собакъ.

Но кто же въ родѣ человѣческомъ—чада Божіи? кто у Него—псы? Всѣ суть созданіе рукъ Его: обо всѣхъ Онъ болѣзнуетъ, обо всѣхъ печется, даже и псы не лишены Его питанія: „даетъ пищу всякой плоти“ (Псал., 135, 25). Кто убо—сіи псы, коихъ Онъ хотя и питаетъ, но не предпочитаетъ чадамъ Своимъ? Чадами Онъ наименовалъ „іудеевъ“, а псами „язычниковъ“: ибо жена, яко хананеянка, была язычница. Былъ ли сей судъ Христовъ праведенъ?—зѣло праведный, ежели разумѣть, какъ-то и сама Христова истина велитъ, подъ именемъ іудеевъ, всѣхъ тѣхъ,

*) Говорено въ Вноаніи, въ 1805 году.

которые имѣютъ истинную вѣру въ Бога и живутъ свято по Его волѣ, а подъ именемъ язычниковъ разумѣть всѣхъ тѣхъ, которые пребываютъ въ невѣдѣніи истиннаго Бога, въ крайнемъ заблужденіи и ведутъ нечистую, беззаконную жизнь. Таковыхъ разумѣетъ Спаситель іудеевъ и язычниковъ.

А что сіе, подлинно, есть разумѣніе Христово, то утверждаетъ Онъ въ другомъ мѣстѣ: „Мнози пріидутъ отъ востокъ и западъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Іаковомъ во царствіи небеснѣмъ; а сынове царствія изгнани будутъ вонъ“ (Мато., 8, 11 и 12). Тоже призналъ Онъ и въ язычникѣ, сотникѣ Римскомъ: „Яко ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ“ (Мато., 8, 10). Се, іудеи у Него безвѣрны, или маловѣрны, а язычникъ вѣренъ. Да и нынѣшняя жена за вѣру зѣло похвалена. „О жено! велія вѣра твоя“ (Мато., 15, 28). И, сподобившись получить желаемое, яко чадо, хлѣбомъ небеснымъ была напитана; а іудеи, яко псы, были лишены онаго.

А еще болѣе то объясняетъ Апостолъ Павелъ: „не бо“, — говоритъ, „иже явѣ, іудей есть, ни еже явѣ во плоти, обрѣзаніе: но иже въ тайнѣ іудей, и обрѣзаніе сердца духомъ, а не писаніемъ: ему же похвала не отъ человѣкъ, но отъ Бога“ (Римл., 2, 28 и 29). То-есть, не тотъ, который отъ всѣхъ почитается іудеемъ, есть прямо іудей,—и не то прямое есть обрѣзаніе, которымъ открыто обрѣзывается крайняя плоть; но тотъ самою вещію есть іудей, котораго люди за таковаго не признаютъ, но вѣдастъ его единый Богъ,—и то есть прямое обрѣзаніе, коимъ тайно очищается духъ, и обрѣзывается сердце отъ страстей; сей-то человѣкъ прямо угоденъ Богу, хотя и неизвѣстенъ человѣкамъ. Сихъ-то именуетъ Господь чадами Божіими.

Но для чего же Онъ произнесъ столь строгое противъ жены Хананейской изреченіе, коимъ она почтена аки за пса: „Нѣсть добро отъяти чадомъ хлѣбъ, и повредши псомъ?“ Во-первыхъ, для того, что іудеи происходили отъ рода Богу любезнаго, отъ вѣрнаго Авраама и отъ него получили истинное богопознаніе, а язычники были и въ богопознаніи заблуждающи, и въ жизни развратны. Второе, что какъ іудеи, бывшіе въ Христово время, много развратились и въ богослуженіи истинномъ, и въ жизни были беззаконы; а язычники нѣкоторые были и вѣрны Богу, и житіемъ добродѣтельны, какъ и нынѣшняя жена хананейская: то можно утвердительно сказать, что Христосъ произнесъ оное изреченіе не столь по разумѣнію собственному, сколько по мнѣнію развращенныхъ іудей, кои хотя жили хуже язычниковъ, но себя предпочитали всѣмъ народамъ, хвалясь неосновательно, яко родъ Авраамовъ есмы, и не совѣстно язычниковъ почитали псами.

Богъ, по устроенію тайны Христовой, сподобилъ насъ, христіанъ,

быть іудеями не именемъ, но вещію: ибо Авраамъ есть отецъ нашъ, яко отецъ всѣхъ вѣрующихъ,—сподобивши быть истинными израильтянами, сподобилъ насъ быть чадами своими. „Елицы пріяша Его“, то-есть Христа, Посланника Божія, „даде имъ область чадомъ Божіимъ быти“ (Іоанн., 1, 12). Были мы, подлинно, заблужденіемъ язычники, идолопоклонники, не вѣдущіи истиннаго Бога, были житіемъ яко нечистые псы; но отродилъ насъ Богъ, по единой благости Своей, „банею паки-бытія“ (Тит., 2, 5). Вдругъ духовно переродились, во Христа крестились и во Христа облеклись, стали „нова тварь о Христѣ“ (2 Кор., 5, 17). Такъ не должны мы бояться, чтобы таковымъ изреченіемъ устрашилъ насъ Господь: „Нѣсть добро отъяти хлѣбъ чадомъ, и поврещи псомъ“. Мы имѣемъ право питаться хлѣбомъ животворнымъ небеснаго Отца, не должны опасаться жребія презрѣнныхъ псовъ.

Но воззримъ на іудеевъ, и содрогнемся. Были они чада Божіи, но сдѣлались отверженными, стали псами нечистыми. Можно изъ чадъ Божіихъ, изъ чадъ Авраамлихъ стать чадами діавольскими. „Вы“,—сказалъ Спаситель іудеямъ,—„не чада Авраамовы, но отца вашего діавола есте“ (Іоанн., 3, 44). Можно же и изъ чадъ діавольскихъ стать чадами Божіими. „Сосуды“, по разсужденію Апостольскому, „златые и серебреные“ не могутъ быть глиняными, такъ же, какъ и сосуды глиняные—златыми и серебряными. Но, по произволенію и свободности человѣческой души, можно ей, бывшей златой, обратиться въ глиняный сосудъ; но ей же можно, бывшей глиняной, обратиться въ сосудъ златый. Все зависитъ отъ произволенія твоего, человѣче, при помощи благодати Божіей. Можетъ и христіанинъ жить развратно, яко язычникъ,—и язычникъ можетъ жить, яко истинный христіанинъ, чистъ вѣрою, непороченъ сердцемъ.

Но какой же долженъ послѣдовать странный превратъ! Пусть не вѣренъ язычникъ, поелику, по неисповѣдимымъ судьбамъ, не возвѣщена вѣра ему; пусть живетъ онъ беззаконно, поелику и закона не имѣетъ для наставленія своего. Но что же, когда не вѣруетъ и христіанинъ, коему вѣра открыла всѣ тайны Божіи? что, когда живетъ беззаконно онъ, коему всѣ правила святаго житія или извѣстны, или—предъ очами его, коему, за храненіе заповѣдей Божіихъ, обѣщано соединеніе съ Богомъ и блаженство вѣчное; а, за преступленіе оныхъ, отверженіе отъ Бога и несчастіе вѣчное? Коликая слава—изъ невѣрующаго стать вѣрнымъ, изъ развратнаго стать добродѣтельнымъ и чадомъ Божіимъ! Коликій стыдъ и посрамленіе—изъ вѣрнаго стать невѣрнымъ, а изъ очищеннаго и святаго стать порочнымъ и беззаконнымъ! Ежели таковые суть христіане, какъ-то по несчастію не мало таковыхъ примѣчается,—какъ должны мы оказывать ихъ, коими слезами

оплакивать несчастное состояніе ихъ? Но окаевать и оплакивать ихъ нѣтъ никакой пользы; а большая польза—помыслить, какъ бы ихъ исправить, какъ бы ихъ изъ заблужденія на путь истины привести.

Я думаю въ примѣръ представить нынѣшнюю жену хананейскую: примѣръ болѣе дѣйствуетъ, нежели едино слово. Была она язычница, идолопоклонница: какъ же могла возвыситься до принятія Христовой вѣры, отвергнуть идоловъ и познать единаго истиннаго Бога? Была она, яко жена, слабая не только тѣлесными силами, но и душевными: какъ же она могла просвѣтиться паче премудрыхъ и разумныхъ, отъ нихъ же Господь утаилъ тайны Свои? какъ могла преодолѣть долговременную привычку заблужденія, въ которой пребывала отъ младенчества и въ коей родилась, бывъ окружена и родомъ своимъ и всѣми, въ такомъ же заблужденіи пребывающими? какъ могла вынести поношенія и осмѣянія отъ ослѣпленныхъ людей за таковую внезапную перемѣну? какъ могла не устрашиться имѣющихъ за таковою перемѣною послѣдовать гоненій и страданій?

Трудно было бы повѣрить, чтобы въ слабой женѣ послѣдовала таковая чудная перемѣна; но такъ было въ самомъ дѣлѣ. Евангеліе тому—неложный свидѣтель. Для рѣшенія сего чудеси, и чтобы подражать тому намъ, сдѣлаемъ мы анатомію ея души, то есть, разберемъ, сколько возможемъ, подробно внутренность ея и сокровенныя въ сердцѣ ея дѣянія.

Не извѣстно намъ, изъ какого рода она была, благородная ли, или нѣтъ, какихъ родителей, какъ воспитана, съ кѣмъ обращалась, въ чемъ упражнялась, какое ея было съ людьми обхожденіе, и какое было людей о ней мнѣніе. Узнавъ сіе, удобнѣе было бы рѣшить объ ея чудесной перемѣнѣ; однако, со всѣмъ тѣмъ, можемъ мы обозрѣть внутренность ея и сокровенныя въ душѣ ея дѣянія. Много въ случаѣ семъ послужитъ намъ самое принятіе ея вѣры, самое, удостоенное Христомъ, исцѣленіе дщери ея, самый ея отвѣтъ на строгій Христовъ отказъ, и великая похвала самой вѣры ея отъ Небеснаго Учителя: „Жено! велія вѣра твоя“.

Родимся мы всѣ одинаковымъ образомъ, но великое различіе бываетъ въ сложеніи и въ свойствѣ тѣла и души. Доброе свойство умножается добрымъ воспитаніемъ, благонравными родителями, обхожденіемъ съ добрыми, благоразумными людьми. А, притомъ, Промыслъ Божій, о всѣхъ пекущійся, нечаянно подаетъ разные благопріятные случаи къ нашему наставленію, о коихъ мы и не мыслили. Въ совѣсть каждаго насадилъ Богъ естественный законъ, который, сколько ни помраченъ порчею природы, однако, свѣтъ сей нѣсколько сіяетъ сквозь густую темноту: онъ открываетъ различіе между истиною и ложью,

между добромъ и зломъ. Истина же всѣхъ большая и всѣхъ важнѣйшая есть познаніе Бога: ибо во всякомъ случаѣ, при всякой нашей нуждѣ, при всякомъ нашемъ дѣлѣ срѣтается Богъ. Все зависитъ отъ Него: всякій случай не можемъ приписать, какъ только Его устроенію; всякая нужда заставляетъ насъ искать Его помощи. Никакое дѣло не можетъ имѣть своего успѣха. Видимъ, что и благопріятнымъ случаямъ и нуждамъ нашимъ необходимымъ, и дѣламъ порядочно производимымъ срѣтается тысяча препятствій, тысяча затрудненій, тысяча неудобствъ, нами нерѣшимыхъ. Сіе все заставляетъ прибѣгать къ Богу и отъ Него требовать и ожидать успѣха въ предпріятіяхъ, и благословенія въ начинаемыхъ дѣлахъ.

Жена хананейская, добрѣ воспитанная и добрымъ разсудкомъ одаренная, удобно сіе видѣть могла. Ибо Апостолъ, говоря объ язычникахъ, точно сказалъ: „Яко разумное Божіе явѣ есть въ нихъ“ (Римл., 1, 19); то есть, способность и сила къ уразумѣнію единаго истиннаго Бога, имъ отъ природы вліяна; она отъ нихъ не скрыта, но открыта. Взирала же благоразумная хананеянка на свое богослуженіе, которое предано ей предками и обычаемъ однимъ. Видѣла, что ей представляютъ не единаго, многихъ боговъ; да и тѣхъ подъ видомъ чувственныхъ болвановъ, даже „подъ видомъ четвероногъ и гадъ“ (Римл., 1, 23). Но еще о нихъ богословствуютъ, что они были прежде люди, а потомъ попали въ боги,—и приписываютъ имъ такія безмѣстныя дѣла, что, еслибы и честный кто былъ человѣкъ, а сіе бы творилъ, то почтенъ былъ бы за человѣка безчестнаго и достойнаго всякаго отвращенія и наказанія. Разсуждая все сіе, хананеянка усумнилась, чтобы тѣ боги былъ истинный Богъ, сотворивый небо и землю и управляющій премудро всяческая; усумнилась, чтобы таковые боги могли помочь во всякихъ случаяхъ, во всякихъ нуждахъ и во всякихъ дѣлахъ, даже въ очищеніи совѣсти и въ перемѣнѣ души изъ злой въ добрую, изъ помраченной въ просвѣщенную; усумнилась и, долго о томъ размышляя, рѣшилась, чтобы таковыхъ боговъ не признавать за боговъ, а признавать единаго истиннаго Бога, Творца неба и земли. Что основано на одномъ, хотя долговременномъ, обыкновеніи и утверждается одними, примѣрами развратныхъ людей, не есть суще истинно; особливо, когда противъ того вопіетъ и здравый разсудокъ, и правая совѣсть.

Сей свѣтъ богопознанія осіялъ новымъ свѣтомъ душу жены хананейской; и самый естественный законъ совѣсти открылся въ ней въ большей ясности. Она узрѣла, что тѣ дѣла, кои привыкли люди почитать похвальными или предосудительными, суть не праведны и безчестны, яко судомъ совѣсти осуждаются; а тѣ, напротивъ, кои почитаютъ безчестными, никакого предосужденія въ себѣ не заключаютъ, и

совѣсть ихъ признаетъ угодными Богу. Просвѣтивъ себя таковымъ благоразумнымъ разсужденіемъ, воспріяла особенный родъ жизни, послѣдуя не обыкновенію общему, но руководству своей совѣсти. Стала жить не языčески, а добродѣтельно; взошла она чрезъ сіе на первую степень богопознанія и подвела себя подъ руководство естественнаго закона исправленной совѣсти.

Но еще много не доставало, чтобы взойти ей и на высшую степень просвѣщенія Евангельскаго. Однако, къ тому она предуготовила уже себя и благодати Божіей работу облегчила. „Во всякомъ бо языцѣ бояйся Бога и дѣлаяй правду, пріятенъ Ему есть“ (Дѣян., 10, 35). Не въ томъ смыслѣ, какъ нѣкоторые мнятъ и говорятъ, что во всякомъ народѣ, хотя бы нехристіанскомъ, „бояйся Бога, и дѣлаяй правду“ уже Богу угоденъ и болѣе ничего не требуетъ. Никакъ, а сіе слово: „пріятенъ“ значитъ тоже, что къ пріятію вѣры онъ предуготовилъ себя, поелику всѣ затрудненія дѣйствію благодати Христовой отъ себя отъялъ, какъ-то и въ подлинникѣ греческое слово, δεκτὸς, сіе означаетъ. Когда же жена хананейская такимъ образомъ себя предуготовила; то се—и случай. Къ счастію ея, находился тогда на землѣ Спаситель міра, Проповѣдникъ, посланный съ небесъ, и возвѣщалъ прямый путь истины и спасенія. Къ счастью ея, дщерь ея постигла болѣзнь отчаянная; сія болѣзнь, сія страждущая о болѣзни материяя утроба какъ бы побудила ее идти и припасть къ ногамъ великаго Чудотворца. Молила Его о исцѣленіи дщери съ полною вѣрою въ Него и въ святую Его проповѣдь; съ полною вѣрою, говорю, ибо доказываетъ то ея благоразумный отвѣтъ: когда она была отгоняема, яко нечистый песъ, сравнена быть съ чадами недостойная, она отвѣтствовала: „И пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ“ (Марк., 7, 28). Сей отвѣтъ закючалъ въ себѣ всю полноту вѣры и высоту богословія. „Я признаю,—говоритъ,—себя быть нечистымъ псомъ, я—грѣшница и беззаконница,—я не отрипаюсь, чтобы Ты почиталъ меня за пса; но удостой меня, яко пса, хотя единой крупицы отъ Твоея изобильныя и царскія трапезы. Благость Твоя, яко бездна, изливается на всѣ твари щедрою рукою. Изъ сей бездны, хотя единую каплю, излей на меня грѣшницу, грѣшницу кающуюся, и въ Тебѣ единомъ оправданія и спасенія ищущую“.

Таковый отвѣтъ усладилъ и Самого Господа, и Онъ воздалъ ей похвалу предъ лицемъ неба и земли. „О жено! велія вѣра твоя: буди тебѣ, яко же хощеши“ (Мато., 15, 28). И такъ, она получила желаемое: дщерь исцѣлѣла и тѣломъ и душею; да и сама она исцѣлѣла душею: удостоилась привести въ совершенство свою вѣру, стала любезною ученицею Христовою и истинною христіанкою.

Ей-то подражать должны мы, христіане. Стыдно бы было сказать сіе христіанамъ: ибо она подражала христіанамъ, а не мы ей должны подражать. Но сіе говорю для христіанъ, имя сіе великое носящихъ, а не творящихъ дѣлъ христіанскихъ и потому вѣры прямыя христіанскія не имѣющихъ. Сіе дѣло для христіанъ, хотя неисправныхъ, есть гораздо удобнѣе, нежели оно было для жены хананейской. Мы не—идолопоклонники, мы единаго истиннаго Бога исповѣдуемъ. Христосъ всегда при насъ есть и словомъ Своимъ и тайнами насъ къ тому руководствуетъ; да и болѣзни не только душевныя, но и тѣлесныя не меньше побуждаютъ насъ къ тому. Рѣшись убо, при помощи благодати Божіей, иди, не останавливайся, не зри вспять, и получишь желаемое. Аминь.

Слово въ недѣлю двадесятую *).

„Юноше! тебѣ глаголю, востани“ (Лук., 7, 14). Не глаголи, Господи: „востани“; но: „воскресни“, ибо отъ мертвыхъ воскресаютъ, а отъ сна востаютъ. Но Спаситель смерть почитаетъ не смертію, а сномъ, такъ какъ Онъ и о другой умершей дѣвицѣ сказалъ: „Не умре дѣвица, но спитъ“ (Мато., 9, 24). И хотя другіе, непросвѣщенные, смѣялись тому, вѣдая, что она не спитъ, но умерла; однако, Онъ утверждалъ тоже, почитая смерть сномъ, а не смертію.

И мы едва ли не пристанемъ къ тѣмъ безумнымъ посмѣятелямъ: ибо никакъ не повѣримъ, чтобы смерть была сонъ, а не смерть. Сна мы желаемъ; а хотя бы и не желали, но, утрудившись и ослабѣвъ, пріятно на ложе повергаемся и въ объятія его сладко кидаемся; напротивъ, смерти боимся и страшимся, и всѣ способы употребляемъ, чтобы отвратить ее отъ себя и продолжить жизнь свою. Всѣ врачи остались бы излишними, если бы мы смерть почитали сномъ.

Разсужденіе о таковомъ расположеніи человѣка, въ разсужденіи смерти, есть весьма примѣчательно и важно: ибо оно, кажется, съ нашими природными склонностями никакъ несходно. Кто изъ человѣкъ не-животолюбивъ? кто пожелаетъ изъ бытія прейти въ небытіе? кто захочетъ лишиться всѣхъ благъ жизни сея и заключиться на вѣки во гробѣ, яко въ темницѣ мрачной и гнилой, безъ всякаго чувствія?

Но какъ бы о смерти ни разсуждали мы, однако, умереть необходимо всякому. Итакъ, лучше, кажется, и по природному разсужденію искать способовъ, какъ уменьшить страхъ смерти, а не умно-

*) Говорено въ Виѳаніи, въ 1805 году.

жить его, и приходящую смерть срѣтать съ великодушнымъ и бодрымъ духомъ, нежели съ боязнію и страхомъ.

Разсужденіе о семъ никто не можетъ принять, кромѣ христіанъ: ибо тому, кто не вѣритъ будущей жизни и воскресенію мертвыхъ, всуе будешь говорить о семъ, что бы ты ни говорилъ. Кто почитаетъ, что смертію онъ обращается въ ничто, и не только ничего по смерти лучшаго не уповаетъ, но и здѣшняго всего невозвратно лишается,—тому смерть не можетъ казаться, развѣ страшною и ужасною. Говори ему, что смерть есть не смерть, но сонъ,—онъ приметъ то съ посмѣяніемъ.

Но намъ, христіанамъ, таковое разсужденіе не только есть вмѣстительно, но и пріятно: ибо мы вѣруемъ воскресенію мертвыхъ и чаемъ жизни будущаго вѣка. Но изъ христіанъ суть нѣкоторые, кои смерти боятся и весьма неохотно ее срѣтаютъ. Посему долгъ нашъ сію слабость въ нѣкоторыхъ христіанахъ поправить и сколько-нибудь къ принятію смерти ободрить ихъ. Для сего слово свое мы раздѣлимъ на двѣ части. Въ первой покажемъ, что привязываетъ насъ къ жизни сей, и что заставляетъ бояться ея; во второй, почему смерть есть не смерть, а сонъ,—и болѣе желательна, нежели страшна.

Привязываютъ насъ къ жизни сей здѣшнія благая. Конечно, жизнь сію мы не очень бы любили, да и сами себя добровольно бы лишили оной, ежели бы Творецъ не соединилъ съ нею никакихъ благъ. Почему нерѣдко видимъ, что люди въ крайней скудости, изнуряемые непрестанными и мучительными болѣзнями и дряхлостію, болѣе желаютъ умереть, нежели жить. И сіе премудро устроено попечительнымъ о насъ Промысломъ Божіимъ, дабы мы свою жизнь берегли, и не только страшились бы лишать себя оной, но и употребляли бы всякіе способы, дабы свое здравіе сохранить и отвращать всякіе случаи, могущіе жизнь нашу безвременно прекратить.

Сіе устроено Творцемъ премудро и промыслительно. Но должны мы сообразоваться съ таковою премудрою и промыслительною Творческою волею, и, въ противность оной, мысли свои и заботы не простирать. Ежели бы воля Творца была, чтобы жили мы всегда и никогда бы не умирали, то и попеченіе о жизни своей и о ея благахъ мы никогда не должны бы оставлять, и, ежели бы, сверхъ чаянія, намъ возвѣщалъ кто о смерти, мы должны были бы принять то съ негодованіемъ, и такую внезапную вѣсть принять со страхомъ и ужасомъ. Но воля Творца нашего была и есть, чтобы жизнію сею мы пользовались краткое время. Седмьдесятъ, аще въ силахъ осмьдесятъ лѣтъ, а далѣе жизнь обращается въ тягость, въ трудъ и болѣзнь, и, наконецъ, сіи труды и болѣзни прекращаетъ смерть.

Когда такова есть воля и непремѣнный уставъ премудраго и пре-

благаго Бога, то уже противенъ былъ бы сей волѣ и уставу тотъ, который пожелалъ бы жизни своей продолжиться безъ конца, и оную ожидалъ бы со страхомъ и трепетомъ, желая, чтобы она къ нему никогда не приходила. Сіе не только дѣлаетъ тебя противникомъ воли Господней, но и представляетъ почти лишеннымъ разума: ибо безумно желать того, что никакимъ образомъ сбыться не можетъ.

Вопросишь ты, почему же Богъ опредѣлилъ для насъ столь краткую жизнь, и оную окончать смертію? Жизнь сію опредѣлилъ Господь не для того, чтобы мы только жили, а чтобы употребили оную на подвигъ, дабы, подвизавшись добрымъ подвигомъ, заслужить награду и, яко доброму подвижнику, увѣнчану быть вѣнцемъ лучшей, безсмертной жизни. Почему не только жаловаться на краткость жизни, но и должно благодарить Промыслителя, что Онъ на подвигъ нашъ опредѣлилъ не долгій, но краткій срокъ, и, щадя нашу слабость, чтобы отъ долговременнаго подвига мы не изнемогли и не уныли, жизнь нашу сократить благоволилъ. Кто изъ воиновъ, на службу и войну противъ непріятеля назначенныхъ, будетъ негодовать, что ему срокъ службы назначенъ весьма короткій? Напротивъ, будетъ за то благодарить царя, а за долговременный срокъ будетъ роптать и негодовать. И ты—воинъ Вышняго Царя. Жизнь сію назначилъ Онъ тебѣ для подвига: благодари за означенное для сего столь краткое время, да и тѣмъ болѣе благодари, что за подвигъ, въ столь краткое время совершенный, но награждаемый столь щедро, не только жизнію, а и царствованіемъ вѣчнымъ, награждаетъ несравненно болѣе, нежели чего стоитъ подвигъ нашъ. „Недостойны“,—говоритъ Апостолъ,—„недостойны“, то есть, ничего не стоятъ „страданія нынѣшняго времени, противу славы, имѣющей явится намъ“ (Римл., 8, 18).

Но для чего же,—паки вопроситъ кто,—блага жизни сея устроилъ Богъ столь для насъ усладительными, чтобы мы никогда съ ними разлучиться не желали? Какъ пожелать разстаться съ вѣрною женою, съ любезными чады, съ пріятными друзьями? Какъ разстаться съ возвышающими насъ выше прочихъ чинами, какъ—съ богатствомъ, съ великолѣпными домами и садами и прочимъ таковымъ? И, все сіе оставивъ на вѣки, да на вѣки же заключиться во гробѣ, въ могилѣ мрачной и согнивающей?

На сіе отвѣчать ты самъ ненарочно помогаешь мнѣ. Ты говоришь, чтобы, все то на вѣки оставивъ, заключиться на вѣки во гробѣ, въ могилѣ. Ежели, подлинно, такъ, то твоя скорбь была бы основательна, и не безъ причины ужасался бы ты смерти. Но кто тебя научилъ сему, что долженъ ты оставить блага жизни сей на вѣки и преселяться въ могилу на вѣки? кто тебя сему научилъ? Развѣ излишнее и противу-

божное къ жизни сей и къ ея благамъ пристрастіе? Богъ тебѣ все то даровалъ на время, а ты самъ собою почелъ, что оныя тебѣ даны навсегда, и чужое присвояешь себѣ. Ты почитаешь, что, лишаясь сего, лишаешься всего и ничего лучшаго не надѣешься. Богъ то все даровалъ на время, и ты всѣмъ тѣмъ пользуйся на время; срокъ, назначенный всемогущимъ Творцемъ, прошелъ, и ты долженъ все то оставить съ покоемъ. Все было не твое, а Божіе: „Господь даде, Господь и взятъ“. Твое есть только—съ благоговѣніемъ воспѣвать: „Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка“ (Іов., 1, 21).

Но и на время разставаться съ любимыми вещами есть тягостно и горестно. Правда, ежели бы ты, подлинно, съ ними разставался и лишался бы ихъ. Но ежели бы ты разставался съ тысячами, а вмѣсто того безсумнѣнно надѣялся бы получить милліоны, то не мню я, чтобы ты разставался съ тысячами съ прискорбіемъ. Все, что здѣсь оставляешь, возвращено тебѣ будетъ тысячекратно и безсравненно болѣе. Жена, скоро за тобою имѣющая послѣдовать, объиметъ тебя, сіяющаго въ красотѣ свѣта присносущнаго; скоро и чадъ своихъ облобызаешь въ восторгѣ радости вѣчной, и своей и ихъ. Ставъ Царемъ и царствуя съ Богомъ, будешь ли ты жалѣть о сихъ почастяхъ и достоинствахъ земныхъ? Обладая всѣмъ, что ни есть драгоцѣннаго на небеси и на земли, будешь ли жалѣть о семъ маломъ и тлѣнномъ богатствѣ міра сего? Что для сего нужно?—вѣра. Конечно, вѣра. Ежели въ томъ крѣпка душа твоя, то не будешь бояться приближающейся смерти, и приходъ ея почтешь преддверіемъ, вводящимъ тя въ чертоги небесные, въ жизнь несравненно лучшую сей краткой и бѣдственной жизни.

Сіе разсужденіе уже нѣкоторымъ образомъ объясняетъ и вторую часть нашего слова, то есть, почему смерть почитается сномъ, а не смертію. Почитается она сномъ, поелику Богъ Евангеліемъ Своимъ обнадежилъ насъ, что мы воскреснемъ отъ мертвыхъ. Ежели будетъ время (и, конечно, оно будетъ), что наши согнившія тѣла изъ гробовъ востанутъ и, соединившись съ своими душами, предстанутъ въ лучшей добротѣ и красотѣ, поелику возсіяютъ, яко солнце, и впредь никакое тлѣніе уже не прикоснется имъ,—то смерть уже не можетъ называться смертію: поелику оночиваніе наше во гробѣ чрезъ нѣкоторое время весьма похоже будетъ на пріятный сонъ, и мы трубою Архангельскою пробудимся, яко отъ сна, бодры, крѣпки, радостны, и начнемъ день невечерній, некончаемый, изыдемъ охотно на дѣло свое. А дѣло наше будетъ—наслаждаться Богомъ, сею добротою неистощаваемою, симъ источникомъ истины, никогда неисчерпаемымъ. Симъ блаженнымъ соединеніемъ тѣсно сопряжемся мы съ Богомъ, станемъ, яко обоженны, станемъ, яко боги, ибо узримъ Его. Не въ сѣни уже и въ гаданіи,

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

Подвижники и страдальцы за вѣру православную и землю русскую. Отъ начала христіанства на Руси до позднѣйшихъ временъ. Сост. священникъ *М. Едлинскій*. Изданіе 4-е. 248 стран. Цѣна 30 к., съ перес. 45 к.

Содержаніе: Русскіе славяне до принятія христіанства. Первое христіанство въ Кіевѣ. Святая Ольга. Кіевскій князь Владиміръ въ язычествѣ. Первомученики русскіе. Св. Ѳеодоръ и Іоаннъ. Крещеніе кн. Владиміра и всея русскія земли. Святые Борисъ и Глѣбъ. Святители, сподвижники Владиміра Святого и Ярослава Мудраго въ насажденіи на Руси Христовой вѣры. Преп. Антоній и Ѳеодосій Печерскіе. Несторъ лѣтописецъ. Симонъ, епископъ Суздальскій и Поликарпъ, игуменъ Печерскій. Преп. Никола Святоша. Св. Ефремъ. Преп. Никита и Нифонтъ, св. Новгородскіе. Св. Кукша, Евстратій и Никонъ Сухій Печерскіе. Св. Леонтій и Исаія Ростовскіе. Св. Константинъ съ чадами. Св. Авраамій, просвѣтитель Болгаръ. Владиміръ Мономахъ. Св. Андрей Боголюбскій. Преп. Евфросинія Полоцкая. Преп. Варлаамъ Хутынскій. Подвижники за землю Русскую во времена Татарскаго владычества. Св. Георгій Владимірскій. Св. Меркурій Смоленскій. Св. Михаилъ и Ѳеодоръ Черниговскіе. Св. Романъ Рязанскій. Св. Александръ Невскій. Св. Михаилъ Тверской. Св. Довмонтъ Псковскій, Св. Іоаннъ, Антоній и Евстафій.

Святые отцы церкви, ихъ жизнь и писанія. Сост. *С. Пономаревъ*. 180 стр. Цѣна 30 к., съ перес. 45 к.

Содержаніе: Св. Игнатій Богоносецъ. Св. Ермъ. Св. Поликарпъ, епископъ Смирнскій. Св. Іустинъ философъ. Св. Кипріанъ. Св. Климентъ Александрійскій. Св. Григорій Чудотворецъ. Св. Діонисій. Св. Меѳодій. Св. Іаковъ Низибійскій. Св. Антоній Великій. Св. Пахомій Великій.

Свѣточи христіанства. Сост. Протоіерей *М. Хитровъ*. Изданіе 3-е. 266 стран. Цѣна 30 к., съ перес. 45 к.

Содержаніе: Апостолъ любви. Апостольскіе мужи: Св. Игнатій Богоносецъ. Отрывки изъ посланій св. Игнатія. Св. Поликарпъ. Христіанскій мудрецъ. Мученики за вѣру. Пастырь и паства. Отшельникъ. Первые иноки: св. Павелъ Ѳивейскій и св. Антоній Великій. Мать христіанки. Христіанскій государь. Вселенскій учитель. Благовѣстники Евангелія. Православный великій князь. Угодникъ Божій. Просвѣтитель язычниковъ.

Ученіе Отцовъ Церкви православной о вѣрѣ и жизни христіанской. Статьи, избранныя изъ твореній отеческихъ. Въ 2 частяхъ. Часть I. Ученіе о [illegible] христіанской. Часть II. Ученіе о жизни христіанской. Сост. профессоръ Кіевской духовной академіи *В. Ѳ. Пѣвницкій*. 608 страницъ. Цѣна 65 коп., съ перес. 1 руб.

Оглавленіе: О непостижимомъ существѣ [illegible]ъ. О[illegible] Богъ познается, и какъ можетъ человѣкъ въ истинное богопознаніе [illegible]щ[illegible]огѣ въ природѣ видимой. О словѣ Божіемъ. Что есть евангеліе? Истин[illegible]ъ церкви, хранительницѣ апостольскаго преданія. Въ чемъ [illegible]ыражае[illegible] Божіе. Въ чемъ состоитъ мудрость христіанская. Значеніе [illegible]ы и ве[illegible] вѣра требуется отъ насъ. Нужнѣйшіе догматы вѣры. Вопрос[illegible] и отвѣ[illegible]о о единаго Бога Отца. О Богѣ Вседержителѣ. Вѣрую во [illegible]инаго Го[illegible]Сына Божія Единороднаго. О Святомъ Духѣ-Утѣшителѣ. Небо и земля— [illegible]емудрости и промыслительной благости Божіей. Мудрость Творца въ у[illegible]отвореніи человѣка и объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ. О Промыслѣ [illegible]въ мірѣ? Богъ благъ и человѣколюбивъ не только тогда, когда [illegible] наказываетъ. Отчего люди благочестивые наказуются и страждутъ? [illegible]овалъ богатство. Въ защиту Промысла Божія въ виду того, что есть [illegible]жно изыскивать, отчего одни богаты, а другіе бѣдны. Почему одни— [illegible]во о спасительномъ Божіемъ къ роду человѣческому смотрѣніи, въ [illegible]у, ко[illegible]ждетъ Виновника и образъ спасенія нашего. Всѣхъ ли Христосъ Г[illegible]подь [illegible]спа[illegible]неужели всѣ и спасаются? Прежде пришествія Х[illegible]стова въ міръ, было ли изв[illegible]е о пр[illegible]ствіи Его? Какъ Богъ невидимый, неосязаемый, [illegible]тому Духъ, явился на з[illegible] Воскресеніи Христово и его свидѣтели. Почему Господь Іисус[illegible]истосъ не явился всѣм[illegible]мъ по воскресеніи. О сошествіи Святого Духа на апостоловъ. О святой Церкви. О един[illegible]церкви. О седми тайнахъ святыхъ. О святомъ крещеніи. О святомъ причащеніи. Слово [illegible]иконахъ. О поклоненіи иконамъ святымъ. Объ иконопочитаніи. О поклоненіи кресту Х[illegible]а и силѣ крестнаго знаменія. Какому кресту Христову надобно кланяться, осмиконечному и только или и четвероконечному? О необходимости крестнаго знаменія. О ходатайствѣ святыхъ. О храненіи ангеловъ. О необходимости молиться святымъ. О почитаніи святыхъ мощей и всенощныхъ бдѣніяхъ. О малоцѣнности внѣшняго человѣка и о сутѣ настоящаго. О смерти. О смерти и воскресеніи. Утѣшеніе противъ страха смертнаго. Утѣшеніе сѣтующимъ по смерти близкихъ. Почему мы боимся смерти? О воскресеніи тѣлъ нашихъ. О второмъ пришествіи Господа Іисуса Христа. О всеобщемъ воскресеніи и страшномъ судѣ Христовомъ. О мукѣ вѣчной и животѣ вѣчномъ. О будущей жизни праведныхъ и мн. друг.

Съ требованіями обращаться въ Книжный Складъ П. П. Сойкина.
(С.-Петербургъ, Стремянная, 12, соб. д.).

Полные новые каталоги Издательства высылаются по первому требованію безплатно.

ОТЕЧЕСТВО.

Назначеніе настоящей книги—дать поучительное, занимательное и разнообразное чтеніе съ цѣлью пробужденія и укрѣпленія любви къ своей дорогой родинѣ. Книга состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ:

1) **Святыни Русской Земли**; 2) **Моменты изъ жизни славныхъ соотечественниковъ**; 3) **Изъ исторіи родной земли**, и 4) **Народы Россіи**.

Составилъ **А. Н. Сальниковъ**.

176 стран. больш. формата въ два столбца, съ 60 рисунк. и портретами.

Цѣна **60** коп., съ перес. **80** коп. Въ папкѣ **75** коп., съ пе ес. **1** р.

БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ.

Настольная книга каждаго христіанина.

Богато иллюстрированный альбомъ стихотвореній, очерковъ и повѣствованій на библейскія темы.

Большой томъ около 100 картинъ извѣстныхъ художниковъ (Густава Доре, Айвазовска о и друг.) и 150 очерковъ, стихотвореній и повѣствованій.

Въ предисловіи къ „Библіи въ картинахъ“ составитель говоритъ: „Блаженъ, кто, пробѣгая дивныя страницы священной книги, духъ и смыслъ ихъ разумѣлъ; молитву чистую надъ нею повторяя, безмолвствуя предъ ней, въ слезахъ благоговѣлъ“. Помочь читателямъ въ этомъ благоговѣйномъ уразумѣніи священныхъ для каждаго христіанина страницъ и составляетъ задачу настоящаго труда.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 коп.

ВСЕЛЕННАЯ и ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

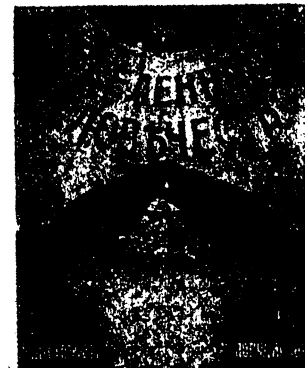
(Чудеса природы и произведенія человѣка).

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

О богатствѣ и разнообразіи содержанія „**Вселенная и Человѣчество**“ можно судить по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Земная кора и ея изслѣдованіе. II. Земная кора и ея отношеніе къ человѣку. III. Физика земного шара. IV. Происхожденіе и развитіе человѣческаго рода. V. Развитіе растительнаго міра VI. Развитіе міра животныхъ. VII. Изслѣдованіе вселенной. VIII. Изслѣдованіе земной поверхности. IX. Изслѣдованіе моря. X. Изслѣдованіе формы земного шара. XI. Возникновеніе техники. XII. Изслѣдованіе и примѣненіе силъ природы и т. п.

„**Вселенная и Человѣчество**“ является цѣннымъ руководствомъ для самообразованія, пособіемъ для учащихся.

Цѣна въ обложкѣ на веленевой бумагѣ 5 р., въ роскошномъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ и краск., 6 р., на обыкн. бум. цѣна 3 р., въ роскошномъ переплетѣ 4 руб. На пересылку добавлять 50 коп.



Свыше 1000 стран. убористой печати и до 200 рисунковъ.

тип. П. П. СОЙКИНА. СПБ., СТРЕМЯННАЯ, 12.